ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

5.

Стр.

5. Письма **А. Я. Булгакова** къ его брату изъ Неаполя въ Вѣну. 1802—1804

47. Изъ воспоминаній **Н. Д. Богатинова** (Постоялый дворъ. — Семейное благочестіе. — Кончина и похороны отца.—Красоты Кіева) 1849.

80. Два письма **великаго князя Николая Павловича** къ инженеру Фонъ-Фёрстеру.

83. С. Н. Глинка. Два письма о немъ **князя П. А. Вяземскаго** и его письмо къ В. А. Жуковскому.

92. Изъ писемъ **Ѳ. И. Тютчева**. 1858-й годъ.

106. Донскіе атаманы за послѣдніе полвѣка. **А. А. Карасева.**

117. Le roi de Volga (Волжскій царь). **П. Л. Юдина.**

133. Замѣтки о портретахъ Суворова и альбомъ Антинга. **А. И.**

137. Памяти А. С. Пушкина (о его пребываніи въ Оренбургѣ и Астраханскіе подписчики на его сочиненія). **П. Л. Юдина.**

142. Изъ автобіографіи **Прасковьи Ивановны Орловой**. (Ея бенефисъ 1841 года).

146. Пушкинъ по Запискамъ А. О. Смирновой.

159. Письмо **А. С. Пушкина** къ В. Д. Сухорукову (1836).

160. О Запискахъ А. О. Смирновой. Замѣтка ея дочери **В. Н. Соренъ.**

☞ Къ 6-му выпуску „Русскаго Архива“ будетъ приложена одна изъ книгъ „Архива Князя Воронцова“, по выбору получателей. Просимъ ихъ увѣдомить Контору „Русскаго Архива“, какую именно изъ книгъ „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они имѣть.

(Содержаніе книгъ „Архива Князя Воронцова“ см. на оборотѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1899.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА". *)

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографія показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады КоллегіиИностранныхъДѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Гюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и АлександраI. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыя двѣ книги не разсылаются безплатнымъ приложеніемъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1899.

2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Міромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Лѣта вѣрога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Хомяковъ.

1899.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ *).

1802-й годъ.

Неаполь Мая 19 (Іюня 1) 1802 г.

Радуюсь, что ты въ Вѣну ѣдешь; право, завидный городъ. Я былъ тамъ только шесть дней, и этого довольно было, чтобъ прельстить меня. Удовольствія тамъ безчисленны, множество можно найти упражненій, нѣтъ тѣхъ опасныхъ искушевій, которыя здѣсь ежеминутно встрѣчаются. Очень тебѣ рекомендую Рибопьера: рѣдко доброй, вѣжливой и услужливой малой; я пишу къ нему и рекомендую тебя. Васильчиковъ тоже хорошій малой. Anstett, твой второй шефъ, препріятнаго нраву, веселаго и не имѣетъ чванства, на которое мѣсто его даетъ ему нѣсколько право. Кудрявской мнѣ кажется педантъ, но я не даю это за истину: не водился съ нимъ и не успѣлъ его апрофондировать. Не давай ему, ради Бога, брать надъ собой верхъ, до чего онъ охотникъ. Не бери работу отъ него (которую не имѣетъ права давать) безъ приказу на то Анстета. Съ самаго начала поставь себя на ногѣ человѣка нѣсколько значущаго; всѣмъ ужъ тамъ извѣстно, кто ты, и ты увидишь, что не будутъ тебя мѣшать съ Кудр. и Волынскимъ. Тамъ не скажутъ, что ты спѣсивъ, а скажутъ, что умѣешь хорошо себя вести. Дружись съ Рибопіер.; съ нимъ будешь выѣзжать: это ужъ въ городѣ дастъ хорошее мнѣніе о тебѣ, а первый шагъ главное. Впрочемъ, дабы не дѣлать мои совѣты слишкомъ пространными, потребуй оныхъ при пріѣздѣ твоемъ у Рибопьера моимъ именемъ; онъ весьма хорошаго нраву и радъ конечно будетъ имѣть еще товарища, кромѣ Васильч., благовоспитаннаго и не повѣсу; впрочемъ, въ семъ послѣднемъ я увѣренъ, что и въ передъ такимъ не будешь. Помни совѣты батюшки, любезный братъ, не огорчай его; я знаю, что это лишнее говорить тебѣ, но любя тебя я ихъ напоминаю тебѣ и позволяю тебѣ, прошу тебя даже, тоже мнѣ

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 1—4. Печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ Натальей Павловной Всеволожской. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

повторять. Представь себѣ, сколь бы было мучительно для насъ, когда воротимся въ Москву, вмѣсто его восторговъ и объятій, слышать упреки, и еще справедливые? Нѣтъ, этого не будетъ никогда: мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, чтобъ не быть въ томъ увѣренными.

Это письмо доставитъ тебѣ Лубяновской. Третьяго дня пріѣхалъ сюда нашъ кавалеръ посольства, стат. сов. Леонтьевъ, который служилъ сперва въ конной гвардіи, теперь помѣщенъ къ намъ; онъ женатъ на Пестельшиной сестрѣ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Луб., который пишетъ изъ Флоренціи, что ѣдетъ въ Россію и отвезетъ туда мои письма. Я пріѣхалъ сюда тому ровно мѣсяцъ, живу въ домѣ нашего министра Италинскаго, прередко честный, добрый, умный человѣкъ. Имѣю у него столъ, завтракъ и всѣ возможныя выгоды. Дай Богъ тебѣ такого начальника. Много хорошаго здѣсь, мѣстоположеніе совсѣмъ Буюкдерское; я вижу Везувій изъ своихъ оконъ. Я всякій день обѣдаю, ужинаю, ѣзжу въ театръ, прогуливаюсь, ѣзжу за городъ все съ кн. Гагариным, который прелюбезнѣйшій человѣкъ; хотѣлъ, чтобъ я у него жилъ и пр. Княгиня рѣдкая женщина*); я думаю, что я скоро поклонюсь низко Москвѣ и стану жертвы приносить Неаполю. Я былъ только въ двухъ театрахъ, а ихъ 6 здѣсь, и 6 труппъ, и часто случается, что играютъ во всѣхъ шести вдругъ. Князь далъ мнѣ на всегда мѣсто въ своей ложѣ.

*

Неаполь, Мая 27 (Іюня 27 1802.

Вся князева (Гагарина) компанія, въ которой и я мѣсто занимаю, ѣдетъ на сихъ дняхъ въ Пестумъ смотрѣть достопамятные остатки древнихъ Грековъ. Завтра будемъ карабкаться на самую вершину Везувія. Мало оное дѣлаютъ; говорятъ, отъ большаго жару, которой лазанье дѣлаетъ мучительнымъ; притомъ же есть одно мѣсто, въ которомъ вязнешь по колѣно, въ родѣ мелкаго песку или лутче сказать пыли, изъ лавы составленной. Впрочемъ большая половина дороги дѣлается на ослѣ. Я даже положилъ съ княземъ, Пиніевымъ братомъ и гр. Бальменомъ, который въ князевой миссіи (большой востякъ) спуститься въ кратеръ или отверстіе, изъ котораго выходили пламя, камни и пр. въ послѣднее изверженіе.

Не успѣлъ я сюда пріѣхать, а ужъ много работы, потому что я одинъ только: ни Пинія, ни Свѣчина нѣтъ. Правду что послѣдняго и считать нельзя. Вотъ что мнѣ сказалъ Италинской: я дѣйствительно хочу

*) Предметъ рыцарской страсти императора Павла. Ея прекрасный портретъ былъ у князя Б. Лобанова. Супругъ ея, князь Павелъ Гавриловичъ, передъ тѣмъ былъ нашимъ министромъ въ Турине и уѣхалъ оттуда, потому что Французы завладѣли Піемонтомъ.

Библиотека "Руниверс"

обременить васъ всею Россійскою и Французскою перепискою, а господинъ Пиній будетъ вѣдаться съ Итальянскимъ языкомъ. Я очень этому радъ и готовъ всею душою работать.

Въ Вѣнѣ надобно тебѣ быть, покуда не займешь Волынскаго мѣста, слѣдующаго непремѣнно тебѣ, ежели сей какъ нибудь отбудетъ; ибо Вол. вострить уши на какое либо консульское мѣсто въ Италіи, и говорилъ мнѣ, что, ежели женится выгодно, пойдетъ въ отставку. Старайся заранѣе заставить *всѣхъ* желать видѣть тебя на мѣстѣ Вол., котораго, не знаю за что, не очень любятъ.

*

Неаполь, 1 (12) Іюля 1802.

Обѣдаю по почтовымъ днямъ, а еще въ другіе дни, когда заблагоразсудится или что Гагарина нѣтъ дома, у своего министра, прочіе всѣ дни отъ утра до вечера всякій Божій день у князя Гагарина. Тамъ подлинно пріятно провожу время: ѣмъ, пью хорошо, играю въ бостонъ, ежели хочу ѣзжу съ ними въ театръ, гулять и пр. A propos, князь по желанію своему и просьбѣ ужъ не министръ, а при прежней генералъ-адъютантской должности; на его мѣсто тайн. совѣт. и сенаторъ Лизакевичъ. Всѣ въ Сардинской миссіи плачутъ о потерѣ столь хорошаго начальника. Онъ пробудетъ здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ поѣдетъ въ Россію къ своему мѣсту.

Хорошо сдѣлалъ батюшка, что раздумалъ продавать деревни, ежели можетъ, и избѣжа сіе, заплатить долгъ; впрочемъ, всѣ его распоряженія не могутъ не быть благоразумны. Я писалъ тому двѣ почты къ маминькѣ, съ прошлою также; досадно, ежели она ихъ не получала. — Съ Фастомъ не знаю что̀ дѣлается: пишетъ престранное мнѣ письмо, гдѣ говоритъ, что недостоинъ быть моимъ другомъ, ибо я его превышаю разумомъ, дарованіемъ; что я буду большимъ человѣкомъ и стану его презирать, яко окончившаго уже свой карьеръ и безполезнаго своему отечеству, и другіе подобные пустяки. Въ другомъ письмѣ пишетъ, что посвятилъ себя уединенію, честности и добродѣтели, что станетъ заниматься природою и дѣлать добро.

Третьяго дня, то-есть 27 Іюня н. с., король пріѣхалъ изъ Сициліи на Архимедѣ, большомъ военномъ кораблѣ при пушечной пальбѣ, и имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ при крикѣ и восклицаніи народномъ. Множество настроено храмовъ, воротъ, амфитеатръ преболь-шой и прекрасный и пр., все сіе было ночью иллюминовано; всѣ войска были подъ ружьемъ. Праздникъ былъ очень хорошій, продолжался вчера и сегодня.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 15 (27) Іюля 1802.

Министръ меня любитъ и ласкаетъ; знакомыхъ я не имѣю кромѣ графинѣ Скавронской и князя Гагарина, у котораго я съ утра до вечера. О княгинѣ я тебѣ говорить не стану; ибо довольно ужъ ее расхваливалъ во всѣхъ письмахъ, которые къ тебѣ писалъ. Ты будешь имѣть счастіе ее видѣть, ежели поѣдутъ, возвращаясь въ Россію, черезъ Вѣну, что̀ однакожъ очень сумнительно. Князь думаетъ ѣхать отсюда черезъ мѣсяцъ или полтора; не утерплю, поѣду провожать до Рима, гдѣ выпрошу позволеніе пожить съ ними мѣсяцъ. Новаго здѣсь не слышно ничего. По данной въ Піемонтѣ Французскимъ губернаторомъ Журданомъ прокламаціи край сей присоединенъ къ Французской республикѣ, и имѣнія тѣхъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ туда не явятся, будутъ конфискованы. Бонапарте оправдываетъ поведеніе свое отреченіемъ короля Сардинскаго отъ престола своего, хотя оной и назначилъ себѣ преемника. Въ Константинополѣ большой мятежъ, и султанъ, говорятъ, удавленъ. Впзирь заступилъ его мѣсто. Королева Неаполитанская, за которою отправленъ въ Тріестъ корабль, еще не прибыла сюда.

*

Неаполь, Августа 12 (20) дня 1802 года.

Г. Италинскій получилъ копію съ указа о назначеніи его въ Царьградъ, куда думаетъ ѣхать на Англійскомъ фрегатѣ съ г. Друмондомъ черезъ мѣсяцъ. По сю пору не знаемъ, кто будетъ на его мѣстѣ. Говорятъ Бибиковъ, и говорятъ у Скавронской, что Д. П. Татищевъ; ни одинъ, ни другой послѣ г. Италинскаго меня не обрадуетъ. Сему послѣднему опредѣлено на заведеніе дома и проѣздъ 5.000 р. съ курсомъ.

*

Неаполь, Сентября 7-го дня 1802 года.

Бонапарте ассигновалъ, говорятъ, королю Сардинскому 2 милліона ливровъ въ годъ. Его величество поѣдетъ въ Вѣну, другіе говорятъ въ Сардинію, третьи въ Венецію. Пишутъ сюда, что Паниинъ воротился въ Россію изъ Швеціи, отъ того, что король не хотѣлъ его имѣть въ своемъ государствѣ и выслалъ для того генерала къ границѣ для объявленія ему того.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, Сентября 2 (14) дня 1802 года.

На сихъ дняхъ прибыла сюда Гишпанская эскадра съ 120-пушечнымъ военнымъ кораблемъ, имѣющимъ отвезть здѣшняго наслѣднаго принца въ Гишпанію, для воспріятія тамъ супружества съ Гишпанскою принцессою. Оный же корабль отвезетъ туда принцессу Неаполькую Марію Антоанету, невѣсту принца Астурійскаго. Городъ наполненъ теперь Гишпанцами всѣхъ цвѣтовъ и величины.

Третьяго дня было здѣсь поутру въ 3-мъ часу маленькое землетрясеніе, т. е. une légère secousse, а ночью видно было лунное затмѣніе; $^1/_5$ луны только была видна, прочее все покрыто, такъ что изъ прекраснаго мѣсячнаго времени сдѣлалась темная ночь. Мы смотрѣли сіе съ князева балкона.

Намедни за столомъ у князя была престранная исторія между Карповымъ и Бальменомъ, въ которой сей послѣдній кругомъ виноватъ. Князь запретилъ ему входъ къ себѣ, покуда не попроситъ прощенія у Карпова. Карповъ требовалъ сатисфакціи; не получа ее отъ Б., проспался въ отставку и хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, съ сожалѣніемъ объявилъ князю, что не можетъ у него бывать, будучи обиженъ въ его домѣ. Послали къ нему Дубри, который ни въ чемъ не успѣлъ. Къ вечеру пошелъ я; все что̀ я могъ сдѣлать, было уговорить Карпова быть къ князю. Мы вмѣстѣ пошли, и князь упросилъ его не дѣлать, какъ говорится, de l'éclat и забыть все. Онъ наконецъ согласился, но не думаю, чтобы онъ сіе такъ оставилъ, когда князь уѣдетъ, и Б. будетъ худо.

Имѣемъ извѣстіе, что наши войска прибыли уже въ Корфу и что графъ Мочениго былъ принятъ grandement; вотъ и все. Юрасовъ женится на m-elle Litzin (Дарья Петровна, князя Петра Алексѣевича Голицына дочь).

*

Неаполь, Сентября 16 (28) дня 1802 года.

Вообрази, что Немѣровскій, тотъ, коего я при здѣшнемъ посольствѣ занялъ мѣсто, въ Корфу, скоро по пріѣздѣ своемъ, застрѣлился изъ двухъ пистолетовъ, оставивъ Моченигѣ письмо, въ которомъ между прочимъ говоритъ: Adieu, monsieur le comte. J'espère vous revoir, selon que les circonstances de votre expédition de Corfou vous conduiront ou dans les Champs Élisés ou dans l'enfer и пр. Dites mes compliments à tous mes amis et priez les de ne pas me plaindre, car dès ce moment je vais être l'homme le plus heureux de la terre. Мочени-

Библиотека "Руниверс"

го въ большомъ затрудненіи теперь, не имѣя секретаря. Требуетъ у г. Италинскаго Пинія, который однакоже посланъ не будетъ.

*

Неаполь, 12 Октября 1802 года.

Ты говоришь мнѣ проситься съ Италинскимъ. Признаюсь, что мнѣ бы пріятно сіе было; но сосѣдство твое и частая переписка, при томъ надежда, что батюшка сюда будетъ, сильно меня привязываютъ къ Неаполю. Императоръ позволилъ князю [1]) ввезти въ Россію съ собою, что̀ хочетъ, и освободилъ отъ всякаго осмотра.

Ты можетъ быть знаешь, что нашъ сов. посольства Павелъ Свѣчинъ[2]), по именному указу, отрѣшенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Разсуди, что онъ, дабы имѣть свою жену, перемѣнилъ законъ и обвѣнчался по католическому обряду. Весьма меня удивило слышать, что Тургеневъ[3]) танцовать хочетъ учиться, у него одна нога другой короче, и скажи ему, что онъ болѣе похожъ на иноходца, нежели на танцовщика. Василій Львовичъ [4]) развелся съ Капочкою, за то что она брюхата; но видно, не маленькимъ поэтомъ. Voilà ce qui s'appelle être bête. Пусть плодъ чужой, но за то слава наша. Князю пишутъ, что въ лѣтнемъ саду кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ гвардейскаго офицера въ руку. Государь обѣщалъ 5.000 р. тому, кто найдетъ виноватаго [5]).

*

Неаполь, Октября 12 (24) дня 1802 года.

Курьеръ, который долженъ былъ здѣсь долго пробыть, вмѣсто того отправляется завтра въ угодность королевѣ, чтобы избавить ее отъ посылки своего курьера въ Петербургъ. Онъ тебѣ сіе письмо вручитъ. Съ нимъ посылаю и посылку къ Приклонскому для доставленія ея къ батюшкѣ; состоитъ она въ табакеркахъ изъ лавы, той мозаики, которую ты у меня видѣлъ. Княгинѣ посылаю нитку пурпурины на шею, тоже Ан. и Ал. Петровнѣ, тетушкѣ черепаховую табакерку, а князю Сергѣю Ивановичу изъ лавы. Александру Васильевичу струны, маменькѣ табакерку черепаховую съ прекраснымъ золотымъ медаліончикомъ, а Фасту ту булавочку съ птичкою, которую ты также видѣлъ у меня; вотъ и все. Ежели будешь писать, то сдѣлаешь пакетъ раз-

---

[1]) Т. е. князю Павлу Гавриловичу Гагарину, женатому на княжнѣ А. П. Лопухиной.

[2]) Этотъ Свѣчинъ, Павелъ Сергѣевичъ, былъ сдѣланъ Итальянскимъ графомъ Свѣчинымъ-Гальяни. (См. Русск. Род. книгу князя Л. Ростовскаго, № 19).

[3]) Андрей Ивановичъ, служившій въ Вѣнѣ; оказывается, что и онъ, какъ и братъ его Николай, былъ коротконогъ.

[4]) Пушкинъ. Его супруга Каппиолина Михайловна, ур. Вышеславцева, вышла потомъ за Ивана Акимовича Мальцова.

[5]) Извѣстный мнимый заговоръ, устроенный Семеновскимъ офицеромъ Шубинымъ.

Библиотека "Руниверс"

ный; впрочемъ, ежели тебѣ угодно, можешь распечатать мои и положить свои туда, только не разстрой моего расположенія. Ты найдешь курьера готовымъ исполнить всѣ твои коммисіи и взять всѣ пакеты, которые ему дашь. Онъ самый чудакъ и ко всякому слову говоритъ: der ein und zwanzigste Finger, или Er macht Amour mit einer.... г. Г. Италинскій ужъ укладываться начинаетъ. Онъ писалъ къ одному Англинскому адмиралу, командующему въ Средиземномъ морѣ, испрашивая у него для переѣзда своего фрегатъ. Онъ вѣрно оный получитъ и, будучи готовъ, тотчасъ уѣдетъ, оставя Леонтьева повѣреннымъ въ дѣлахъ. Я какъ собака работалъ эти два дня.

*

Неаполь, 2 Ноября 1802 г.

Радуюсь, что ваша Вѣна наполняется Русскими, а сюда даже бѣшеная собака изъ Россіи не забѣгаетъ. Очень мнѣ грустно видѣть, что такъ мало своей братьи; но что̀ дѣлать? Хорошо, что есть еще пріятели, которые утѣшаютъ своими письмами. Удивляюсь, что Ланской оставилъ столь хорошее мѣсто, но кого Парижъ съ ума не сводитъ? Я думаю (не прогнѣвайся), что ежели бы пришлось послать изъ Вѣны курьера въ Парижъ, то вся Вѣнская миссія перебилась бы и перецарапалась за сіе счастіе.

Тургеневъ, не смотря на свою флегму и на дружбу къ тебѣ и Гришѣ, выставилъ бы свои кулаки. Не худо ежели бы удалось тебѣ это; тогда бы только оставалось тебѣ видѣть Лондонъ.

*

Неаполь, сего 8 (20) Ноября 1802 года.

Какъ можетъ Тургеневъ думать волочиться за танцовщицею? Онъ не умѣетъ танцовать самъ, слѣдственно не можетъ ей дѣлать комплиментовъ, въ разсужденіи ея искусства, дабы не заставить ее смѣяться, назвавъ pas de deux, который она можетъ быть прелестно сдѣлаетъ, кадрилью, chassé—алагрекомъ, pas grave пируетомъ и блистательное названіе menuet à la reine (по пристрастію своему къ Нѣмцамъ) *аллемандомъ* и пр. Впрочемъ скажи ему, чтобы онъ вытянулъ носъ свой, ибо женщины не любятъ маленькіе носы: онѣ дѣлаютъ по опымъ заключенія свои, а притомъ выросла ли у него борода съ тѣхъ поръ, что мы разстались? Не имѣть оной также худой знакъ.

Третьяго дня прибылъ сюда Англинскій 36-пушечный фрегатъ, который повезетъ Италинскаго въ Царьградъ. Онъ думаетъ въ сію Субботу, т. е. черезъ 5—6 дней, отправиться; очень позываетъ меня

Библиотека "Руниверс"

перейти къ миссіи его, но этого нельзя вдругъ сдѣлать. Спишусь о семъ съ батюшкой. Онъ говоритъ, что не будетъ имѣть никого знающаго по-русски, ибо половина миссіи ѣдетъ съ Тамарою назадъ въ Россію, а ты знаешь, что онъ всю переписку производитъ на Русскомъ языкѣ. Пиніево туда назначеніе что-то плохо идетъ. Леонтьевъ остается повѣреннымъ въ дѣлахъ. Онъ прелюбезный человѣкъ, смиренъ, добръ, чувствителенъ, услужливъ; жена его также.

Ты знаешь, что вся Гагаринова миссія поѣхала къ Лизакевичу къ должности въ Римъ, и давно даже. Бальменъ не разсудилъ за благо тоже сдѣлать и, не имѣя ни позволенія, ни хорошаго претекста, остался здѣсь, говоря, что ему въ Римѣ скучно будетъ. Я думаю, что долги его задержали, и онъ бы чисто пропалъ безъ щедраго князя, который помогъ ему деньгами; но къ чему это служитъ? Все издержано уже, и теперь я не знаю, куда онъ прибѣгнетъ. Я не знаю, какъ Лизакевичъ терпитъ его самовластіе и поведеніе противъ всякаго порядка службы. На сихъ дняхъ поѣхалъ отсюда въ Петербургъ бывшій нашъ совѣтникъ Свѣчинъ. Ежели увидишь его въ Вѣнѣ, совѣтую поволочиться за женой, которая не дурна. Пріѣхалъ Англичанинъ съ извѣстіемъ, что Этну рветъ огнемъ, камнями, золою и пр. Я хочу завтра идти на Везувій, откуда иной разъ чуть видно какое-то красное пятнышко, къ которому я бы не желалъ подойти близко.

*

Неаполь, сего 18 (30) Ноября 1802 г.

На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда титулярный совѣтникъ Рихтеръ, причисленный къ нашей миссіи, сверхъ комплекта. Онъ мнѣ кажется очень смирный и хорошій малый, хорошо очень воспитанъ и пріѣхалъ теперь изъ Парижа, отъ котораго однакожъ съ ума не сошелъ. Мы съ нимъ уже нѣсколько познакомились, и я возилъ его къ Скавронской. У нея былъ недавно балъ и завтра также. То, что ты мнѣ говоришь о Тургеневѣ, довольно меня удивляетъ; мнѣ кажется, что онъ не для того созданъ, чтобы куры строить, и комплименты его должны быть слишкомъ учены и высокопарящи. Но кого не развяжетъ проклятая любовь?

Сейчасъ ѣдетъ Италинскій; я провожу его до фрегата, на ономъ съ нимъ отобѣдаю и пожелаю ему весьма искренно счастливую дорогу. Король, послѣ прощальной аудіенціи, пожаловалъ ему табакерку со своимъ портретомъ осыпаннымъ брилліантами, въ 6.000 дукатовъ по крайней мѣрѣ. Королева написала къ нему преласковое прощальное письмо.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, Декабря 2 (14) дня 1802 г.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ любить и быть любиму. Моя пословица теперь: l'excès de bonheur, c'est l'excès de l'amour. Подлинно не могу не смѣяться, воображая себѣ Тургенева влюбленнымъ; Тургеневъ, котораго я не инако видалъ, какъ съ длинною косою, съ полно-открытымъ лбомъ, съ 12-тью пуговицами у колѣнъ на штанахъ и престрашными пряжками разнаго фасона и пр.; но чего не дѣлаетъ любовь? Косу онъ вѣрно отрѣзалъ и далъ своей любезной, ежели не залогомъ нѣжности своей, то по крайней мѣрѣ на парикъ. Что̀ касается до пуговицъ, то онъ видѣлъ вѣрно самъ неудобство ихъ...

Подлинно счастливъ Пушкинъ, и я воображаю, въ какихъ онъ хлопотахъ отъ своей головы и отъ мамонтовой, особливо графиня, а у абата [1]) я чаю Бюфонъ не сходитъ съ рукъ. Каватина, о которой говорила княжна Наталья, есть та самая, которую ты видѣлъ у меня на фортепіано здѣсь, teneri miei sospiri, parlate voi per me etc.; ежели хочешь, то пришлю тебѣ копію съ охотою. Я пустилъ Perduto l'arbitro въ свѣтъ, и всѣ безъ ума отъ сей аріи. Мой поклонъ Ланскому, а Тутолминымъ почтеніе. Право, будете вы умницы (comme disait Бабка Бѣлая), ежели будете сюда, т. е. Гришакъ [2]) съ тобою; то-то повеселимся, особливо ежели будетъ батюшка съ тобою, я отъ сей мысли одной въ восторгѣ; вообрази себѣ, что ежели будетъ батюшка, то и Фастъ съ нимъ, а я Фаста, не смотря на то, что онъ *шельма лѣнивая*, люблю всею душою. Рибопьерша идетъ замужъ, но за кого, ты не пишешь. Для Комаровскаго я сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, ибо ты этого требуешь и заплачу ему за дружбу его къ тебѣ. Волынскому мой поклонъ или лучше скажи ему *гегорстеръ динеръ* [3]), чтобъ вспомнилъ онъ, какъ мы весело проводили время въ Вѣнѣ. У насъ здѣсь все идетъ по старому; всѣ веселятся, кромѣ меня. У графини Скавронской каждая Середа балъ, а въ Субботу концертъ; я тамъ былъ только одинъ разъ. Боюсь, чтобъ не дошло до милыхъ ушей, что я веселюсь такъ скоро послѣ разлуки, и чтобъ не подумала, что я ее уже забылъ; пожалуй увѣряй ежеминутно, что я только объ ней думаю, объ ней тебѣ пишу цѣлыя страницы, и право дѣлалъ бы оное въ самомъ дѣлѣ, ежели бы не боялся докучать тебѣ. Теперь затѣваютъ у графини théâtre de société. Много здѣсь очень Англичанъ и Англичанокъ, tout cela vient

[1]) Это былъ аббатъ Сюрюгъ, гувернеръ при дѣтяхъ археолога графа А. И. Мусина-Пушкина.

[2]) Вѣроятно, это князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Римѣ и Мюнхенѣ.

[3]) Т. е. покорный слуга.

Библиотека "Руниверс"

chez la comtesse. Между первыми знаешь кто? Тѣ лорды, которые во время коронаціи бывали на всѣхъ балахъ и которыхъ звали всюду кучею; ты помнишь ихъ тонкія длинныя и смѣшныя косы, и какъ они прыгали, хлопая пальцами, держа руки кверху. Lord Grenham тотчасъ меня узналъ, обрадовался мнѣ, и онъ всѣмъ говоритъ о Москвѣ съ восхищеніемъ. Ты помнишь Motteux, Англичанина, который былъ влюбленъ въ Масальскую и съ утра до вечера у ней сидѣлъ, не говоря ни слова; et bien, онъ также здѣсь. Мнѣ очень ихъ пріятно видѣть всѣхъ, а все отъ того, что были мы вмѣстѣ въ Россіи.

Пріѣхалъ сюда титулярный совѣтникъ Рихтеръ, который у насъ сверхъ штата, bon garçon et doux; между нами, Лобанова имъ завладѣла. Я съ нею какъ можно подалѣе, ибо она не терпитъ княгиню, и ей досадно, что я по сю пору ей вѣренъ. Съ нею племянница ея Арцыбашева, которая, можно сказать, какъ говаривалъ Илья Дмитричъ (учитель) Фасту: Охъ, ты птица! Я получилъ недавно отъ Гагариныхъ прекрасный подарокъ изъ Рима: печать, на которой вырѣзанъ славно Амуръ на колесницѣ, запряженной львомъ и осломъ.

1803-й годъ.

Klagenfurt, le 16 Avril [1]).

Въ St. Veit какая встрѣча! Бѣдный Русскій солдатъ безъ ноги, которую у него оторвало въ Швейцаріи; его ведутъ въ Вѣну, а оттуда онъ будетъ стараться дойти до своей отчизны. Я ему далъ денегъ и записочку къ тебѣ, то когда явится, не оставь его; болѣе ничего тебѣ не говорю, прочее онъ самъ тебѣ разскажетъ. Приключенія съ нами, какъ ты видишь, часто, часто случаются. Мы здѣсь думаемъ кое-что поѣсть; Антоша [2]) въ томъ настоитъ не отъ того, что ѣсть хочется, но влюбился въ Нѣмочку, отъ которой получилъ уже славнаго трюха, mais cela ne le décourage pas. Я свою собачку назвалъ бибишкой, и она отъ меня ни на шагъ не отходитъ. При всей моей грусти не могу я не смѣяться глядя на Антошу; жаль, что нѣтъ здѣсь Гришака: онъ бы лопнулъ со смѣху.

*

Венеція, 18-го Апрѣля 1803 года.

Здравствуй, любезный братъ. Я теперь на place St. Marco, въ caffé la Concordia, и покуда не дадутъ намъ позавтракать, напишу тебѣ все чтѣ успѣю и что на умъ придетъ. Я, правду сказать, и не думалъ быть въ Венеціи, но пріѣхавъ въ Местре и узнавъ, что только часъ ѣзды сюда, не утерпѣлъ не посмотрѣть чуднаго сего города. Дру-

[1]) Передъ тѣмъ А. Я. Булгаковъ ѣздилъ изъ Неаполя въ Вѣну.

[2]) Итальянецъ, камердинеръ А. Я. Булгакова.

Библиотека "Руниверс"

гого имени по моему мнѣнію онъ не заслуживаетъ. Еще болѣе нечистоты, чѣмъ въ Неаполѣ. Дорогой все, слава Богу, шло хорошо, только около Понтіебы не вездѣ были лошади. У Антонія проказы съ курьеромъ, которыя очень меня веселятъ. Послѣдній спалъ, выставивъ изъ коляски ноги, и потерялъ сапогъ. Антоній тоже такъ разъ заснулъ, что упалъ совсѣмъ съ козелъ. Нищіе не даютъ мнѣ покоя, мѣшаютъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты мои два письма изъ Фріула и Клагенфурта? Я теперь ѣду день и ночь; въ Римѣ хочется помѣшкать ради самаго города, ради Карпова и нѣкоторыхъ покупокъ. Куда теперь спѣшить, и Богъ знаетъ буду ли имѣть удобнѣйшій случай видѣть лучшіе города Италіи. Гагарины, я думаю, ужъ уѣхали; поминали ли они меня, говорила ли княгиня обо мнѣ? Я очень нетерпѣливо жду писемъ твоихъ, но Богъ знаетъ, когда дождусь удовольствія сего.

*

Римъ, 16 (28) Апрѣля 1803.

Пріѣзжаю сюда, сталъ у Карпова; сей въ тотъ же день получилъ отъ канцлера письмо, увѣдомляющее его о назначеніи его къ Неапольскому посту и что въ слѣдъ за симъ присылаютъ его инструкціи, акредитованіе и пр. Карповъ просилъ меня подождать до слѣдующей почты, по которой ожидалъ обѣщанныя бумаги, и два дня послѣ хотѣлъ ѣхать въ Неаполь и меня съ собою взять. Я на это согласился тѣмъ болѣе, что Кассинія не было въ Римѣ, и онъ пріѣзжаетъ только въ почтовые дни, а какъ ты знаешь я имѣлъ отъ графа письмо къ нему, которое не хотѣлъ повѣрить чужимъ рукамъ. Почта пришла, Карповъ ничего не получилъ, и я завтра дуну въ Неаполь; о всемъ вышеписанномъ увѣдомилъ я Леонтьева по прошедшей почтѣ. Всякій день обѣдаю я у Лизакевича, c'est un bon vivant и большой хлѣбосолъ. По утрамъ бѣгаю смотрѣть что̀ есть примѣчательнаго, послѣ обѣда гуляю пѣшкомъ въ Ville Borghese или по Корсо. Въ вечеру въ въ театрѣ, который только что изряденъ. Нигдѣ не видалъ я такихъ лихихъ женщинъ, какъ здѣсь. У меня чуть не дошло до авантюрки pour avoir vu une femme seulement deux fois au théâtre. Вчера въ вечеру возилъ меня Лизакевичъ къ Торлонію, cela m'a donné une idée des assemblées d'ici. On joue aux cartes, on fait l'amour, et rien de plus, on ne pense pas à faire de l'esprit comme dans certaines villes. Здѣсь нашелъ я Бальмена. Онъ принужденъ былъ Неаполь оставить, разгласивъ вездѣ, что Антонова жена въ него влюблена, что хочетъ съ мужемъ развестись, чтобъ выйти за него и пр. Онъ это узналъ; братъ министра публично Б. сталъ ругать и упрекать ему дерзость его. Б. отъ всего отперся. Cela a fait beaucoup de bruit.

Библиотека "Руниверс"

Леонтьевъ, боясь, чтобы съ Б. не было чего дурного, заплатилъ его долги и послалъ его къ Лизакевичу. Здѣсь онъ началъ дѣлать всякія проказы, ходилъ въ незнакомые дома, плакалъ, говорилъ, что его хотятъ убить, просилъ паспортъ, чтобъ уѣхать Богъ знаетъ куда etc. Онъ совсѣмъ не тотъ сталъ: томенъ, печаленъ, ни слова не говоритъ, совсѣмъ тѣмъ потолстѣлъ. Лизакевичъ хотѣлъ дать ему комнату у себя; онъ отказался, а нанять чѣмъ не имѣетъ; tout cela lui ressemble, mais il est à plaindre. Онъ писалъ въ Петербургъ и просится назадъ къ матери. C'est ce qu'il y a de mieux à faire.

Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта, зоветъ меня съ собою въ Неаполь; но онъ ѣдетъ только черезъ 4 дни, а мнѣ мѣшкать болѣе нельзя, je pars. Здѣсь тоже говорятъ объ войнѣ, mais vaguement.

*

Неаполь, Мая 5-го 1803.

Здѣсь былъ я принятъ отъ всѣхъ съ восклицаніями. Леонтьева такъ забылась, что хотѣла меня обнять. Онъ удивился, что я не болѣе пробылъ въ Римѣ. Ежели бы я это могъ предвидѣть, то остался бы тамъ еще съ недѣлю и пріѣхалъ бы сюда съ Карповымъ или съ Долгоруковымъ. Старая Скавронская также очень мнѣ обрадовалась. Жаль, что милые и добрые Леонтьевы ѣдутъ скоро, т. е. черезъ мѣсяцъ. Пожалуй, сдѣлай имъ тысячу учтивостей въ Вѣнѣ; у нихъ ангельскія сердца. A propos, ты можешь готовить посылочку батюшкѣ съ ними: они съ радостью возмутъ это на себя. Я ему тоже кое-что пошлю. Ты не можешь повѣрить, съ какимъ равнодушіемъ я увидѣлъ Неаполь; но какъ скоро приблизился къ Chiaia и увидѣлъ la gran Bretagna, равнодушіе сдѣлалось печалью: вспомнилъ, кто тамъ живалъ, вспомнилъ Вѣну, тебя и заплакалъ. Мнѣ теперь кажется, что я въ Вѣну совсѣмъ не ѣздилъ, и годъ какъ тебя не видалъ. Неаполь очень будетъ скученъ, когда уѣдутъ отсюда Леонтьевы, но еще скучнѣе будетъ ѣхать въ Палерму, ce qui ne manquera pas, si la guerre éclate. Нашему Фердинанду худо будетъ, ежели, какъ говорятъ, Бонапарте хочетъ его принудить заплатить папѣ всѣ недоимки. Это составитъ важную сумму, а гдѣ ее взять? Банкъ здѣшній обанкрутился. Зурло, директоръ или лучше министръ финансовъ, судится, а между тѣмъ сидитъ въ Castel del Uovo. Многіе банкиры, какъ то Торлоній, имѣвшіе суммы въ банкѣ, очень отъ того пострадали. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я пять твоихъ писемъ, которыя здѣсь лежали и ждали меня. Въ одномъ изъ нихъ Волынскаго стихи, а въ другомъ, что̀ лучше, батюшкино письмо № 28, которое я полагалъ потеряннымъ. Я не отвѣчаю на письма сіи: они старѣе Адама. Пожа-

Библиотека "Руниверс"

луй, впередъ навѣщай меня почаще. Я счастливъ, когда читаю что нибудь тобою и батюшкою написаннаго давно, а кольми паче письмо свѣжее: меня не надобно просить къ тебѣ писать, и ты на меня жаловаться не можешь. Здѣсь узналъ я Бальменову исторію подробнѣе. Вбилъ себѣ въ голову, что миледи Актонъ отъ него съ ума сходитъ, что хочетъ мужа оставить, а съ нимъ бѣжать, но не довольствовался думать то: по всему городу сталъ разглашать. Отецъ ея на одномъ балѣ началъ ему мыть голову при всемъ собраніи, какъ онъ смѣлъ это выдумать, тогда какъ миледи даже почти не говоритъ съ нимъ; онъ струсилъ и отъ всего отперся, но со всѣмъ тѣмъ все продолжалъ проказы свои: наконецъ дошло до того, что генералъ А. былъ принужденъ стараться, чтобы Б. отдалили, и Леонтьевъ, заплатя его долги, послалъ его къ Лизакевичу. Что же? Оттуда вздумай онъ написать къ генералу Актону, которому говоритъ: Ne faites pas le tourment de deux coeurs sensibles; vous êtes trop avancé en âge pour pouvoir aimer votre femme; renoncez y et cédez la moi; faites mon bonheur et le sien, etc. Одинъ сумасшедшій можетъ писать такія чудеса, но Б. въ полномъ разумѣ, и это увеличиваетъ мое удивленіе. Онъ же малый умный, и кто нибудь вѣрно ему наговорилъ, et on est à la recherche de cela, mais inutilement. Мать миледи писала Б. письмо, въ которомъ божилась все забыть и съ нимъ помириться, ежели онъ скажетъ, кто его увѣрилъ, что миледи его любитъ, или что̀ дало ему поводъ думать это; но всѣ старанія были тщетны. Онъ сдѣлалъ въ Римѣ confesse generale, какъ тѣ, которые въ монастырь идутъ: обѣщался кромѣ того не грѣшить, также не смѣяться даже, не жадничать, не садиться при старшихъ себя etc. Онъ сталъ, какъ ягненокъ, и почти не говоритъ: въ недѣлю не могъ я добиться трехъ словъ отъ него. О чудакъ!*) Съ здѣшнимъ Пиніемъ я немного въ церемоніяхъ; что̀ дѣлать, ежели человѣкъ не по сердцу? Рихтеръ боленъ лихорадкою. Здѣсь есть нѣкто молодой человѣкъ Petersohn, премилый малый; жаль, что не пришитъ къ миссіи нашей. Вотъ еще будетъ Долгорукой. Quelle jeunesse! Nous avons encore ici le jeune prince de Meklenbourg-Strelitz, frère de la reine de Prusse, jeune homme d'une figure avantageuse, très poli et bien élevé. Я вчера съ нимъ познакомился: жаль, что ѣдетъ въ Палерму, но на малое время и опять сюда воротится. Вотъ всѣ здѣшнія новости. Ce n'est pas beaucoup, comme vous voyez. Мнѣ Л. сказалъ, что на сихъ дняхъ ѣдетъ курьеръ черезъ Вѣну въ Петербургъ, и я пишу сіе письмо заранѣе; что̀ сдѣлано, то сдѣлано, а у меня есть съ десятокъ писемъ на совѣсти.

*) Это графъ Александръ Антоновичъ Бальменъ, коего письма съ острова Св. Елены, гдѣ онъ былъ нашимъ приставомъ при Наполеонѣ, помѣщены вмѣстѣ съ его біографіей въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 г. Онъ женатъ былъ на Глафирѣ Николаевнѣ Свистуновой.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, Маія 9-го 1803 г.

У насъ теперь пропасть дѣла, и я все то дѣлаю, что̀ не успѣетъ Леонтьевъ. Какіе рѣдко добрые люди онъ и она? Я всякій день обѣдаю у нихъ или у принцессы Филипстальской, съ которою они въ одномъ домѣ живутъ. Вся наша шайка тамъ собирается, т. е. Леонтьевы, принцесса, Рихтеръ, Петерсонъ (милый малый и давно здѣсь путешествующій), я и нѣкоторые другіе; nous rions, parlons, faisons de la musique, jouons aux cartes, lisons etc. Въ Четвергъ король даетъ въ Фаворитѣ балъ для принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, молодой учтивый и преблаговоспитанный человѣкъ*). Il est frère de la reine de Prusse; ежели она на него похожа, то хороша.

*

Неаполь, Маи 15-го 1803.

Музыка *le Nostre Cenere etc.* безподобная, c'est beaucoup dire. Я ее знаю только потому, что во всю дорогу Антоній ее пѣлъ, а ты знаешь, что его голосъ нѣженъ какъ пѣтушій. Отъ Геркулеса sans exagérer всѣ здѣсь въ восхищеніи, безъ ума. Намедни въ концертѣ всѣ привезенныя мною штуки два и три раза повторяли, и Mayer поставляетъ наравнѣ съ Моцартомъ. Всѣ хотятъ, чтобы дана была здѣсь сія опера; но Monbelli, подпора Санъ-Карла, поѣхалъ въ Гишпанію. Миллерша все поетъ, потолстѣла и въ милости у Французскаго посла. На балѣ всѣ были во фракахъ, и очень весело. Король сидѣлъ очень задумчивъ и печаленъ въ à la grecque; дама упала и заголилась, онъ началъ хлопать, всталъ съ мѣста, закричалъ что-то по неаполитански, смѣялся и цѣлый вечеръ былъ веселъ, кричалъ: volta, volta, piu forte. Я одну (ловкà попалась) вернулъ по нашему, и онъ закричалъ: bravo, bravo. Онъ такой, кажется, добрый; не дивлюсь, что народъ его такъ любитъ. Между нами сказано, онъ ѣдетъ въ Палермо: но мы, какъ говорятъ, остаемся при наслѣдномъ принцѣ, который купно съ министерствомъ будетъ имѣть пребываніе здѣсь.

Вчера чуть не убили duchesse Avellino въ Толедѣ; ея кучеръ чуть не задавилъ мальчика, только чуть! Кучера стащили съ козелъ, лакеи вступились за кучера. Шумъ. Госпожа выглянула изъ окошка, чтобы только посмотрѣть, что̀ дѣлается; одинъ лазаронецъ ударилъ ее дубиною по головѣ, но не до смерти, et les choses en sont restées là. Экой народъ! Намедни одинъ солдатъ расквасилъ также другому голову камнемъ у самаго моего балкона. Вотъ наши пріятныя Неаполь-

*) Род. 1785, ум. 1837. Извѣстенъ какъ Нѣмецкій генералъ и стихотворецъ.

Библиотека "Руниверс"

скія вѣсти, а въ Вѣнѣ Нѣмца пожалуй хоть въ грязь столкни, только не ругай: ни слова не скажетъ, развѣ только Ja! Nun.

*

17-го Мая.

Пріѣхалъ Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта, съ которымъ я еще въ Римѣ познакомился. Онъ ѣдетъ черезъ мѣсяцъ отсюда въ Сицилію и Мальту. Также здѣсь Вѣнскій красавецъ, отъ котораго ты говорилъ, что... кажется пахнетъ, то есть Бушъ. Ни одинъ Русскій болѣе къ Скавронской не ходитъ; вшивой одинъ эмигрантъ, буфонъ графининъ (но между нами это останется) сдѣлалъ грубую невѣжливость Леонтьевой; мужъ пошелъ на другой день къ старухѣ просить, чтобы она или ему отказала свой домъ или заставила его просить прощенія. Скавронская ни туда, ни сюда; говоритъ, что не хочетъ входить въ это. Л. ей поклонился и увѣрилъ, что его нога болѣе не будетъ у нея. Мы всѣ, узнавъ, что она промѣняла вшиваго Французишку (Ladvèse), на жену своего повѣреннаго въ дѣлахъ, однимъ словомъ иностранца на Русскаго, не признаёмъ ее за единоземку и болѣе къ ней не ходимъ. Симъ лишилась она компаніи человѣкъ 10, и тѣ которые ходятъ къ ней, всѣ ее обвиняютъ, и старуха не знаетъ, какъ бы поладить дѣло.

*

Неаполь, 19 (31) Мая 1803.

Прошу тебя ради дружбы твоей болѣе себя поберегать. Кутай себя хорошенько, когда выходишь; заведи малину и пей ее вмѣсто чаю: ты знаешь, какъ это хорошо для груди. Но чтобы письмо не походило на тетушкино, перестану говорить о лѣкарствахъ, только повторяю просьбу быть осторожнѣе. Знаешь ли ты, что безъ твоего тулупа я бы пропалъ, и до самаго почти Неаполя онъ мнѣ очень былъ нуженъ, особливо ночью. Курьеръ ставитъ за тебя свѣчи передъ мадонами и очень тебя благодаритъ. Письмо къ Леонтьевой отъ княгини отдано après des mûres réflexions; боялся ошибиться, но выходитъ, что такъ. Комаровскаго здѣсь нѣтъ и не бывало, а маркизшу ожидаю. Я такъ околдованъ Вѣнскими театрами, что сюда не въ одинъ идти не хочется; на клавикордахъ только и играю, что̀ піесы изъ вашихъ оперъ и балетовъ. Теперь лафа у насъ, и я самъ хочу приняться за украшеніе нашихъ мундировъ, и для того отложилъ сегодня ѣхать во дворецъ, гдѣ большой публичный столъ, c'est à dire que roi mangera à une table tout seul, en présence de tous ceux, qui voudront venir se convaincre que les têtes couronnées mettent aussi le manger dans la bouche comme tous les autres hommes. Вообрази себѣ, что за 30 миль отъ Неаполя Барбарески взяли Американскую фрегату со всѣми, которые

Библиотека "Руниверс"

въ ней были, между прочими одинъ мой знакомый m-r Schmidt. Разбойники сіи очевидно усиливаются, а смѣлость ихъ еще болѣе. Фрегатъ 18 часовъ защищался.

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что будетъ война. Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа, а Андре́оси тоже оставляетъ Лондонъ. Сей разрывъ произошелъ отъ нѣкоторыхъ новыхъ требованій Англіи. Пріѣхалъ курьеръ въ Парижъ, который привезъ медіяцію нашего Императора. Слѣдовательно надобно имѣть Палерму въ перспективѣ. Il n'y a aucun mal à cela: желаю видѣть Сицилію, Этну, передъ которой Везувій ребенокъ, и притомъ охотно побываю еще разъ на морѣ, и ежели поѣдемъ, то въ большой компаніи. Ce sera charmant.

*

Неаполь, Іюня 5-го 1803.

Я усталъ смертельно. Разсуди: обѣдалъ у Англинскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Англійской королевы рожденіе, сѣли обѣдать въ 7 часовъ, а встали въ полночь. Я не могъ вытерпѣть и послѣ десерта уѣхалъ, извинясь, что почтовый день. Пили безъ ума, пѣли God save the King, и также здоровье нашего Императора. Другой разъ не такъ скоро меня заманятъ на Англинскій обѣдъ. Всѣ говорили только по англински, который я не разумѣю. Къ счастію сидѣлъ возлѣ меня Бутъ, а то бы языкъ отнялся. Одинъ Шведъ, который тамъ обѣдалъ, уморилъ насъ. Il fesait le brave et s'efforcait de boire plus que les Anglais, qui l'obligeaient à tout moment de boire, trouvant de prétextes toujours différents, tantôt à la santé de Charles II, de Gustave Adolphe, de Christine etc; à la fin on lui demande, s'il aime la littérature. Moi? dit il. A la folie. Eh bien, il faut donc boire à la santé des manuscrits, qu'on déroule à Portici. Bon, et là-dessus il avala un verre de champagne. Надобно было видѣть рожу его, есть съ чего лопнуть со смѣха.

Война между Англіей и Франціей тебѣ должно быть извѣстна. Почти въ виду Неаполя крейсируетъ Англинскій флотъ, состоящій изъ 11 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ подъ командою адмирала Пикертона. Англинской повѣренный въ дѣлахъ сказывалъ мнѣ, что черезъ три недѣли будетъ сюда Нельсонъ изъ Гибралтара съ нѣсколькими фрегатами и что уповательно возьметъ главное начальство надъ флотомъ. Говорятъ, что Агличане уже взяли три судна Генуэзскіе, а сегодня слышалъ я, что ихъ фрегатъ почти изъ здѣшняго порта увелъ Французское судно, купеческое, нагруженное масломъ. Дворъ здѣсь и, говорятъ, переѣзжаетъ въ Castellamare, загородный домъ и городокъ въ заливѣ Неапольскомъ, который виденъ съ моего балкона.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 9 (21) Іюня 1803.

Козловскій видно все тотъ же: началъ въ твоемъ письмѣ фразу и не кончилъ. Римъ вѣрно одушевитъ піитическіе его восторги. Я заведу съ нимъ переписку. Ему будетъ вѣрно хорошо у Лизакевича, qui est un bon vivant, aime qu'on mange chez lui beaucoup; jugez s'il aimera Koslovsky, qui ne se fait pas dire deux fois de ces choses-là[1]).

*

Неаполь, Іюня 27, 1803.

Мы скоро ждемъ сюда изъ Рима графиню Воронцову [2]); совсѣмъ не знаю, кто такая, ѣдетъ изъ Парижа и вдова. Я слышалъ, что Пиній ѣдетъ къ роднѣ въ Пизу, но не слыхалъ ничего о данномъ ему на то позволеніи. Французы, говорятъ, сожгли ужъ въ Абруціи деревню, коей мужики не хотѣли имъ дать съѣстные припасы, кормъ лошадямъ и пр.

*

Неаполь, Іюля 7 (19) 1803.

О Козловскомъ Карповъ хорошо говоритъ: sa tête est une bibliothèque en désordre; онъ сталъ страшный педантъ, а въ Римѣ о иномъ не говоритъ, какъ о Вестфальскомъ мирѣ.

3-го сего мѣсяца Леонтьевы выѣхали изъ Неаполя. Я съ ними ѣхалъ до Молло-ди-Гаета; тамъ стали мы въ Castellone у принца Гессе-Филипстальскаго (мужа нашей К.), командующаго en chef Гаетою и всею провинціею. Мой фаворитъ принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій также тамъ нашелся; nous avons eu une table magnifique, а въ вечеру балъ превеселый. Славныя были дѣвушки, одна особливо съ черными глазами, къ которой я притрунился: за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея и отбилъ ее de son soupirant, un officier de la garnison de Gaéte. Что̀ удивительно, всѣ тамъ хорошо танцуютъ. На другой день видѣлъ les bains et le tombeau de Cicéron. Князь сѣлъ самъ на козлы, посадилъ насъ съ Рихтеромъ въ коляску и повезъ въ Гаету, гдѣ видѣлъ я фортификаціи и тюрьмы, въ коихъ болѣе 500 колодниковъ; большая часть разбойники.

*

Неаполь, 14 (26) Іюля 1803.

Мнѣ пишутъ, что Козловскій бѣгаетъ по развалинамъ, удивляется и кричитъ: чортъ знаетъ, какъ это сравно! А Бальменъ сдѣлался богомольцемъ: только и дѣла, что̀ ходитъ по церквамъ, на послѣднія деньги покупаетъ мадонны чудотворныя и посылаетъ въ Петербургъ къ ма-

[1]) Князь П. Б. Козловскій впослѣдствіи поселился въ Лондонѣ, потому что тамъ въ трактирахъ подаютъ цѣлое блюдо, и плата за него все одна, сколько бы ни было съѣдено.

[2]) Это была графиня Ирина Ивановна, ур. Измайлова.

Библиотека "Руниверс"

теря. Теперь начались здѣсь ужины на улицѣ въ Santa Lucia, и множество бываетъ людей; но какъ тамъ очень воняетъ устрицами и рыбою, то я не очень часто бываю. Братъ Долгорукова (который здѣсь) знаетъ о дуэли и очень огорченъ, cependant il ne croit pas son frère mal. Il y a ici des joueurs de pommes. Я въ первый разъ видѣлъ это вчера. Король тамъ былъ, хлопалъ, кричалъ и смѣялся. Мячъ упалъ разъ на носъ какому-то серіозному и важному парику, изъ котораго, т. е. не изъ парика, но изъ носу, пошла кровь. Жары у насъ такъ велики, что можно выходить только въ вечеру. С. Крузе скоро ѣдетъ. Она намедни накормила Лихтенштейна оплеухами и драла его за волосы, а на другой день поѣхала съ нимъ въ Соренто на два дня. Весело смотрѣть, какъ Италіанки надъ нимъ смѣются: иначе не ходитъ какъ въ Мальтійскомъ съ двумя эполетами, большимъ галстукомъ и шляпою.

*

Неаполь, 16 Августа 1803 г.

Въ Римѣ сестра Воронцовой, la belle Gallitzine; on l'attend bientôt ici. Мы вмѣсто Скавронской бываемъ теперь часто всѣ у Воронцовой, которая очень любезна. Скавр. однакоже очень склонна на миръ, et cela finira par là. Одинъ домъ, куда можно ходить: непріятно въ ономъ не бывать. Прошу тебя сообщать всѣ новости, которыя узнаешь; мы съ Карповымъ страстно любимъ политику, а теперь у насъ ничего нѣтъ новаго, и вотъ отчего я и Анстету не пишу. Карапузый Антоніо очень благодаритъ за память твою. Карповъ всякій разъ велитъ тебѣ писать поклонъ; вчера пили мы твой чай за твое здоровье. Не знаю, чѣмъ наполнить письма; прочти мое къ батюшкѣ; можетъ быть, что найдешь, что̀ тебѣ забылъ сказать. Гришака-волокиту цалую, а писать некогда, нечего. У насъ на сихъ дняхъ новый балетъ. Cempille первая танцовщица такъ мнѣ мила, какъ Тургеневу Черути; она не хочетъ танцовать, и дѣльно: impressario хотѣлъ, чтобы она въ балетѣ упала съ моста сажень 8 вышины и повѣсилась волосами за дерево, покуда любовникъ придетъ ее освободить. Какой скотъ! Я его разругалъ.

*

Неаполь, 18 (30) Августа.

Ты правду говорилъ о человѣкѣ Козловскаго. Онъ пишетъ Карпову: пожалуйте, пошлите моего человѣка въ Одессу, посадите его хоть въ бочку съ сельдями. Карповъ ему отвѣчалъ, что quand l'occasion se présentera, je vous en informerai, et alors envoyez moi votre charmant Orang-Outang, je le ferai emballer et l'expédierai. Козловскій боленъ, и его старикъ ему совершенно безполезенъ; надобно и можно было это предвидѣть. Прилагаю печатный листъ о бомбардированіи Алжира

Библиотека "Руниверс"

Англичанами; прочтя, отдай Анстету. Гишпанскій посолъ сказывалъ мнѣ, что его правительство дало повелѣніе всѣмъ своимъ портамъ принять и учинить всѣ нужныя пособія Русскому флоту, идущему изъ Чернаго моря и состоящему изъ 11 линейныхъ кораблей и 6 фрегатъ.

*

Неаполь, 11 (23) Августа 1803.

Съ Карповымъ я уже живу, и ты это долженъ знать по письмамъ моимъ. Выгоды впрочемъ нѣтъ для меня большой, т. е. для кармана: платимъ все пополамъ, я не хочу быть въ тягость доброму Петру Ивановичу, который человѣкъ самъ небогатый. Григорію вѣрно не любо будетъ съѣхать съ княжеской квартиры и перейти въ 3-й этажъ, особливо ради прекрасной Stubenmädchen. Экое счастіе поповичамъ! Кто бы думалъ въ запачканомъ архивѣ найти прекрасную Анну съ алмазами? Вотъ каково быть проворнымъ. Ужъ не поднесъ ли онъ наши переводы, то-есть твой Слава Негоціатору, а мои Негоціаціи и пр. Мальцовымъ? Ты заставилъ меня смѣяться. Ты учишься фехтовать, это дѣло; а я взялъ ужъ уроковъ десятокъ рисованія и пристращаюсь къ оному; хотѣлъ было утаить это отъ тебя, но къ чему? Опять глупые сюрпризы. Однакожъ батюшкѣ не писалъ о томъ, и ты пожалуй не говори ему о семъ ничего; ежели научусь, спишу самъ съ моего окна виды для него и тебя. Я самъ очень нетерпѣливъ знать, что значатъ слова батюшкины: о мнѣ помнятъ, слава Богу, въ Петербургѣ. Жду отъ тебя описанія пушествія въ Пешть. Гришакъ, est-il de la partie? Да что онъ не пишетъ, шутитъ чтоль? У васъ жары, а у насъ третій день буря. Третьяго дня была страшная гроза; молнія упала на Архимедъ, здѣшній военный первый корабль, и зажгла оный. Богъ хотѣлъ, чтобы не было ни крошки пороху на кораблѣ, а то ежели бы загорѣлось, взорвало бы всѣ до 2000 судовъ, стоящіе въ портѣ. Стоило бы éruption de m-r le Vésuve; молніею убило одного матроса на Аглинскомъ военномъ суднѣ 74 пуш., у коего сгорѣла средняя мачта. А тотъ же день, кажется, сижу я, пишу спокойно: вдругъ маленькій ударъ землетрясенія такъ меня испугалъ, что перо изъ рукъ выпало; оное было чувствительно только въ малой части Неаполя, около St. Lucie. Ежели ты такой охотникъ до политическихъ новостей, какъ я, то узнаешь оныя отъ Анстета. Въ Калабріи революція, взбунтовался народъ и не хочетъ платить новыя наложенныя на нихъ подати; сунулись было 50 солдатъ ихъ усмирить, но народъ ударилъ въ набатъ, многихъ солдатъ убилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ, а прочихъ разогналъ. Вчера послано туда три гренадерскія роты, 2 пушки, 50 человѣкъ конницы, съ нужною артиллеріею. Калабрійцы народъ прехрабрый и, ежели захочетъ сдѣлать сопротивленіе, то выйдетъ дѣло весьма серіозное.

Библиотека "Руниверс"

Французы которые тамъ, вѣрно ихъ поощрятъ: ихъ войско, говорятъ, будетъ умножено до 30 т. и займетъ даже Неаполь. Рачинскій и Монклеръ наконецъ выѣхали въ Мессину.

Какой срамъ! Вчера слышалъ я, что одна женщина заколола своего духовника, послѣ сама на себя донесла говоря: basta l'ho uciso, ecco mi pronta a tutto, la vendetta è adempita.

*

Неаполь. 6 Сентября 1803 г.

Не знаю за что, но очень люблю Вентерцевъ, а теперь еще болѣе, узнавъ, какъ они оплакиваютъ ангела усопшаго, Александру Павловну. Смерть нашего дорогого Андрея насъ ужасно тронула. Кто бы это подумалъ? Вотъ третій день, что образъ его безпрестанно въ моихъ глазахъ; куда ни пойду, въ театръ, гулять, поздѣ онъ со мною, и я ничѣмъ не могу прогнать печальныхъ мыслей. Ты ни чуть не какъ педантъ говоришь: конечно нельзя собою располагать, Богъ одинъ знаетъ, сколько всякому жить. Но кто бы подумалъ, что милый нашъ Тургеневъ въ Вѣнѣ навѣки съ нами простился? Жаль братъ, очень, очень. Бѣдный его братъ Александръ, который такъ его любитъ! Каково ему? Каково Андрею умереть не въ рукахъ родителей, не обнять ихъ хотя въ послѣдній разъ. Это мучительно; мой Антоній даже какъ шальной цѣлый день ходилъ и плакалъ. Какъ и отъ чего умеръ онъ? Дай Богъ ему царства небеснаго и лучшаго жребія на томъ свѣтѣ. Полно говорить о семъ несчастіи, и Боже насъ избави отъ того самихъ. Ежели, какъ ты говоришь, состоится перемѣна, то не Разумовскаго ли посадятъ. Тогда держи ухо востро, не мирись съ нимъ менѣе какъ на 5000; въ самомъ дѣлѣ, онъ тогда тебѣ будетъ полезенъ, и я ранжирую себя умильно подъ твою высокую протекцію.

Пришедшій сюда корабль изъ Туниса привезъ извѣстіе, что Барбарески съ 12 большими судами отъ 24 до 36 пушекъ и нужнымъ войскомъ, сбираются въ семъ мѣсяцѣ сдѣлать высадку и нападеніе на Сицилію и Калабрію. Бомбардированіе Англичанами Алжира не подтверждается и, видно, вздоръ. Я хожу теперь во многіе Неаполитанскіе домы, даже позволяю себѣ иной разъ строить куры, къ двумъ вдругъ адресовался, и они чуть меня по одиночкѣ не прибили за плутовство. Будь ихъ cavaliere servente, а я сего никакъ не хочу; другое дѣло такъ, мимоходомъ.

*

Неаполь, 13 Сентября 1803.

На сихъ дняхъ пріѣхала сюда княгиня Голицина, dite la belle, сестра Воронцовой, которая здѣсь съ мѣсяцъ или болѣе пробудетъ. Голицина прекрасна, черные власы, черныя брови и черные глаза,

Библиотека "Руниверс"

зубы диковинные, ротъ, осанка прекрасны, хотя и дурно держится, только носъ нехорошъ; одѣвается, говоритъ, смотритъ, все странно, и не такъ какъ другіе. Весь Неаполь о ней говоритъ: elle a un air de la princesse de mon âme; всѣ здѣшнія красавицы отъ нея упали и пріуныли; за всѣми ими волочится Лихтенштейнъ, и жалко смотрѣть, какъ надъ нимъ смѣются, а онъ не чувствуетъ. Онъ добрый малый; впрочемъ, немного думаетъ объ себѣ; ты знаешь, какъ онъ говоритъ носомъ и смѣшно; намедни въ театрѣ изъ одного этажа въ другой началъ не знаю что-то кричать: всѣ обернулись, чтобъ видѣть это чудо. Онъ ѣдетъ съ Долгоруковымъ (рѣдкій малый) и однимъ Французомъ, очень любезнымъ, m-r Descours, извѣстнымъ въ революціи подъ именемъ Maisonfort, въ Сицилію; хотятъ только видѣть чудо св. Января, а потомъ отправятся.

*

Неаполь, 19 Сентября 1803.

Сегодня праздникъ St. Gennaro и дѣлается чудо, la liquifaction du sang de St. Janvier. Но бѣда, когда въ какую нибудь партію входятъ женщины. Уговорились всѣ ѣхать смотрѣть это чудо. Я въ Gran Bretagna явился въ 8 часовъ; Воронцова спитъ, Голицина спитъ. Покуда встали, покуда славно позавтракали у послѣдней, время прошло, и мы въ церковь пріѣхали, чудо сдѣлано, кусокъ отвердѣлой крови святаго самъ собою растаялъ и наполнилъ склянку, въ которой сія кровь сохраняется, и лазаронцы, бабы etc. гладили святаго, называя его красавчикомъ, умницею etc. Полагаютъ, что St. Gennaro объявилъ, что будетъ дѣлать чудо восемь дней сряду, дабы возстановить свой кредитъ, который St. Antonio поколебалъ. Ежели правда, то завтра пойду смотрѣть эту церемонію, о которой такъ много вездѣ говорятъ.

*

Неаполь, 3 Октября 1803 г.

Козловскій проказитъ въ Римѣ; не имѣя что писать, разскажу анекдотъ одинъ съ нимъ, приключившійся. Собраніе у папы. Всѣ туда съѣзжаются; Козловскій въ шелковыхъ чулкахъ, идетъ также по улицамъ съ двумя лакеями; инако онъ изъ воротъ своихъ не выходитъ *) en disant: l'un est pour m'annoncer, l'autre pour me nettoyer les souliers, приходитъ во дворецъ, входитъ въ комнату, множество людей, видитъ одного кардинала, думаетъ, что папа, подходитъ къ нему, цѣлуетъ его руку, говоря: vostra sanita, вмѣсто santita. Всѣ ха, ха ха! Одинъ Французъ говоритъ ему: M-r, ce n'est pas le pape.—Qui donc?—C'est un cardinal.—Où est donc le pape?—Plus loin, m-r: mais il n'est pas vi-

*) И по днямъ и часамъ ихъ напимаетъ: изъ чего, не знаю. Прим. А. Я. Булгакова.

Библиотека "Руниверс"

sible.—Les étrangers de distinction ont accès toujours partout, отвѣчаетъ Козловскій и идетъ далѣе, входитъ въ комнату папы, самъ себя рекомендуетъ. Папа его обласкалъ и много съ нимъ говорилъ. Козловскій, говорятъ, ночи не спалъ отъ радости. Теперь объявилъ всѣмъ, что началъ писать Римскую исторію; j'en ai montré, dit-il, le plan à mon ami Chateaubriand, qui en est émerveillé. Шатобріанъ—сочинитель книги L'esprit du christianisme и при Французской миссіи въ Римѣ.

*

Неаполь, 11 Октября 1803 г.

Бонапарте хочетъ миръ творить, а между тѣмъ вездѣ разбойничаетъ: приказалъ, чтобы перваго Португальскаго министра не только смѣнили, а выгнали въ 24 часа изъ Лиссабона, что̀ и учинено; тоже требуетъ, чтобы учинили и съ принцемъ de la Паче въ Гишпаніи, и вѣрно исполнятъ. Много разъ ужъ требовано отдаленіе Актона (Карповъ его называетъ думнымъ дьякомъ), и можетъ быть возобновятся требованія. Его величество очень печаленъ съ нѣкотораго времени; намедни на балѣ не смѣялся или, лучше сказать, не хохоталъ по обыкновенію и рано изволилъ ретироваться. Въ Субботу имянины вашей Императрицы, и здѣсь опять балъ въ Фаворитѣ. Наши Русскіе будутъ: надѣюсь, что будетъ веселѣе прошедшаго.

*

Неаполь, 1-го Ноября 1803.

Княгиня Голицина потащила меня съ собою въ малое ея путешествіе вокругъ Неаполя, которое продолжалось 8 дней. Мы начали городкомъ Castellamare, потомъ были въ Sorrento, гдѣ ѣли славныхъ телятъ, Vielo, гдѣ гробница Filanghieri, писателя новыхъ временъ; въ Сорренто видѣли домъ Тассо; въ Капри прожили мы три дня. Сей островъ наполненъ древностями, и недавно вырыли множество комнатъ Тиберова дворца, въ землю зарытаго; 23 гроты, одна другой чудеснѣе, заслуживаютъ также вниманія любопытныхъ. Княгиня покупаетъ паркетъ, найденный въ одномъ древнемъ зданіи. Онъ сдѣланъ изъ мраморовъ разнаго цвѣта, en mosaique. Изъ Капри пустились въ Ischia (островъ), гдѣ дурное время и буря продержали насъ три дня; потомъ видѣли Прочиду, Cap de Misène et port, prison de Néron, Piscina amirabile etc. однимъ словомъ все, что̀ заключается примѣчательнаго въ Байскомъ заливѣ и городѣ Пуццоли. Съ женщиною, какъ Голицина, такой вояжъ не могъ не быть пріятенъ. Насъ было только трое она, Рихтеръ и я, и мы время провели преславно, ѣли плотно, лазили по горамъ, спали крѣпко, по вечерамъ обыкновенно читали don Метастазія. Въ Капри чуть я надъ своею головушкою не напроказилъ. Вообрази,

Библиотека "Руниверс"

что въ темнотѣ, не видя, что за мною нѣтъ ни перилъ, ни забора, а вмѣсто того пропасть, началъ я пятить осла моего назадъ: онъ осадилъ, я еще, и до того, что заднія ноги его поскользнулись. Онъ потерялъ равновѣсіе, и я съ моимъ осломъ совсѣмъ упалъ внизъ, по крайней мѣрѣ саженя 4, по счастію въ садъ не на дерево, на камень, но на мягкую нововспаханную землю, такъ что ни малѣйшаго вреда себѣ не причинилъ. Княгиня видѣла кувыркоплегію и упала въ обморокъ. Я, упавъ, только очень испугался, но собравъ тотчасъ силы, дабы успокоить всѣхъ, которые по темнотѣ не могли знать, что̀ со мною дѣлается, побѣжалъ на верхъ; никто повѣрить не могъ, какъ я цѣлъ остался: подлинно Богъ хотѣлъ меня спасти отъ неминуемаго несчастія. Дома нашелъ я, что рука оцараплена и лѣвая нога нѣсколько ушиблена, но на другой день почти и слѣдовъ не было. Надобно было видѣть суету всѣхъ: кто кричитъ, что надобно мнѣ кровь пустить, кто пластырь совѣтуетъ, кто спирть, но слава Богу, безъ всего обошелся, но набрался ума для переду и осторожности. Пріѣзжаю въ Пуццоли, мой Антоній на берегу почти плачетъ; ему сказали въ Неаполѣ и всѣ почти говорили, что я плечо себѣ изломалъ; его привязанность ко мнѣ меня. право, тронула. Исторія Маркова въ Парижѣ съ господиномъ Наполеономъ вамъ вѣрно извѣстна, и вамъ, я чаю, прислали дерзкій bulletin, въ которомъ все сіе описано фальшивыми и мерзкими красками. Какія-то будутъ сего слѣдствія? Мы бы симъ г-дамъ отвѣчали, какъ должно, ежели бы знали, откуда подлинно прислано. Я думаю, что М., будучи уменъ, женпруетъ тамошнее министерство и что хотятъ избавиться отъ него; одинъ онъ посъ подымаетъ, всѣ его товарищи не иное что, какъ твари перваго консула.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда маіоръ Энгельгардтъ; онъ говоритъ, что былъ въ Вѣнѣ, когда былъ Великій Князь К. П. и что тебя видѣлъ много разъ; онъ путешествовалъ съ кн. Борисомъ Степановичемъ Куракинымъ. Ихъ разбили воры между Болоніею и Флоренціею въ горахъ, 14 человѣкъ на нихъ напали; человѣкъ Энгельгардта выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ, и за то былъ убитъ пулею, которая пролетѣла чрезъ все туловище, самого же барина прикатали до полусмерти. У Куракина отняли на 40000, у Энгельгардта 9000; вотъ что онъ мнѣ самъ сказалъ; ежели солгалъ то и я. Куракинъ теперь во Флоренціи, шьетъ себѣ рубахи и платье, ибо все было отнято. Какова земелька? Какова наша Италія?

Всему, сказанному Энгельгардтомъ, я не вѣрю, и онъ часъ отъ часу дѣлается подозрительнѣе. Разсуди: только что пріѣхалъ, сегодня ужъ ѣдетъ опять въ Римъ. Зачѣмъ же сюда пріѣзжалъ? Просилъ денегъ

Библиотека "Руниверс"

у Карпова, сей отказалъ натурально; говоритъ, что онъ кавалеръ св. Георгія 2-го класса (каково!), что адъютантъ Государя, что путешествуетъ по его приказанію и на его счетъ. Сегодня вызывалъ меня почти на поединокъ, жаловался Карпову на меня, что я сумнѣваюсь въ томъ, что̀ онъ говоритъ. Я ему повторилъ, еще разъ повторилъ ясно при Карповѣ, что онъ не можетъ имѣть Георгія 2-го класса и вѣрно не имѣетъ. Онъ говоритъ Карпову: M-r Boulgakoff m'a tenu hier des propos durs. Карповъ: M-r, j'ai été hier toujours avec vous tous, comment est-ce que je ne l'ai pas entendu? Engelg.: Vous étiez sorti alors. Я перебилъ рѣчь, говоря: M-r d'Engelgardt, si je vous ai dit hier des choses désagréables, vous deviez en homme d'honneur d'abord me répondre par le même ton et par venir aujourd'hui porter des plaintes contre moi. Онъ сбился, отвѣчалъ: mais non, hier ce n'était rien sûrement; mais vous avez dit, que je suis un aventurier, et on me l'a rapporté.—Qui?—Je ne peux pas le dire.—Non, m-r, vous devez le dire, je l'exige, сказалъ Карповъ. Энгельгардтъ тутъ видѣлъ, что плохо дѣло и сослался на слугу одного Курляндца барона Ропа, который вчера уѣхалъ, говоря, что онъ это ему открылъ. Теперь я спрашиваю, какого барыша могъ ждать отъ сего доноса человѣкъ? Меня замарать не могъ онъ и не имѣлъ прибыли, зная, что все откроется и падетъ на его спину; какой же интересъ имѣлъ онъ подслужиться Е., котораго съ роду и въ глаза не знаетъ? Стало быть, все ложь; но поведеніе Е. не можетъ помѣститься ни въ чьей головѣ. Пріѣхалъ сюда, зачѣмъ самъ не знаетъ, только что пріѣхалъ на другой день почти ѣдетъ, и говоритъ, что хочетъ драться съ барономъ Ропомъ, потому что онъ виноватъ, а не я, который извѣстенъ ему по моей фамиліи, честности etc. Не чепуха ли это все? Если бы тебѣ разсказать всѣ его слова, не было бы конца. Говоритъ, что пріѣхалъ изъ Парижа; Воронцова два года тамъ жила и не слыхала о немъ. Говоритъ, что 20 разъ былъ у Бонапарте, который его ласкалъ очень и что сіе было помѣщено въ газетахъ даже. Отецъ его, говоритъ, генералъ-губернаторъ въ Полоцкѣ; мы показали ему въ календарѣ, что Полоцкъ уѣздный городъ. Слава Богу, что мы избавляемся такого сокровища. Я тебя обо всемъ предупреждаю: неравно поѣдетъ онъ въ Вѣну. Онъ толстъ, малъ ростомъ, лицо большое, рябое, говоритъ дурно по французски и по русски не очень хорошо. Я сейчасъ послалъ ему записку, требуя рѣшительный отвѣтъ, кто именно сказалъ, камердинеръ или лакей Ропа; потому что послѣдній остался здѣсь въ Неаполѣ, будучи его laquais de place. Энг. велѣлъ мнѣ сказать, что самъ прежде отъѣзда ко мнѣ будетъ и вѣрно вмѣсто того сегодня ночью улизнетъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперь поѣхалъ къ нашему агенту Манзо просить денегъ. Сію минуту узналъ, что онъ уѣхалъ и неизвѣстно куда. Вотъ и конецъ комедіи.

*

Неаполь, 8-го Ноября 1803 г.

Мой поединокъ съ Энгельгардтомъ кончился тѣмъ, что, онъ видно, спятя й труся Карпова, улизнулъ. Прочти всю исторію въ моемъ письмѣ къ батюшкѣ; я не хотѣлъ умолчать, ибо могло бы до него дойти, и онъ, видя, что я все сіе умалчиваю, подумалъ бы, что есть что нибудь для меня непріятнаго. Видно, Кассини почувствовалъ свою ошибку, что онъ взялъ теперь въ Римѣ Энгельгардта подъ караулъ; теперь откроется, что̀ онъ за человѣкъ. Въ Римѣ Хитровъ, путешествующій по комиссіи Императора, и сюда будетъ.

*

Неаполь, 13-го Ноября 1803 г.

Новая моя квартира возлѣ дома, гдѣ жилъ Французскій посолъ, возлѣ Gran Bretagna, гдѣ ты бывалъ у Гагариныхъ, на противолежащемъ берегу Позилипа, то-есть, что мы Villa Reale видимъ не въ ширину, какъ Гагар., но во всю длину; понимаешь ли? Мѣстоположеніе славное, воздухъ чистъ. У Карпова три комнаты, у меня двѣ, обѣ на улицу и море, двѣ комнаты общія, у людей также свои; однимъ словомъ, живемъ мы, какъ цари, и занимаемъ весь этажъ; но за то я плачу 25 дук., а Карповъ 45. Мой кабинетъ славный, уютенъ, и всякій уголъ чѣмъ-нибудь да занятъ; двѣ полки книгъ, столъ для письма, бюро съ платьемъ, канапе для гостей, большія вольтеровы кресла, подаренныя p. de Hesse и въ кои кидаюсь, чтобы читать или спать иной разъ подъ вечеръ. Въ другой комнатѣ сплю, фортепіанирую, чешусь и пр.

Жаль Долгорукова, генер.-адъют. Братъ его, бывшій здѣсь, кн. Михайло Петр., любилъ его очень и часто ко мнѣ изъ Флоренціи пишетъ. Предобрый малый! Въ послѣднемъ письмѣ говоритъ мнѣ между прочимъ: «Vous me parlez de m-r Engelgardt: que je suis faîché, mon cher, de ce que vous ne l'avez pas régalé d'une volée de coups de baton. Ce drôle a été chez moi sous le nom du prince Kourakin, officier de marine et chev. de St. George, parlant toujours de son oncle, prince Alexandre Kourakin; c'est tout bonnement un chevalier d'industrie. Вотъ подтвержденіе, что Энгельгардтъ плутъ: жаль подлинно, что я его не приколотилъ, впрочемъ не было за что? Слышу, что Кассини его прижалъ въ Римѣ, видя, что сдѣлалъ глупость, давъ ему пашпортъ. Слухамъ о мирѣ вѣрить не надобно, нѣтъ сомнѣнія, что десантъ состоится. Посолъ Французскій говорилъ мнѣ вчерась, что ждетъ съ нетерпѣніемъ курьера изъ Парижа. Присланіе сюда главнаго Французскаго

Библиотека "Руниверс"

генерала Монришара изъ Ганноверской арміи, заставляетъ думать, что войска ихъ, сіе королевство занимающія, имѣютъ какое-либо важное препорученіе; но пельзя угадать, что̀ это. Полагать не можно покушенія на Сицилію, развѣ на Морею. Дворъ довольно безпокоится, войска сіи перемѣнили свои позиціи въ Пуліи, и всѣ ихъ жены отправлены въ сѣверную часть Италіи. M-e St. Cyr даже тоже оставила мужа и въ Римѣ сказала одной пріятельницѣ, что уѣхала поскорѣе изъ Неаполитанскихъ областей, не дожидаясь тамъ свалки. Это останется между нами; скажи однакожъ сіе Анстету, которому, можетъ быть, написать не успѣю. Извѣстно заподлинно, что въ Тулонѣ готова къ выходу эскадра, 9 военныхъ кораблей, фрегатъ и пр. съ народомъ; можетъ быть, сія эскадра имѣетъ какую-нибудь связь съ здѣшними войсками.

Кассини мнѣ пишетъ, что сюда въ Римъ будутъ: мать 1-го консула, Іосифъ, ея сынъ, со вдовою m-me Le Clerc, идущею замужъ за пр. Боргезія. Анекдотъ: ты знаешь, что въ Римѣ Canova работаетъ статую Бонапарта, представляющую его нагого съ земнымъ шаромъ въ одной рукѣ и шпагою въ другой. Покойный лордъ Бристоль, пришедъ къ Кановѣ и разсматривая статую (тогда много говорили о десантѣ), сказалъ скульптору: mon cher Canova, j'ai deux remarques à vous faire: ce globe que vous avez mis dans la main est trop petit pour contenir l'Angleterre, et puis vous avez fait au Bonaparte le cul trop petit pour un homme qui a été en Égypte et en Italie. Сегодня былъ у Скавронской по случаю свадьбы m-elle Germiny (ея фаворитки) съ однимъ морскимъ офицеромъ m-r Preville.

*

Неаполь, 6-го Декабря 1803.

Ты знаешь, что здѣсь Протасова*), особа пречванная: въ претензіи, что мы всѣ Русскіе не ходимъ къ ней на поклонъ; говоритъ: эти господа любили гр. Воронцову и Голицыну, а меня не жалуютъ; безпрестанно напоминаетъ, что была въ милости Екатерины II. «Мое имя всѣмъ извѣстно» есть конецъ всѣхъ ея пѣсень, жалуется на Ханыкова въ Дрезденѣ etc. Племянницы не хороши и ни рыба, ни мясо. Одинъ Итальянецъ насъ очень насмѣшилъ намедни, говоритъ: c'est arrivée m-me de Procaccioff avec ses deux nièces. Ты знаешь, что по италіански procaccio—большая фура для перевоза тяжелой почты, а Протасова претолстая баба и дурна лицомъ. Вчера Скавронская давала ей балъ, довольно было весело.

*

*) Камерфрейлина Екатерины II-й, графиня Анна Степановна.

Библиотека "Руниверс"

1804 годъ.

Неаполь, 3-го Генваря 1804 года.

На Кассини всѣ Русскіе въ Римѣ жалуются. Онъ допустилъ по прихотямъ кардинала Феша посадить въ St. Ange г-на Дювернега, натюрализованнаго Русскимъ и пользующагося пенсіею отъ насъ, ни за что ни про что, за то что Вернегъ былъ прежде агентомъ дюка-дю-Бери, отъ коего найдены у него старыя письма. Папа послалъ курьера въ Петербургъ. Смотря по тому, какъ сіе дѣло представятъ и какъ примутъ у насъ, это можетъ имѣть худыя слѣдствія. Извѣстно, что Кассини слѣпо преданъ Римскому правленію, дабы держаться на своемъ постѣ. Онъ довольно это доказалъ въ дѣлѣ, которое имѣлъ съ Карповымъ въ Римѣ. Луціенъ Бонапарте впалъ въ немилость къ своему брату, отъ коего получилъ повелѣніе выѣхать изъ Франціи и вояжировать по Италіи. Первый консулъ и Фешомъ недоволенъ и пришлетъ ему наставника.

*

Неаполь, 20-го Февраля 1804 года.

Панины очень милостивы ко мнѣ. Дворъ принялъ ихъ отмѣнно хорошо, сегодня обѣдали у королевы; но все это, мнѣ, кажется par spéculation. Мнѣ все совѣтуютъ перейти въ Вѣну; зачѣмъ бы нѣтъ? Но больно бы мнѣ было имѣть надъ тобою въ чемъ нибудь выгоды и отнять у тебя слѣдующее тебѣ награжденіе, хотя и знаю, что по любви нашей все у насъ обще, и счастіе одного составляетъ счастіе другова. Доходцы бы наши, сливъ вмѣстѣ, составили почетный ревеню, съ которымъ славно бы можно жить. Не хотѣлось бы мнѣ однако потерять 400, выслуженные не протекціею, но службою; вотъ пятый годъ, что мы бьемся. Что дѣлать? Придетъ воли Божіей часъ... Я два года одинъ здѣсь все дѣлаю, а другой лежа на боку 1000 болѣе получаетъ. Свѣчину дали 1000 р. пенсіи. Я за этого скота здѣсь работалъ; теперь ему пенсія за то, что законъ перемѣнилъ. Богъ съ нимъ! Оставимъ важныя моя претензіи; батюшка намъ часто говорилъ, что въ наши лѣта не былъ тѣмъ, чѣмъ мы, а ты знаешь, намъ далеко тягаться; счастливы бы были хоть душою съ нимъ равняться, ежели не умомъ. Я нечувствительно изъ письма сдѣлалъ процесъ и предику; впрочемъ чтожъ? Великій постъ кстати!

*

Неаполь, 27-го Февраля 1804.

У насъ здѣсь знаешь кто? Тотъ принчикъ Мекленбургскій, котораго мы часто въ Москвѣ у Пушкиныхъ видали, который мазурку танцовалъ etc. Не знаю, откуда взялась престрашная дружба ко мнѣ, но не

Библиотека "Руниверс"

отстаетъ. Сегодня пріѣхалъ сюда князь Borghese, что̀ женатъ на Бонапартшѣ, одинъ: жена въ Римѣ осталась. Вся морская Неапольская сила скоро выйдетъ въ Сицилію для всякаго случая, для защиты отъ Барбаресковъ или другихъ непріятелей, кои могли бы покуситься на Сицилію. Вся эскадра будетъ состоять изъ одного 50 пуш. корабля, 4 фрегатовъ и 4 корветъ. Командованіе дано графу Турну, управляющему морскимъ департаментомъ. Къ находящимся здѣсь Французскимъ войскамъ прибавляется еще сотъ до четырехъ и довольно артиллеріи; она ужъ въ маршѣ къ Пуліи и третьяго дня ночевала въ Капуѣ. Это немало безпокоитъ дворъ, коего издержки и боязнь симъ умножаются. Надобно ожидать какую либо экспедицію, ибо войска Французскія въ семъ королевствѣ запасаются сухарями и другими провизіями.

*

Неаполь, 6-го Марта 1804.

Иду къ Панину: что-то писать дать хотѣлъ. Спасибо за всѣ новости, тобою сообщаемыя: я сдѣлалъ списочекъ онымъ, который далъ Панину. Предупреждаю тебя и Анстета, что Актонъ дней черезъ пять отправляетъ курьера въ Петербургъ; но какъ сіе отправленіе можетъ замѣшкаться, то успѣете вы, можетъ быть, кое-что пріуготовить къ проѣзду его черезъ Вѣну. Сюда пріѣхалъ курьеръ изъ Парижа, привезъ пребольшой пакетъ къ Карпову отъ Убри; чтожъ вышло? Чепцы для графини Паниной! Въ Парижѣ дѣлается большая кутерьма. Пріѣхавшій туда скрытно Пишегрю былъ схваченъ. Открытъ заговоръ, въ коемъ замѣшанъ Моро etc. Я долженъ быть сегодня на Русскомъ обѣдѣ у Скавронской и на концертѣ, который дается для Панинныхъ кн. Караманики. Je viens de finir ma besogne chez Panine; онъ мнѣ диктовалъ нѣсколько писемъ, удалось заслужить его апробацію; теперь за Карпову работу примусь.

*

Неаполь, 12-го Марта 1804.

Часто бываю у Панинныхъ, и графъ заставлялъ меня часто у себя работать, писалъ нѣсколько писемъ sous sa dictée en français, онъ былъ доволенъ мною и очень ласковъ; ежели всегда таковъ, то счастіемъ бы почелъ быть его подчиненнымъ; кажется, хорошо къ намъ расположенъ, говоритъ часто о батюшкѣ, тебѣ etc. Онъ думаетъ быть въ Страстную недѣлю въ Римѣ. Не худо заставить имъ себя замѣтить: пригодится всегда, можетъ вспомнить и сдѣлать счастіе нашего брата. Графа здѣсь очень угощали, король, королева и бояры. На той недѣлѣ ѣдетъ онъ съ королемъ на охоту *).

*) Графъ Никита Петровичъ славился какъ искусный охотникъ. Въ селѣ Дугинѣ (нынѣ владѣніи его внучки, княгини М. А. Мещерской) есть прекрасный его портретъ, на которомъ онъ изображенъ въ охотничьемъ платьѣ и съ ружьемъ.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 27-го Марта 1804.

Скоро будетъ сюда Паленъ, бывшій при Парижской миссіи и путешествующій теперь. Онъ во Флоренціи. Вернегово дѣло не такъ много шума произвело въ Петербургѣ, какъ многіе думали. Государь требуетъ доказательствъ вины его, подавшей поводъ къ его заключенію въ крѣпости Св. Ангела. Кассини отвертѣлся счастливо въ семъ дѣлѣ. Всѣ думаютъ, что неминуемая смерть Аглинскаго короля произведетъ великую перемѣну въ дѣлахъ Европы [1]).

*

Неаполь, 2-го Апрѣля 1804 г.

Страстная недѣля здѣсь, какъ карнавалъ: весь городъ на улицахъ и бѣгаетъ по церквамъ; ни одной кареты не видать, потому что запрещены; даже королева и вся фамилія пѣхтурою дули всѣ въ черномъ платьѣ. Дворъ препровождаемъ всѣми придворными чиновниками и офицерами всѣхъ полковъ, гвардейскаго полку отрядъ напереди и сзади и играетъ печальный маршъ en mineure. Здѣсь Святая недѣля совсѣмъ не такъ торжественна какъ у насъ, гдѣ всякій камень, кажется, радуется.

*

Неаполь, 10-го Апрѣля 1804.

Часто ли бываешь у Голицыной? Не правда ли, что она немного на княгиню [2]) похожа. Я не могъ никакъ къ ней привязаться: она слишкомъ необыкновенна, и ее тронуть можно только вещьми и поступками черезвычайными. Я полагаю, что ея сердце холодно и нечувствительно, а голова немного въ безпорядкѣ или лучше, comme on dit, exaltée, но хороша, умна и любезна, отчаянная особа. Воронцова женщина достойная почтенія всѣхъ; сынъ ея предобренькій мальчикъ. Письмо къ нему отдай Голицыной, ежели думаешь, что Воронцова не будетъ въ Вѣну. Cette lettre regarde les caisses que la comtesse de Woronzow a laissé ici et que m. Karpoff a expédié à Pétersbourg avec Pandelli. Вчера выпустили здѣсь тревогу, что Французы идутъ въ Неаполь; это совсѣмъ неосновательно, равно какъ и вѣсти, что въ Корфу прибыли новыя отъ насъ войска; мы о семъ никакого свѣдѣнія не имѣли еще. Удивительно, что пришедшее изъ Занта въ 6 дней судно тоже подтверждаетъ. Дворъ сей годъ совсѣмъ не ѣдетъ въ Казерту. Здѣсь всѣ говорятъ, что у васъ война съ Французами, кои потребовали высылку изъ Германіи всѣхъ эмигрантовъ.

*

[1]) Король Георгъ III-й прожилъ послѣ того еще 16 лѣтъ.

[2]) Т. е. по княгинѣ А. П. Гагарину. Того же мнѣнія о почтной княгинѣ былъ впослѣдствіи С. Н. Глинка.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 24-го Апрѣля 1804.

У меня все идетъ помаленьку, но я также très bien съ Полячкой, у которой бѣдный мужъ очень боленъ, а съ нею я всякій день гуляю въ саду, который отъ насъ очень близко и гдѣ никто насъ не видитъ; но изъ сего не дѣлай заключеній: я бы самъ сказалъ. Напрасно ты не бываешь у Голицыной; я очень тебя ей рекомендовалъ и предупредилъ, что ты немного дикъ въ началѣ; она тебя ужъ здѣсь знала по портрету твоему, коимъ всякій день утѣшаюсь. Мы съ нею были довольно дружны, и я никогда не забуду поѣздку нашу въ Капри, Искію и пр. Напомни ей мою кувырколлегію, скучнаго г-на Хитрова, устрицы, которыя препарировалъ, нерѣшимость ѣхать ли въ Неаполь назадъ по страшной непогодѣ, чтеніе Метастазія, поѣздку на ослахъ и пр. Все сіе воспоминаю съ восхищеніемъ. Ни о комъ мы столь не сожалѣли, какъ о Голицыной и Воронцовой.

*

Неаполь, 1-го Мая 1804.

Здѣсь глазная боль неизбѣжима ради ужаснаго солнца, бѣлой мостовой, домовъ и неба. Я ничѣмъ никогда не лѣчусь; пробывши въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ большого свѣта, тотчасъ въ два дня все проходитъ. Сто разъ спасибо, что посылаютъ намъ Татищева, а Пинію пишутъ противное, а что Куракина опять на сторое мѣсто—это вздоръ! То-то бы хорошо, кабы Панина. Скавронская очень обрадовалась, узнавъ, что ея посылка въ Дрезденъ дошла и велѣла тебя поблагодарить и пригласила сегодня къ себѣ на балъ; c'est très mal à propos: почтовый день, и дѣла очень много. Ты не повѣришь, какъ мы заняты: всякую почту получаемъ пакеты отъ двора съ предписаніями. Императоръ оказалъ милость всѣмъ Грекамъ: здѣсь будетъ построена православная Греческая церковь. По сіе время была все Уніатская, зависѣвшая отъ папы, и служба шла по гречески. Мы построимъ церковь во имя св. Александра, тогда-то пойдетъ у насъ богомолье, говѣнье и пр.; тогда-то, нагрѣша въ Вѣнѣ, пріѣзжай спасаться въ Неаполь къ намъ.

*

Неаполь, 7 Мая 1804

Воронцова милая и добрая женщина: она, можетъ быть, первая, которая заставила себя здѣсь любить иностранцами и Итальянками, ибо у первыхъ дурацкій манеръ съ послѣдними не знаться, и ты знаешь, что Скавронская ихъ не принимаетъ. Сходство наше должно быть велико, ибо Nicolsky, Полякъ, долго бывшій въ Вѣнѣ, въ прошлый карнавалъ, увидя меня у Скавронской на балѣ, спросилъ, давно ли я изъ Вѣны пріѣхалъ, принявъ меня за тебя. Странная фигура! Помнишь ли

Библиотека "Руниверс"

ты его? Каково дѣлаетъ pas d'écossaise! Наскажи пропасть учтивостей отъ меня Воронцовой, а Ванишѣ [1]) буду писать; всѣ Итальянки по ней плачутъ. Сюда прибылъ на дняхъ Аглинскій 80-пуш. корабль Kent, на ономъ двое Русскихъ мичмановъ, кои волонтерами служатъ. Всѣхъ нашихъ Русскихъ у Нельсона съ 17 и раздѣлены по два на каждомъ суднѣ. Сіи два предобрые малые, Меллеръ и Авиновъ. Я, узнавъ, тотчасъ поѣхалъ къ нимъ на корабль, и они отмѣнно мнѣ обрадовались; послѣ завтра съ нами обѣдаютъ. Актонъ прервалъ всякое сношеніе съ Французскимъ посломъ вотъ по какому поводу. Алькье требовалъ арестованія всѣхъ Агличанъ здѣсь; генералъ отказалъ, говоря, что тоже бы сдѣлалъ, ежели бы Аглицкій посл. Елліотъ потребовалъ арестованія Французовъ и что Агличане не учинили ничего противнаго Неапольскому правительству. Посолъ упрекалъ генерала въ его преданности къ Англіи etc. Наконецъ оба очень разгорячились, и Актонъ объявилъ, что болѣе не будетъ съ нимъ трактовать, что его угрозъ пожаловаться первому консулу онъ не боится и пр. Алкье въ сердцахъ послалъ нарочнаго въ Портичи къ королю съ жалобами: но его величество отвѣчалъ, что онъ не принимаетъ нотъ отъ министровъ чужестранныхъ и съ оными не трактуетъ, а что есть у него на это министръ иностранныхъ дѣлъ. Посолъ отправилъ немедленно курьера въ Парижъ съ жалобами, и отвѣтъ имъ, какъ и здѣшнимъ дворомъ, ожидается съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ выбранъ Micheroux для конференціи съ Франц. посломъ. Сіе дѣло можетъ имѣть важныя слѣдствія. Актонъ, надо думать, слетитъ: но люблю за то, что много показалъ духу, будучи министромъ кавалка [2]) земли, тогда какъ великія державы ползаютъ предъ Бонапартіемъ. Я бы все это не написалъ, ежели бы не удобная оказія, и это останется между нами. Несчастный кавалеръ Вернегъ, давно ужъ заключенный въ Римѣ въ крѣпость Св. Ангела, 2-го сего мѣсяца былъ папою преданъ Французамъ; смерть неизбѣжимая есть его перспектива. Не смотря на столь дерзкій поступокъ, Кассини ѣздилъ послѣ того къ папскому министру Гонзальви, имѣлъ съ нимъ конференцію, даже былъ у папы, и только 6-го долженъ былъ выѣхать изъ Рима, а можетъ быть и еще тамъ. Его слабое поведеніе въ началѣ сего дѣла есть причиною гибели несчастнаго Вернега; ты знаешь, что онъ Русскій подданный.

Люціенъ Бонапарте прибылъ въ Римъ; онъ, говорятъ, съ братомъ въ ссорѣ, ибо хотѣлъ противиться и уговаривалъ его не разстрѣливать

[1]) Т. е. сыну графини Ирины Ивановны, тогда еще просто графу Ивану Ларіоновичу Воронцову, позднѣе принявшему имя графа Воронцова-Дашкова.

[2]) Кавалка, по Словарю Даля—комокъ земли или навозу.

Библиотека "Руниверс"

дюка Д'Енгіена. Консулъ въ ссорѣ съ женою по той же причинѣ. Много говорятъ здѣсь, что король ѣдетъ въ Сицилію; ежели послѣдуетъ министерство, то и намъ придется туда ѣхать, но все это еще не вѣрно, и дай Богъ, чтобъ это не сбылось: переписка наша много пострадаетъ отъ сего.

*

Неаполь, 3 (15) Мая 1801 г.

Меллеръ и Авиновъ, находящіеся на Аглинскомъ кораблѣ волонтерами, добрые малые; я ихъ вездѣ таскаю; теперь повезу по театрамъ, будемъ ѣздить гулять верхомъ и пр. Я очень имъ радъ; только 10 мѣсяцевъ, что они изъ Россіи; можешь представить, сколько вопросовъ имъ дѣлаю о всемъ. Теперь Актонъ потребовалъ быть уволенымъ отъ конференціи съ чужестранными министрами, и полученною третьяго дня отъ министерства нотою дано дипломатическому корпусу знать, что кавалеръ Micheroux опредѣленъ директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ и что къ нему должно адресоваться по всѣмъ дѣламъ между Неаполемъ и другими державами. Симъ отдаленіемъ генерала А., я думаю, хотѣли предупредить Французовъ, которые вѣрно потребуютъ, чтобъ А. былъ отрѣшенъ отъ дѣлъ. Дворъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія курьера, посланнаго въ Парижъ. Алькье, какъ говорятъ, также писалъ, прося отзыва своего отсюда. Кассини ѣдетъ, говорятъ, въ Тріестъ, гдѣ будетъ ждать повелѣній двора; теперь онъ въ Ливорнѣ. Впрочемъ вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ. Все что о Франціи говорятъ давно должно быть вамъ извѣстно. Прекрасная погода наконецъ началась у насъ. Елліотъ ѣдетъ на загородный домъ въ Портичи, гдѣ мы будемъ отмѣнно веселиться. Дни на два буду туда забираться. По утру будемъ ѣздить верхомъ, потомъ купаться, тамъ плотно ѣсть, une à-la-guerre après dîné, тамъ опять гулять; въ вечеру партія въ вистъ: веселѣе нельзя провести дня. Поѣду въ Субботу, останусь Воскресенье, а Понедѣльникъ рано опять въ Неаполь. Nous ferons ces courses avec dames. Кабы ты видѣлъ, какія дѣти прекрасныя у Елліота, таки настоящіе Англоманы. Одинъ похожъ на нашего Императора.

*

Неаполь, 22 Мая 1804.

У насъ здѣсь большія тучи начинаютъ накопляться. Актонъ въ послѣдней конференціи, которую имѣлъ съ Фран. посломъ, такъ разгорячился, что, вставъ со стула, показалъ ему *здѣ Богъ и здѣ двери*. Алькье взбѣшенъ отъ этого и ждетъ изъ Парижа отвѣта на жалобы свои; подробности ссоры тебѣ я описалъ ужъ. Сію минуту намъ говорятъ, что вышелъ королевскій dispacio (указъ), коимъ Актонъ, ради слабости здоровья и въ уваженіе столь часто повторенной имъ прось-

Библиотека "Руниверс"

бы, отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ совершенно и за примѣрную его, и долголѣтнюю службу пожалованы земли въ Сициліи, приносящія 30.000 дукатовъ годового дохода. Генералъ видно предвидѣлъ (и резонно), что Бонапарте потребуетъ его отдаленія, какъ то сдѣлалъ съ первымъ министромъ въ Португаліи, и для того почелъ за нужное его предупредить. Неаполитанскій военный 74 п. корабль готовъ и стоитъ на рейдѣ. Генералъ Актонъ на ономъ отправляется въ Палерму. Вотъ что весь городъ говоритъ: отдаленіе Актона сдѣлаетъ во всемъ величайшую перемѣну. Курьеръ, котораго ждутъ изъ Парижа, рѣшитъ нѣкоторымъ образомъ судьбу здѣшняго королевства. Посолъ ужъ теперь очень досадительныя употребляетъ выраженія: говоритъ, что имѣетъ отъ Бонапарта повелѣніе объявить королю войну, ежели онъ не согласится на нѣкоторыя требованія и особливо на отдаленіе Актона. Ежели курьеръ привезетъ печальныя извѣстія, король вѣроятно удалится въ Сицилію, оставя королеву здѣсь или наслѣднаго принца.

*

Неаполь, 7 Іюня 1804.

Вручитель сего письма есть m-r Borel, секретарь нашего здѣсь агента комерціи г. Манзо, по коего дѣламъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Сія хорошая оказія доставляетъ мнѣ случай вольно съ тобою говорить. Послѣ Актонова отдаленія здѣсь начинаетъ заводиться каша: Французы господствуютъ, и число ихъ въ сей столицѣ каждый день умножается. Королева всѣмъ теперь ворочаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она главною причиною паденія Актона, коего сила и кредитъ у короля возбуждали ея ревность; она тѣмъ болѣе теперь командуетъ, что король ни во что входить не хочетъ и никогда въ столицѣ не бываетъ. Того и гляди, что уѣдетъ въ Сицилію, оставя всю фамилію здѣсь и министерство. Ежели мы поссоримся съ Бонапарте, то худо Неаполю. Онъ только и поддерживалъ себя нашимъ покровительствомъ и въ случаѣ разрыва сдѣлается первою жертвою Франціи. Кажется, къ тому дѣло начинаетъ клониться. Посолъ ихъ очень грубо здѣсь начинаетъ обходиться, требовалъ нѣкоторыя важныя крѣпости, яко Капую, Гаету etc., уменьшеніе войскъ здѣшнихъ; даже запрещаетъ, чтобы были ученія и маневры. Въ случаѣ несчастія, не знаю куда Карповъ удалится; я увѣренъ, что въ Корфу не поѣдетъ, а я всѣ силы употреблю рѣшить его ѣхать въ Вѣну; ежели же захочетъ жить въ Тріестѣ, я къ тебѣ пріѣду, но всего вѣроятнѣе, что поѣдетъ въ Петербургъ. Этого, пожалуй, не говори никому: мы отъ этого не такъ-то далеко, но вѣрно никто себѣ того не воображаетъ. Сицилія не уцѣлѣетъ также, и ежели Французы займутъ Неаполь, то Англичане не отстанутъ и тотчасъ за-

Библиотека "Руниверс"

владѣютъ Сициліею, гдѣ ихъ жители любятъ отмѣнно и примутъ безъ малѣйшаго супротивленія. Каковъ тебѣ кажется новый императоръ? Мнѣ кажется я бы рѣшился скорѣе поцѣловать жену Русскаго мужика, чѣмъ сказать Б.: ваше величество. Что это за народъ эти Французы! Пролпвали кровь болѣе десяти лѣтъ, чтобъ основать вольность свою, а теперь будутъ оную лить за чужестранца, Богъ знаетъ откуда пришедшаго и заставившаго дать себѣ самодержавную власть, потерянную законнымъ королемъ на эшафотѣ. Это право непонятно. Французы унижаютъ родъ человѣческій. Но г. Бонапарте поторопился слишкомъ; боюсь, что это ему шею сломитъ: фанатики еще не истреблены во Франціи.

*

Неаполь, Іюня 8-го дня 1804.

Вручитель сего письма, Полякъ Лозинской, нашъ подданный, взятый Французами въ плѣнъ въ Италіи и бѣжавшій отъ нихъ теперь. Мы хотѣли его отправить въ Корфу; но, къ его несчастію, былъ онъ Богъ знаетъ за что изувѣченъ однимъ Неаполитанскимъ солдатомъ на всю свою жизнь. Ты знаешь, что Неаполитанцы очень храбры противъ тѣхъ, которые безъ всякой обороны. Борель изъ человѣколюбія взялъ его съ собою, дабы доставить въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ его отецъ и вся родня. Ежели онъ Бореля оставитъ въ Вѣнѣ, то постарайся доставить ему способъ попасть какъ-нибудь въ свою отчизну. Жаль сего бѣднаго, несчастнаго. Разсуди, что мы по сю пору не можемъ добиться наказанія виновнаго. Л. самъ разскажетъ тебѣ подробно все свое приключеніе несчастное.

*

Неаполь, 9 Іюня 1804 года. 4 часа утра.

Королева вчера прислала просить Карпова отправить, не теряя времени, курьера въ Петербургъ, а какъ у насъ большая часть экспедиціи была готова, то и согласились на просьбу ея. Я одиннадцать часовъ не выходилъ изъ канцеляріи, всю эту ночь прописалъ: хотя усталъ какъ собака, не хочу, чтобы Артемьевъ явился къ тебѣ съ пустыми руками; онъ у насъ стоялъ во все время, что былъ въ Неаполѣ, и разскажетъ тебѣ, что мы дѣлаемъ, какъ веселимся и какъ скучаемъ. Не знаю что приспичило такъ королевѣ: то и дѣло отправляетъ теперь курьеровъ. По случаю безпрестанныхъ грабежей курьеровъ Французами, кои отнимаютъ у нихъ депеши, послали мы фельдъ-егеря моремъ до Тріеста. Фр. посолъ объявилъ Бонапартово императорство и ждетъ новыхъ кредитивовъ. Здѣшній дворъ признаётъ сей новый титулъ и на сихъ дняхъ отправитъ курьера въ Парижъ съ новыми кредитивными письмами и инструкціями къ своему послу. Что скажетъ

Библиотека "Руниверс"

вашъ императоръ? Господство Французовъ начинаетъ здѣсь нѣсколько чувствоваться, и надобно думать, что скоро потребуютъ, чтобы Неаполькіе порты были Англичанамъ заперты. Имъ уже дѣлаютъ маленькіе шиканы. Казначею ихъ, платившему здѣсь пенсіи различнымъ эмигрантамъ и пр., внушено выѣхать изъ Неаполя, и онъ удалился. Находящемуся здѣсь Аглинскому военному кораблю не хотѣли было давать нужныхъ для пропитанія провизій и тому подобное. На ссору Французскаго здѣсь посла съ Актономъ первый консулъ сказалъ: De quoi s'avise-t-elle cette petite puissance de rien? Mais ce n'est pas le temps à présent d'en parler, и подлинно знаютъ, что онъ никогда не велѣлъ требовать удаленія Актона и что всѣ угрозы объявить войну и пр. Французскаго посломъ выдуманы, для лучшаго успѣха въ намѣреніи его опрокинуть Актона, что̀ и удалось. Ежели неосновательные слухи о возстановленіи сего министра не оправдаются, то можно полагать, что король поѣдетъ въ Сицилію.

*

Неаполь, 14 (26) Іюня 1804

Карповъ все болѣетъ и очень еще слабъ, смѣсь всякихъ болѣзней, между прочимъ и Гришина; но чуръ молчать! Онъ даже не можетъ подписываться, такъ рука трясется, и теперь я пишу отъ себя къ Чарторижскому и веду именемъ Карпова всѣ прочія переписки. Оно такъ, ничего. Прошу ко мнѣ относиться съ почтеніемъ, забыть, что я вашъ братецъ и помнить, что я полномочный и чрезвычайный канцелярскій служитель.

*

Неаполь, 3 Іюля 1804 г.

Король намедни аплодировалъ Beaulieu и симъ переклонилъ на его сторону малую часть упрямцевъ, коимъ онъ не нравился. Онъ танцовалъ pas de deux съ Тарабатони и дѣлалъ Зефира безподобно. Между тѣмъ здѣсь не все безподобно. На той недѣлѣ мальчикъ 18 лѣтъ зарѣзалъ роднаго брата и отца. Я хотѣлъ идти смотрѣть, какъ будутъ его вѣшать, но ужаснулся одною мыслію видѣть такого изверга. Другой съ нимъ повѣшенный зарѣзалъ въ самой тюрьмѣ двухъ человѣкъ. Каковъ нашъ Неаполь? Невѣроятно, до какой степени дошли здѣсь пороки и развращеніе. Въ Римѣ папа принужденъ былъ въ св. Петрѣ велѣть ставить во всѣхъ углахъ часовыхъ: ибо въ Страстную недѣлю, когда церковь иллюминована одними только огненными крестомъ, поставленнымъ въ серединѣ, по угламъ Римляпки съ своими кавалерами-servente дѣлали спокойно свои дѣла.

*

Неаполь, 7 (19) Іюля 1804.

Знаешь, въ которомъ часу я легъ спать? Въ четыре часа утра. Вчера былъ балъ на Аглинскомъ кораблѣ и, можетъ быть, теперь еще

Библиотека "Руниверс"

продолжается. Я поѣхалъ оттуда въ половинѣ четвертаго, когда всѣ садились ужинать. Tous les derniers castors de Naples y étaient, и любо было смотрѣть, какъ Аглинскіе мичманы ихъ дергали и на свой манеръ настроивали. Корабль такъ былъ славно убранъ, что походилъ совершенно на галлерею лучшаго дворца, тѣмъ болѣе, что не было качки. Завтра капитанъ звалъ къ себѣ множество обѣдать, и мы на его 80-пуш. кораблѣ поѣдемъ кататься вокругъ Капри и ежели попадется Французъ, то и сраженіе дадимъ. Капитанъ покажетъ намъ всѣ маневры и пр. Онъ очень любезенъ и по просту безъ затѣй.

*

Неаполь, 12 (24) Іюля 1804.

Правду ты говоришь, что Неаполь мерзкая земля, и лучше кабы отъ нея отвязаться какъ нибудь. Нѣтъ сомнѣнія, что ежели случится ѣхать курьеромъ, непремѣнно поѣду моремъ до Тріеста и сяду на корабль въ Манфредоніи; но неуповательно, чтобъ меня послали. Я такъ привыкъ теперь къ главноначальству, что не знаю, какъ послѣ исправлять подъяческую должность. Съ тобою могу я говорить откровенно. Я увѣренъ, что моими донесеніями будутъ довольны; теперешнія обстоятельства дѣлаютъ ихъ интересными и полезными для насъ. Мнѣ не зачѣмъ спѣшить; принимаюсь день заранѣе и хорошенько всякую фразу обдумываю, прежде чѣмъ ее написать. Сегодня пошлю донесеніе въ цифрахъ. Карповъ все еще въ постели и, покуда не можно ему будетъ сидѣть за столомъ, сказалъ, что все оставитъ на моихъ рукахъ: это продолжится, я думаю, недѣли двѣ-три. Любезнаго Тургенева жду съ нетерпѣніемъ, но безъ слезъ нельзя мнѣ будетъ его обнять: какую мы потерю сдѣлали въ безцѣнномъ нашемъ Андреѣ! Помнишь, какъ мы бывало въ Вѣнѣ проводили вмѣстѣ вечера, какъ онъ иной разъ сердился, тогда какъ сердце его кромѣ добра никому ничего не желало; жаль мнѣ очень бѣднаго Андрея. Я такъ теперь стѣсненъ, что не могу взять къ себѣ Александра, но ежели найду новую квартиру, какую мнѣ хочется, то непремѣнно къ себѣ его втащу. Кланяйся ему много отъ меня. Помнишь, какъ Андрей дьякономъ пѣвалъ*)? Всѣ сіи воспоминанія очень грустны. Мой поклонъ al bambino, al piccolino, такъ называли Мекленбургскаго принчика въ Римѣ. Каковъ тебѣ кажется другой Стрѣлицкій? Всякое сухое дерево здѣсь приводило его въ восхищеніе, всѣмъ восхищался; такой сладенькій! Мы всякій день вмѣстѣ бывали.

---

*) Братья Тургеневы съ дѣтства пріучены были къ церковной службѣ. Адріянъ Ѳедоровичъ Гомзяковъ, ихъ товарищъ по Университетскому Пансіону, вспоминалъ, бывало, какъ мать Тургеневыхъ Екатерина Семеновна, въ университетской церкви, драла ихъ за уши при малѣйшей небрежности въ стояніи на молитвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 7 Августа 1804.

Посолъ Фр. подалъ свои новыя кредитивныя письма. На рѣчь, имъ говоренную, король отвѣчалъ по италіански, коротко и хорошо: assicurate l'Imperatore dei Francesi che i miei sentimenti per lui non si cambieranno mai. Королева, выслушавъ посла, сказала ему: M. l'ambass., dites à l'Empereur, *votre maître* (напирая на это слово) que mes sentiments sont conformes à ceux de s. m. le roi. Здѣсь трауръ по герцогинѣ Пармской, и оный не былъ снятъ для сей торжественной церемоніи. Самозванецъ писалъ къ папѣ длинное письмо, приглашая его въ Парижъ для коронованія. Папа согласенъ на это подъ тремя кондиціями: 1) que la religion catholique sera la seule et dominante en France; 2) qu'il aura été avant reconnu par les premières puissances de l'Europe; 3) qu'il se soumettra au serment fait par les autres empereurs aux papes antécédents et nommément au serment de Charle-Magne, donc le pape lui envoye une copie. Всѣ боятся, ежели папа поѣдетъ въ Парижъ, что ему назадъ не воротиться: легко статься можетъ, что Б., изъ благодарности за коронованіе, отыметъ у папы Римъ и дастъ ему Авиньонъ столицею; отъ него всего ждать можно.

*

Неаполь, 14 Августа 1804.

Я долго старался извинить моего доноцика, полагая, что онъ за меня принялъ Карпова или Рихтера (кои Русскіе; а здѣсь нашихъ именъ не знаютъ и называютъ насъ signori Moscoviti); но Рихтеръ давно уѣхалъ, а о Карповѣ кто не знаетъ, что онъ повѣренный въ дѣлахъ, да притомъ и не моихъ лѣтъ. Оба они шибко играли и много проиграли. Итакъ тутъ педоумѣнія нѣтъ, и меня точно назвать хотѣли: ибо другого нѣтъ Русскаго ни при миссіи, ни въ городѣ. Я того не скрываю, что играю, это правда. Какъ у Руфано всякій вечеръ conversazioni, гдѣ съѣзжаются молодыя дамы изъ лучшаго общества, бывая тамъ довольно часто, не всегда можешь обойтиться безъ игры: но разница играть какъ я и нѣкоторыя старухи, или другіе разоряющіе себя. Сверхъ того, Богъ мой свидѣтель, что въ банкъ я только два раза игралъ, разъ выигралъ 8 піастровъ, а другой 6 или около того проигралъ; изъ этого ты можешь судить, какую я сильную игру веду. Но положимъ, что, играя и по малой, я надѣлалъ пропасть долговъ: честь моя и боязнь, чтобъ не дошло это до батюшки или тебя, заставили бы меня употребить всѣ зависящія отъ меня средства для уплаты долга. 1) я бы распродалъ все, что имѣю ненеобходимаго, клавикорды, часы и пр. 2) я бы какою-нибудь хитрою выдумкою или подъ видомъ

Библиотека "Руниверс"

другой надобности, выманилъ бы у батюшки деньги, 3) я бы прибѣгнулъ къ Карпову, коего дружба ко мнѣ безконечна; любя самъ игру и имѣя пречувствительное сердце, онъ бы легко вошелъ въ мое несчастное состояніе и избавилъ бы меня отъ поругательства и безчестія, ежели не какъ друга своего, то какъ Русскаго служащаго при его миссіи, 4) я бы не тратилъ такъ деньги на пустяки, не посылалъ бы въ Москву и другія мѣста гостинцы. Наконецъ, сошлись на мое къ тебѣ письмо подъ № 75 или 76, не помню, въ коемъ не только прошу тебя изъ присланныхъ батюшкою денегъ послать маменькѣ 60 рублей, и даже удержать для тебя остальные, ежели имѣешь въ томъ нужду, деньги не будучи мнѣ очень надобны въ эту минуту. Эти доказательства, кажется, основательны; да притомъ, какъ могу я скрыть отъ тебя, что̀ бы то ни было? Развѣ твоя душа мнѣ неизвѣстна? Не увѣренъ ли я, что отъ тебя, кромѣ утѣшенія, хорошаго совѣта и помощи я ничего ждать не могу? Въ человѣкѣ доброе сердце имѣющемъ всякій дурной поступокъ производитъ раскаяніе, а раскаяніе пріятво сообщать искреннему другу; кто же мой первый другъ, ежели не ты? Твое письмо меня тронуло до безконечности.

Бароци, ежели бы не былъ дуракъ, получилъ бы отъ меня пресоленое письмо, надъ которымъ бы попотѣлъ; но я тѣмъ довольствуюсь: прервать съ нимъ всякое сношеніе, яко съ человѣкомъ думающимъ, что дружба доказывается одними только ябедами. Но ежели узнаю имя того, который обо мнѣ Бароцію говорилъ, не спущу такъ вѣрно, и потребую у него сатисфакцію за оклеветаніе и за то, что хотѣлъ разсѣять раздоръ въ семьѣ, столь согласной, какъ наша. Я батюшкѣ буду о семъ писать.

*

Неаполь, 9 (21) Августа 1804.

Я сдѣлалъ большое дурачество; спѣшу увѣдомить тебя, покуда Бароци тебѣ не напишетъ, что Везувій меня проглотилъ. На той недѣлѣ былъ я съ Палепомъ на самомъ верху горы и спускался даже нѣсколько внизъ. Ахъ, Боже мой, какая картина! Ты себѣ вообразить не можешь. Совершенный адъ! Каменный дождь, шумъ престрашный, подземельная стрѣльба, живое представленіе ада; въ серединѣ большая дыра, въ немъ кипятъ камни, лава, земля и пр. Теперь на Везувіи пять отверстій, изъ двухъ выходитъ огонь и пр., а изъ прочихъ зола, коею всѣ окружности горы покрыты.

Мы шесть часовъ почти тащились на гору, были тамъ съ четверть часа; но, видя, что вѣтеръ перемѣняется и дымъ горючій идетъ на насъ, да притомъ почувствовавъ сильное подземельное потрясеніе, пустились

Библиотека "Руниверс"

бѣжать назадъ и въ 3½ минуты сдѣлали дорогу, которую вверхъ лазили ¾ часа. Антоніо только покрикивалъ: Signore andiamo, andiamo chi la cosa piu succedere. Нашему дурачеству многіе послѣдовали, но теперь опасность сдѣладась велика, и мало ходятъ на Везувій. Я слышалъ, что одинъ Англичанинъ тамъ безъ вѣсти пропалъ, будучи немного съ похмелья. Я не могу тебѣ изобразить то, что̀ видѣлъ; но это вѣчно останется въ моей памяти. Полагаютъ, что скоро потечетъ лава. Будучи на Везувіи, я взялъ тамъ кусокъ раскаленнаго камня, выкипутаго изъ новаго кратера; чичеронъ съ щипцами принесъ его до кареты, и шесть часовъ послѣ камень былъ теплъ. Я сохраню это какъ памятникъ дурачества моей молодости.

*

Неаполь, 16 (28) Августа 1804.

Мы съ Дамасомъ ладимъ; были вмѣстѣ съ принцессою Патеріо на Везувіи, т. е. я въ другой разъ сдѣлалъ это дурачество. Д. взялъ съ собою плащи, сюртуки, фуфайки, дабы не простудиться на верху. Чудакъ! Но спасибо, что посадилъ меня съ нею, а самъ сѣлъ въ другую карету. En retournant, nous avons soupé chez l'Hermite, et j'ai mangé l'impossible; il y avait près de 50 personnes en tout, 5 ou 6 différentes sociétés. У меня bonne fortune: молодая Монтелеона, вышедшая недавно замужъ за Санмарко (графа), вздумала въ меня влюбиться, и мы въ театрѣ и гдѣ ни встрѣтимся, смотримъ другъ на друга какъ голубки.

*

Неаполь, 4 Августа 1804.

Я понимаю, что у васъ теперь должно быть недосугъ, ибо теперь вездѣ дѣла много. Мнѣ все кажется, что и посольша къ намъ не будетъ, ежели заварится на семъ свѣтѣ каша, а въ семъ случаѣ Италія непремѣнно сдѣлается котломъ или, лучше сказать, горшкомъ. На васъ великую всѣ полагали надежду и очень теперь скорбятъ, что вы признали Бонапарта. Впрочемъ новаго здѣсь ничего нѣтъ. Ожидаемъ съ неописаннымъ нетерпѣніемъ курьера изъ Парижа, съ извѣстіемъ, какой далъ Убри отвѣтъ на послѣднее предложеніе нашего Государя и пр. Я тебѣ уже описалъ проказы нашего Везувія. Съ 30 Августа (въ вечеру) начала течь лава; она дѣлаетъ милю въ день, ибо идетъ очень тихо; со всѣмъ тѣмъ надобно полагать, что завтра или послѣ завтра она загородитъ дорогу въ Портичи и, кажется, въ море. Я ѣздилъ ее смотрѣть, приближился такъ близко, что могъ ее тростью трогать. Кажется, что не лава течетъ, но цѣлая часть Везувія, съ самой вершины донизу. Она множество надѣлала зла, покрыла множество огородовъ и садовъ, кои отважились быть на дорогѣ.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 30 Августа (11 Сентября) 1804 г.

Я въ большой тоскѣ. Мою прекрасную *Costanza* мужъ - собака увозитъ въ Палерму. Ты не повѣришь, какъ она мила и какъ меня любитъ. Вчера въ ложѣ плакала все время. Я имѣлъ съ нею свиданіе; но какъ мужъ не отставалъ ни на пядь, я не могъ много съ нею говорить, но мы взаимно изъяснили нашу страсть многимъ другимъ, кромѣ словъ. Она немного похожа на княгиню Ел. Вас.*); не такъ хороша, какъ она, но милѣе. Мнѣ смертельно ея жаль, и я съ досады брошу всѣхъ женщинъ на время, ежели не навсегда. Я сижу въ партерѣ; какъ кончился *le pas de deux,* захлопалъ кто-то тихонько около меня, оглянулся, гляжу: это моя брошка, и улыбаясь смотритъ на меня. Вотъ эдакіе вздоры дѣлаютъ меня счастливымъ на долго. Самое сладкое чувствованіе есть любовь взаимная между двумя особами, какого бы полу или званія они ни были. Правду говоритъ, не помню кто: l'amour est pour les bons ce que la haine est pour les méchants. Прости, иду спать, мочи нѣтъ хочется; ужъ часъ по полуночи. Я обѣдалъ на Аглинскомъ кораблѣ и отъ множества здравій почти пьянъ. Пили за king Georg, нашего Императора, за отъѣздъ Убри изъ Парижа и пр. и пр., а ты знаешь, что я не хватъ на питье: болитъ немного голова.

Спасибо, что послалъ исправно пакетъ мой къ Чарторижскому, но еще болѣе благодарю за все то, что ты мнѣ говоришь о поѣздкѣ твоей въ Москву. Это меня несказанно радуетъ: мнѣ кажется, будто я самъ ѣду туда, когда ты ѣдешь. Обойми за меня нашего неоцѣненнаго татулю.

*

Неаполь. 4 (16) Октября 1804 г.

Папа какъ ни отбояривался, но теперь рѣшился къ отъѣзду и 3-го Ноября отправляется во Францію для коронованія самозванца, который прислалъ къ нему своего адъютанта Cafarelli, дабы понудить его святѣйшество скорѣе рѣшиться на сей опасный прыжокъ. Бонапарте объявилъ также въ Римѣ, что, не смотря на желаніе его, ему никакъ нельзя не занять Анконы и Чивитавекіи, по причинѣ Русскихъ, которые въ Корфу. Папа беретъ съ собою кардиналовъ Antonelli, Borgio, Caselli и Depietro, четырехъ прелатовъ, дюка Браски, принца Алтіери и маркиза Сакетти. Онъ публикуетъ, что отсутствіе его продолжится только три мѣсяца; но увидимъ, какъ вырвется изъ рукъ Бонапарта и не оставитъ ли перья въ западнѣ, ежели не болѣе.

*

*) Княгиню Голицыну, двоюродную сестру братьевъ Булгаковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 18 (30) Октября 1804 г.

Отъѣздъ Панина въ Россію не значитъ ли что-нибудь? Я сего очень желаю: мы съ нимъ были ладно.

Виртемберскій вдругъ поднялся и завтра, ежели не сегодня, ѣдетъ въ Римъ, съ обѣщаніемъ быть назадъ, чему не вѣрю; онъ все у посольши. Въ дворцѣ была толпа въ этотъ день; сначала было скучно, но потомъ начали къ намъ выходить дамы, и моя княгинюшка меня навѣщала всякіе полчаса. Мы очень ладно и не скрываемъ это ни отъ кого. А болѣе люблю Хованскихъ за то, что батюшку такъ утѣшаютъ; насъ котораго-то сосватали за старшую княжну. Скавронская спрашивала меня, правда ли это? Откуда взялось это? А право бы счастіе быть въ подобной семьѣ.

Слышно, что папа опять не хочетъ ѣхать въ Парижъ. Онъ ко всѣмъ кардиналамъ писалъ своеручно, говоря, что критическія обстоятельства понуждаютъ его слѣдовать волѣ Бонапарта, но что ежели не возвратится черезъ три мѣсяца, это знакомъ будетъ, что его насильно удерживаютъ; въ такомъ случаѣ слагаетъ съ себя папское достоинство и предписываетъ кардиналамъ немедленно собраться и избрать новаго папу. Всѣмъ же бумагамъ, которыя имъ будутъ подносимы послѣ трехъ мѣсяцевъ за скрѣпкою его Пія VII, не вѣрить, яко поддѣльнымъ. По сю пору всѣ въ ожиданіи, поѣдетъ ли или нѣтъ?

*

Неаполь, Ноября 6-го 1804.

Знаешь кто у насъ? Коцебу. Былъ у меня, я у него. Я не нахожу его разговоръ острымъ, ни весьма пріятнымъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ совсѣмъ другой. Только-что пріѣхавъ, пошелъ въ театръ; представляли его піесу, какъ будто нарочно, der Opfer, что-то такое; но піеса была худо принята. Говоривъ съ нимъ о его сочиненіяхъ, я не пустился съ нимъ по-нѣмецки, а по-французски, говоритъ онъ изрядно. Жена его здѣсь и брюхата; увидимъ, произведетъ ли ein Kind der Liebe.

Поздравь насъ съ Долгорукою, нашею Петербургскою сосѣдкою, которая стоитъ вашихъ Тюфякиныхъ и пр. Она очень любезна и хороша еще. 4-го былъ С. Карло иллюминованъ, но она ослѣпляла болѣе свѣчъ: всѣ глаза были на нее обращены. Ея домъ будетъ очень пріятенъ и терасируетъ общество Скавронской. Zichy также сюда пріѣхала; будутъ сюда скоро Головкина, Демидовы и пр., и все это на долгое житье. Лафа!

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 14 (26) Ноября 1804.

Здѣшній дворъ очень притѣсняемъ Б., который требуетъ, чтобы оный объявилъ войну Англіи. Для короля уже очищено мѣсто на Аглинскомъ военномъ кораблѣ, который перевезетъ его въ Сицилію. Королева хочетъ крѣпиться, сколько можетъ, но врядъ ли устоитъ. Посолъ Фр. съ нѣкотораго времени весьма грубъ, надменно здѣсь поговариваетъ, и слова его подпираемы Французскою арміею, которая поставила себя на такую ногу, что въ 8 часовъ можетъ быть готова, чтобы идти на Неаполь. Не только нашъ одинъ, но всѣ Дамасы свѣта, не въ состояніи сему помѣшать; ибо армія Неаполитанская не существуетъ, и за этимъ слишкомъ поздно здѣсь хватились. Наша участь будетъ слѣдовательно Сицилія, а можетъ быть и совсѣмъ насъ отзовутъ.

*

Неаполь, 31 Декабря 1804 г.

Третьяго дня въ 6 часовъ поутру скончалась наша графиня Скавронская, слѣдствіемъ стеченія разныхъ болѣзней, а главная ракъ на груди, который она таила долго даже отъ своего доктора; безъ этого, можетъ быть, могли бы ее еще спасти. Она не хотѣла дѣлать ни завѣщанія, ни духовной: люди ея должны идти почти по міру. Такъ не хотѣла умирать, что сказала доктору Томсону, нѣсколько часовъ до кончины: ne me dites jamais, si je serai peut-être sans espérance. Послѣ смерти думала воскреснуть, потому что велѣла именно три дня себя не хоронить. Грустно видѣть, что она умерла, не открывъ передъ Богомъ сердца своего, не перекрестясь даже. Она церкви лѣтъ десять не видала. Всякую всячину говорятъ на ея счетъ, но что намъ разбирать чужіе грѣхи: и своихъ довольно. Эта смерть оплакиваема многими бѣдняками, коимъ домъ ея служилъ ежедневнымъ пристанищемъ; намъ даетъ она лишнія хлопоты и переписки. У насъ пропасть теперь Русскихъ; однихъ офицеровъ съ нашего корабля, изъ Корфу пришедшаго, человѣкъ 12; между ними знаешь кто? Никогда не отгадаешь. Францъ Ивановичъ Кличка. Ты его помнишь? Il est devenu joli, служитъ не помню въ которомъ полку въ Корфу и выпросился сюда съ кораблемъ въ отпускъ.

*

Неаполь, 8-го Генваря 1805 г.

Третьяго дня послѣ обѣдни, были мы всѣ Русскіе на нашемъ кораблѣ. Капитанъ далъ намъ хорошій завтракъ, водилъ насъ вездѣ; слушали славныхъ пѣсельниковъ, видѣли плясуновъ, какъ матросы обѣдаютъ. Все это перенесло какъ будто насъ въ Россію, и мы всѣ были тронуты; даже духъ щей радовалъ насъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

То было время Венгерскаго похода. Войска переходили черезъ Кіевъ, доставляя намъ, дѣтямъ, много случаевъ видѣть разные роды вооруженія: драгунъ, уланъ, казаковъ. Стоялъ и у насъ на кухнѣ постоемъ нѣкоторое время одинъ молодой солдатъ, такой симпатичный, скромный, приличный, кажется, изъ мѣщанъ какого-то города внутренней Россіи. Помню, онъ затруднялся изучить сигналы рожка. Чтобы ему помочь, я по его голосу пытался какъ-нибудь изобразить въ линіяхъ переходы мотива и даже самъ въ то время, порядочно учась съ нимъ, затвердилъ эти мотивы и команду къ нимъ въ словахъ. Видъ этого молодого новобранца возбуждалъ во мнѣ глубокое соболѣзнованіе; я представлялъ себѣ его родную семью, отца, мать, представлялъ его самого въ походы зимою, въ ненастье... и чѣмъ могъ, я старался утѣшать его, проводя съ нимъ время въ разговорахъ.

То было также время самое тревожное въ Кіевѣ: не успѣла пройти холера, начались страшные пожары. Были изданы строгія предписанія домохозяевамъ имѣть на крышахъ бочки съ водою, держать ночныхъ сторожей, при чемъ дозволялось нѣсколькимъ домамъ по одной линіи имѣть одного общаго сторожа. Разсказывали, какъ полицеймейстеръ и даже самъ Бибиковъ объѣзжаютъ ночью и повѣряютъ сторожей. Съ тревогою мы ложились спать, всегда ожидая несчастія.

Были и случаи къ наблюденіямъ надъ жизнію. Такъ, помню, въ числѣ Татаръ, останавливавшихся у насъ на контракты, былъ одинъ прикащикъ, очень солидный, скромный пожилой человѣкъ, съ которымъ я любилъ поговорить въ свободную минуту. Разъ онъ говоритъ: «Вотъ теперь я варю самъ кушанье, а дома было бы кому сварить. Мои три жены!» И я самъ про себя удивился: такой тихій, спокойный и къ тому еще небогатый человѣкъ-прикащикъ, а имѣетъ трехъ женъ. Охота же ему возиться съ такою обузою! Вѣдь законъ ихъ не пове-

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 1—4.

Библиотека "Руниверс"

лѣваетъ многоженство, а только допускаетъ, и есть мусульмане имѣющіе только по одной женѣ. А вотъ у насъ, такъ иной мурза бросаетъ и одну свою жену. И примѣръ былъ готовъ. Около того же времени стояла у насъ старуха полковница Анцыферова, съ дочерью замужнею, беременною женою помѣщика Могилевской губ., Корвино-Краснскаго; женившись, онъ скоро бросилъ свою молодую жену, и вотъ она съ матерью, пріѣхавъ въ Кіевъ на пору рожденія, чтобы имѣть необходимую помощь, остановились у насъ и сблизилась съ матушкою. Молодая женщина, въ ожиданіи родовъ, живя еще у насъ, говѣла, пріобщалась Святыхъ Таинъ, а родила уже на другой постоянной квартирѣ, и матушка была крестною матерью. Тяжелыя мысли приходили въ голову при видѣ этой молодой женщины, покинутой мужемъ, бывшимъ студентомъ Университета. Вотъ и образованіе, и христіанство! думалось тогда; а простой Татаринъ и о трехъ женахъ говоритъ съ тоскою..... Старуха, мать этой молодой женщины, была ужасно скупая. Это было для меня почти новымъ жизненнымъ наблюденіемъ: благодареніе Богу, я не видѣлъ въ своей семьѣ и тѣни скупости. Матушка моя была воплощеніе доброты, гостепріимства, щедрости; себѣ отказывала, терпѣла нужду про себя, а сторонніе люди этого не знали, находя у насъ всегда радушный пріемъ и угощеніе. И для моихъ гостей, что тамъ ни было въ семьѣ, были всегда готовы и вечерній чай, и плоды, и варенье, и закусочка какая-нибудь изъ домашнихъ кушаній: а разъ, помню, вовсе нечего было подать закусить, матушка послала въ кондитерскую купить пирожнаго, и сдѣлала это (мнѣ хорошо было извѣстно) изъ послѣднихъ денегъ, какія въ то время у насъ были. Старуха эта разсказывала со слезами о своей горькой судьбѣ: похоронивъ мужа, всѣхъ сыновей своихъ, а въ концѣ (это было уже года черезъ два) и эту свою дочь, она осталась на старости лѣтъ одна-одинешенька, безъ пріюта, безъ участія. Горючими слезами заливалась не разъ бѣдная старуха, оплакивая свою горькую участь, когда приходила къ намъ отвести душу. Мнѣ беззаботному мальчику уже воочію представилось горе людское, болѣе и болѣе раскрывая предо мною сущность и лицевую сторону мірскихъ радостей, и смутное стремленіе къ міру духовному, какимъ оно было въ пору дѣтства, теперь все болѣе и болѣе становилось сознательнымъ, уже не только при руководствѣ Аполлона Ивановича и осмысленнаго чтенія, но и на основаніи собственнаго наблюденія надъ жизнію, къ чему я и теперь въ домѣ Чувикиныхъ имѣлъ немало случаевъ, и еще болѣе, когда отецъ мой снялъ квартиру въ домѣ Супруновича и сталъ держать что-то въ родѣ постоялаго двора. Да и въ собственной семьѣ горе намъ, дѣтямъ, было вѣдомо уже и въ эту пору жизни у Чувики-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ. Мы съ испугомъ не разъ видѣли матушку въ припадкахъ истерики, заливающуюся страшнымъ, душу раздирающимъ смѣхомъ послѣ семейной сцены... Чѣмъ больше мы подростали, тѣмъ больше проникали въ тяжкое горе матушки и уже хорошо понимали, почему она такъ горячо молится, вся изливаясь въ слезахъ предъ иконою Божьей Матери, и сами научались въ молитвѣ искать утѣшенія горю.

Къ концу жительства нашего у Чувикиныхъ отецъ уже никуда не отлучался изъ дому; значитъ, какія и были у него занятія, по торговлѣ ли, по комиссіи ли, не знаю и не помню, все прекратилось, и мы остались только при тѣхъ средствахъ, какія могли получать отъ найма нашихъ комнатъ пріѣзжими. Но для родителей было очевидно, что этихъ средствъ было недостаточно; ибо, собственно говоря, только контракты давали вѣрныхъ наемщиковъ; остальное же время года наемъ былъ прямо дѣло случая и, какъ я замѣтилъ, комнаты большую часть года были въ полномъ распоряженіи семьи за неимѣніемъ постояльцевъ-пріѣзжихъ. Къ тому же хозяйка повысила цѣну. Между тѣмъ представился случай нанять домъ на той же самой улицѣ, съ нѣсколько бо́льшимъ помѣщеніемъ и довольно помѣстительнымъ дворомъ, что́ давало возможность не только отдавать комнаты въ наемъ пріѣзжающимъ, но и на дворъ пускать обозы извощиковъ; словомъ, содержать постоялый дворъ. Это домъ чиновника Супруновича. Долго, долго думали-раздумывали родители, нанимать, или нѣтъ? Главное затрудненіе: чѣмъ уплачивать хозяину, и впередъ? Средствъ къ тому никакихъ, денегъ ни рубля въ запасѣ. Если и можно уплачивать, то развѣ изъ доходовъ же съ самого дому... а ну если такой доходъ будетъ, какъ и у Чувикиныхъ, и комнаты, и дворъ будутъ пустовать... что́ тогда? Но у Чувикиныхъ нельзя было оставаться: уже совсѣмъ нечѣмъ жить! Наконецъ, родители рѣшились нанять домъ Супруновича, и въ Сентябрѣ 1849 г. мы перешли туда и прожили въ немъ четыре года до Сентября 1853 г., единственно изъ доходовъ отъ дому же. Тяжелое время въ жизни нашей семьи! Какъ и у Чувикиныхъ, не всегда бывали постояльцы, и часто всѣ комнаты пустовали; но все же съ горемъ, съ бѣдою пополамъ, родители уплачивали хозяину за наемъ дома, впрочемъ, рѣдко согласно условію впередъ, а по частямъ, конечно, не безъ серьезныхъ непріятностей со стороны неудовлетвореннаго во́-время хозяина; содержали и насъ, вносили плату и за мое ученіе, за которое, о счастье! въ то время плата была не болѣе 9 р. въ годъ; но какъ трудно было и эти $4^1/_2$ рубл. уплатить въ полугодіе, и въ свое время. Освобожденій же отъ платы не было никакихъ,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ свидѣтельства о совершенной бѣдности, чего родители и не могли представить, такъ какъ все же имѣли средство къ жизни: постоялый дворъ, значитъ, имѣли доходъ, не были бѣдны. Да, такъ, имѣли средства; но за то сколько горя пришлось мнѣ испытать иногда за недостаткомъ хорошей обуви! Ходить далеко, на Крещатикъ, грязь, вода ручьями бѣжитъ по краямъ улицъ, холодъ, морозъ; а у меня (о, бывало это!) сапоги порваны, пальцы выглядываютъ, и въ такихъ сапогахъ я перехожу цѣлые потоки осенью или весною, иду въ грязи. Не лучше была и верхняя одежда, шинель и прочее *). Сестра тоже часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Нужна была шляпка, ея не было; и только, помню разъ, получивъ отъ постояльца Армянина наканунѣ Крещенія небольшую сумму денегъ, не болѣе 5—6 рублей, большую часть ея употребили на уплату за заказанную шляпку для сестры; тоже и съ прочимъ. Сестра пробовала что-нибудь заработать сама для себя. Кто-то заказалъ ей вышить подушку для дивана стеклярусомъ; она и взялась и, вышивъ, спѣшно къ сроку работая, иногда и при свѣчахъ (отчасти и я, кажется, помогалъ ей), получила, кажется, рублей 7 или 8, но потеряла глаза: такъ ослабѣло зрѣніе отъ этой работы, что во всю жизнь до самой смерти она не могла ничего ни читать, ни работать мелкаго при огнѣ. Она тѣмъ уже облегчала общую тяготу, что, что̀ нужно, все вышивала и шила сама изъ бѣлья и платья, какъ и матушка тоже. Она же помогала дѣятельно матушкѣ въ хозяйствѣ, по кухнѣ, особенно въ горячую пору съѣзда извощиковъ, во время контрактовъ, когда на дворѣ стояло до 40 повозокъ и когда вся эта порядочная артель человѣкъ въ 12—15 имѣла у насъ и столъ извощичій, солонина, щи, капуста, каша, жареный гусь, утка, поросенокъ... когда матушка и она съ кухаркою и ходили на базаръ, и сами все должны были приготовить къ обѣду и ужину этой голодной ватагѣ, которая во весь ротъ уплетала, опуская поясъ, вкусныя блюда и непремѣнно требуя, чтобы былъ и жареный гусь, или поросенокъ: нужно же и полакомиться! И приходилось угождая подавать къ жаркому и булки, которыхъ, бывало, полную корзину несетъ съ матушкою съ базару кухарка. Нужно было ублажать этихъ обжоръ: иначе на будущій годъ не заѣдутъ да и другимъ закажутъ миновать. А плата-то самая ничтожная; не помню хорошо, но, кажется, не болѣе 30 коп. за обѣдъ и ужинъ, за все это ублаготвореніе съ гусемъ, поросенкомъ и прочимъ безъ

*) Разъ, во время пасхальнаго богослуженія, я, избѣгая тѣсноты, пробрался въ боковой алтарь, гдѣ жертвенникъ, и здѣсь слушалъ утреню, иногда по надобности переходя съ одного мѣста на другое. И вотъ одинъ профессоръ Академіи, здѣсь же стоявшій, обращаясь къ другому, говоритъ: чего еще этотъ мѣщанишка тутъ? Онъ меня никакъ не могъ знать; но, должно быть, пришелъ къ заключенію о принадлежности моей къ мѣщанству по моему старенькому платью.

Библиотека "Руниверс"

мѣры и порцій. Еле-еле покрывались расходы, а трудъ, а возня, а хлопотъ полонъ ротъ. Да, и сестрѣ приходилось немало хлопотать въ этомъ тяжеломъ трудѣ ради куска хлѣба. И въ другое время года приходилось ей работать въ подмогу матушкѣ. Помню, не разъ она мывала полы сама въ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ собственно нашею семьею. Мнѣ тоже приходилось въ горячую пору наплыва извощиковъ оставлять книгу и ученіе и выходить въ трескучій морозъ съ фонаремъ вѣшать сѣно и отпускать овесъ запоздавшимъ пріѣздомъ извощикамъ, которые большею частью только къ позднему вечеру и могли освободиться, сдавъ привезенную кладь, а потомъ сводить счета и помогать отцу въ расчетѣ. Помню, разъ украли лошадь вечеромъ (а быть можетъ, отецъ такъ думалъ, и сами свели намѣренно, чтобы даромъ простоять, покушать гуся и поросенка, покормить лошадокъ), и что жъ? При расчетѣ, что приходилось съ извощиковъ, то все (или большая часть, не помню) и пошло въ вознагражденіе за украденную лошадь. Бывало, выпроводишь одну артель, одинъ обозъ, и какъ ни трудно бывало ухаживать за ними, считаешь за особенное счастіе, если удастся зазвать къ себѣ новые обозы и еще, и еще. И въ концѣ концовъ кончаются контракты, и навозу на дворѣ столько скопляется, что дорогонько приводилось очистить отъ него дворъ (не имѣли уже въ то время своей лошади) наемными подводами. Конечно, меньше хлопотъ бывало съ наймомъ комнатъ пріѣзжающимъ; но и тутъ сколько бывало заботы, чтобы всѣ оставались довольны и въ другой разъ заѣхали, и дѣйствительно, было нѣсколько пріѣзжающихъ, которые постоянно у насъ только и останавливались, и когда бывало пріѣзжали такъ, что бывали всѣ комнаты заняты, то занимали одну изъ нашихъ комнатъ, двери которой въ то время не притворялись на ночь, хотя мы ничего изъ своихъ вещей не выносили, и я тоже ни своихъ книгъ, ни прочаго, обыкновенно находившагося въ этой комнатѣ. А плата была невелика: 30, 50, наибольшее 75 к. напр. за самую большую комнату съ самоваромъ утромъ и вечеромъ, со всевозможною услугою и предупредительностью. Конечно, большею частью у насъ же пріѣзжающіе и столовались, и опять матушкѣ съ сестрою предстояли хлопоты по столу, тоже за самую умѣренную цѣну. Случались иногда постояльцы, которые по мѣсяцу проживали иногда по дѣламъ торговымъ или заранѣе до начала контрактоваго времени пріѣзжали, чтобы устроиться съ торговлею, и долго оставались послѣ контрактовъ тоже для торговыхъ расчетовъ. Эти желанные случаи и покрывали собою недоборъ за цѣлыя недѣли и мѣсяцы, когда комнаты пустовали, особенно въ лѣтнее время. Но, къ несчастію нашему, случались постояльцы и безплатные. Такъ разъ полицейскій чиновникъ нанялъ комнату для одного господина, со сто-

Библиотека "Руниверс"

ломъ, чаемъ, со всѣмъ полнымъ содержаніемъ. Простоялъ этотъ господинъ около мѣсяца, и отецъ не получилъ ни копѣйки отъ него; еще пришлось хлопотать, чтобы полиція, его помѣстившая, самаже и свела его, и это далось не такъ-то легко. Оказалось, что это какой-то агентъ тайной полиціи. При наймѣ было объявлено отцу, что онъ что̀ будетъ слѣдовать получить отъ этого господина, а когда пришлось выживать его, то оказалось, что неизвѣстно, кто платить за него долженъ. Затѣялось дѣло, жалобы, кажется, генералъ-губернатору, оттягиванья безконечныя, чуть-ли не три-четыре года. Должникомъ отцу оказался по окончаніи дѣла полиціймейстеръ *Плеханов*ъ, который, всего вѣроятнѣе, и получилъ въ свое время всю слѣдующую за содержаніе агента сумму и предпочелъ лучше положить ее въ свой карманъ, чѣмъ удовлетворить бѣднаго содержателя постоялаго двора, мѣсяцъ ни за что, ни про что изъ своихъ скудныхъ средствъ содержавшаго навязаннаго ему полиціею постояльца. О правда людская! Каково было все это переживать молодой душѣ, только-что начинавшей жить и желавшей видѣть и искавшей видѣть только доброе и справедливое въ людяхъ и вокругъ себя? Уже по смерти отца, матушка, послѣ ряда безчисленныхъ жалобъ, получила, кажется, всего 10 рублей (а можетъ быть, и меньше) отъ отставленнаго отъ службы Плѣханова, жившаго въ то время въ своемъ домѣ на Б. Васильковской улицѣ... Другой случай былъ еще печальнѣе. Остановился какой-то отставной военный изъ Черниговской губ. тоже на полномъ содержаніи: и столъ, и чай и пр. Живетъ, живетъ не платитъ. Просятъ его уплатить; проситъ подождать «вотъ еще нѣсколько дней»: ожидаетъ отъ матери высылки денегъ... Проходитъ еще недѣля, денегъ нѣтъ, а онъ живетъ и получаетъ полное содержаніе. Опять требованіе денегъ, и опять мольба «еще нѣсколько дней» подождать. Проходитъ уже и мѣсяцъ, задолжался офицеръ порядочную сумму денегъ и за квартиру, и за содержаніе. Что же дѣлать, спрашиваютъ его? Что̀ хотите. Выпроводить его? У него нѣтъ ни копѣйки денегъ, даже зимней одежды, а была уже зима, Ноябрь мѣсяцъ. Да и деньги безвозвратно пропали бы. Рѣшили: отецъ поѣдетъ съ нимъ въ Черниговъ, отвезетъ его къ матери: конечно, всѣ расходы по дорогѣ на его счетъ, какъ и обратный путь отца. И поѣхалъ отецъ. Довезъ его до Чернигова, переѣзжаютъ уже паромомъ Десну (тогда была распутица)... вдругъ на срединѣ рѣки офицеръ умираетъ внезапною смертію... Слѣдствіе, арестъ отца, въ перспективѣ уголовщина, во всякомъ случаѣ страшныя проволочки времени подъ арестомъ, въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки денегъ. А мы все ждемъ отца, ждемъ и денегъ, ужъ и срокъ давно прошелъ, когда ему слѣдовало бы вернуться; ужъ и праздникъ Рождества Христова на дворѣ,

Библиотека "Руниверс"

а отца все нѣтъ и нѣтъ. Наконецъ получаемъ отъ него печальную вѣсть съ описаніемъ всего случившагося и всего его еще впереди ожидающаго и съ просьбою прислать ему денегъ на выручку: тому-другому нужно дать, чтобы ускорить дѣло, да и жить нечѣмъ. А гдѣ взять денегъ, когда мы сами съ нетерпѣніемъ ждемъ, что онъ привезетъ ихъ... Страшное горе! Безысходное положеніе! Вотъ и иду я въ Лавру рано-ранешько почти ночью, чтобы поспѣть къ ранней обѣднѣ въ домовой церкви въ келіяхъ схимника о. Парѳенія, которая начиналась въ 6 часовъ и, подошедши послѣ обѣдни подъ благословеніе, когда онъ возвращался въ свои внутреннія келіи, въ короткихъ словахъ отъ лица матушки излагаю ему наше несчастіе и затрудненіе добыть деньги. Выслушавъ, онъ пригласилъ меня въ келіи и вынесъ 25 р. бумажку. «Больше не могу!» О, милость Божія! Не дошелъ, а долетѣлъ я домой съ этимъ даромъ Божіимъ, и не было границъ нашего всесердечнаго благодаренія Отцу Небесному за спасеніе наше отъ грозившаго намъ страшнаго несчастія. Посылаемъ отцу деньги; они-то и помогли ему поскорѣе убѣдить своихъ судей въ своей невинности. Отъ матери же столь злосчастно скончавшагося должника нашего отецъ не получилъ ни копѣйки. Она жила еще за Черниговымъ, и былъ ли отецъ самъ у нея, посылалъ ли ей письмо—не знаю; только ни копѣйкой мы не были вознаграждены за все, что̀ было издержано нами на покойнаго, и отецъ ни съ чѣмъ возвратился домой, едва-едва предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, и мы были безконечно рады и тому, что видѣли его среди себя. Въ такой-то трудной школѣ жизни и тяжкой нуждѣ протекало наше дѣтство, когда мы жили у Супруновича!

Съ возрастомъ опытъ жизненный увеличивался, и не было для меня недостатка за эти четыре года въ наблюденіяхъ надъ жизнію: столько разныхъ людей приходилось видѣть, въ разныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Вотъ живутъ два брата-старообрядца, и одинъ изъ нихъ безпробудно пьянъ; другой мучится, глядя на него. Приходитъ вечеромъ поговорить, но рѣчь не клеится, пьяная рѣчь, пьяныя движенія. «Спать пора! Спать, спать, спать!..» и, еле передвигая ноги, уходитъ, и такъ каждый вечеръ. «Спать, спать, спать!» и спитъ всю жизнь... И душа безпробудно спитъ! думалось съ сожалѣніемъ о несчастномъ. Вотъ пріѣзжаетъ, возвращаясь изъ Венгріи домой, больной, еле-еле живой офицеръ, а ему ѣхать еще въ Пензу, на родину. Сердце жалостью наполняется, глядя на его, истощеннаго и болѣзнію, и трудною дорогою, въ тряской повозкѣ. Какъ-то онъ доѣдетъ домой! И посылаешь ему сердечныя благожеланія на далекій путь... Вотъ останавливается офи-

Библиотека "Руниверс"

церь съ женою, стоять недѣлю, двѣ и по цѣлымъ й ночамъ и днямъ дуетъ въ карты гдѣ-то въ пріятномъ обществѣ такихъ же игроковъ. Жена развѣдываетъ это безпечальное пристанище, ждетъ-ждетъ, бывало, мужа и сама идетъ вытаскивать несчастнаго изъ этой звѣриной берлоги. Сколько-то намучится несчастная женщина, нагорюется, раздѣляя съ матушкою свою скорбь... Вотъ живетъ другой офицеръ франтъ, волокита. Сколько у него заботъ о своей внѣшности! Какъ усы нафабрены! Сколько счастія, самодовольства въ каждомъ его движеніи! Какъ весело, беззаботно шутитъ онъ съ племянницею хозяина, тою самою дѣвушкою, о которой я уже упоминалъ, говоря о студентѣ Лазаревичѣ!.. Вотъ молодой юнкеръ, только-что выдержавшій экзаменъ и уже вольно-привольно болтающій и мелющій всякую чушь. Хочется остановить его, навести на какой-нибудь серіезный разговоръ; куда тутъ! А добрый, сердечный малый и, кажется, сынъ и хорошихъ родителей, но рано, рано предоставленный самому себѣ. Жаль его!.. Вотъ коммисаріатскій чиновникъ, больной чахоткою, одинокій человѣкъ, со средствами, и добра у него много всякаго да здоровья нѣтъ. Постоялъ нѣсколько дней и перешелъ на постоянную квартиру невдалекѣ, и все проситъ: приходите ко мнѣ, навѣщайте; я одинъ, скучно... вотъ и всего у меня вдоволь... и деньги есть... а что съ того? Нѣтъ главнаго: здоровья, и въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей! Былъ у него отецъ со мною, кажется, не больше разу; былъ и одинъ тоже раза два. Видимо, страдаетъ человѣкъ, рвется куда-то, безпокоится и все проситъ: «бывайте почаще». Не нравится ему квартира въ центрѣ города, нанимаетъ возлѣ Кирилловскаго, чтобы быть на вольномъ воздухѣ больше. Даетъ знать намъ и все проситъ «приходите, навѣщайте» Однако отецъ такъ-таки и ни разу не собрался къ нему. Вотъ онъ заболѣваетъ смертельно и передъ смертію еще приглашаетъ отца къ себѣ. Собрался отецъ, приходитъ и уже находитъ его умершимъ. Все его добро, всѣ деньги хозяйка квартиры подобрала къ себѣ и когда пришлось полиціи составлять опись, ничего не оказалось. Отецъ къ хозяйкѣ: «Какъ ничего? Куда же его добро дѣлось? Серебра у него много было; я подлинно это знаю» и проситъ ее хоть что-нибудь удѣлить и ему на память о покойномъ. Дала полдюжины серебряныхъ столовыхъ ложекъ, и только; да я, будучи на погребеніи, попросилъ священника позволить мнѣ взять небольшой финифтяный образъ Ростовскихъ святителей, лежавшій у покойнаго на груди: вотъ и все! Образокъ этотъ и донынѣ у меня, а ложки пригодились въ свое время: были заложены въ пору страшной нужды по смерти отца. Матушка горько сѣтовала на отца: не умѣлъ воспользоваться признанію человѣка, видимо расположеннаго къ намъ, не умѣлъ досмотрѣть больного, послу-

Библиотека "Руниверс"

жить ему въ послѣдніе дни, когда, быть можетъ, какъ совершенно одинокій: онъ охотно передалъ бы отцу свое достояніе и ему лично, и съ просьбою распредѣлить его по его волѣ. Но таковъ уже былъ отецъ: человѣкъ въ душѣ предобрый, неспособный и помыслить даже воспользоваться чужимъ добромъ, хотя бы и въ душѣ позариться на чужое, человѣкъ безкорыстный, истый безсребренникъ. Мы ни отъ него, ни отъ матушки, при всей нуждѣ, часто налегавшей на насъ, не слыхали ни единаго слова ни зависти чужому счастію, ни ропота, и не видѣли ни единаго дѣйствія, которое бы клонилось въ ущербъ другому и тянуло бы въ сторону нашего личнаго удобства и обезпеченія. Такъ и въ этомъ случаѣ. Высоко поучительно было для меня такое благороднѣйшее, безкорыстнѣйшее отношеніе отца къ богатому больному одинокому человѣку. Несомнѣнно, онъ многое потерялъ: не полдюжины ложекъ досталось бы отцу; но онъ больше пріобрѣлъ, чѣмъ потерялъ: онъ не унижался, не ухаживалъ и сохранилъ души дѣтей своихъ отъ жадности къ богатству, отъ зависти, отъ недостойныхъ разсчетовъ и надеждъ, что «вотъ умретъ Максимъ Ивановичъ, и все останется намъ; тогда заживемъ, не будемъ нуждаться». Онъ сохранилъ простыя души наши отъ заразы легкаго обогащенія, отъ всякаго поползновенія къ подобному способу выхода изъ нужды, и за то вѣчная ему благодарность: мы не видѣли въ немъ соблазна для себя, и духъ корысти, духъ даже тайной зависти ни разу не только не опускался въ глубину души нашей, но даже не прикасался къ ней, не осквернилъ ее ни единымъ прикосновеніемъ. Но Максимъ Ивановичъ послужилъ для меня поучительнымъ урокомъ и въ другомъ отношеніи. Я во очію видѣлъ и здѣсь всю суетность земнаго богатства, которое «ничтоже пользуетъ» и только усугубляетъ муки человѣка въ минуты просвѣтленія его души, когда онъ бываетъ способенъ понять, что золото и серебро еще не покой для человѣка, что Божія милость и Божій покровъ для человѣка дороже, необходимѣе и всесильны все замѣнить и все доставить человѣку, а главное миръ душевный и покой въ Богѣ. Я сравнивалъ самъ себя: смерть какой нибудь Варварушки, ничего не имѣвшей, ну пищей, но въ полномъ обладаніи собою, въ невозмутимомъ мирѣ души съ Богомъ, и смерть этого несчастнаго богатаго человѣка, который и, умирая, быть можетъ, мучился мыслію о своемъ накопленномъ добрѣ, мучился мыслію, что «вотъ кому-то все мое добро остается», и тревоги эти мѣшали ему думать о Богѣ, о вѣчномъ «единомъ на потребу»...

Но можно ли въ бѣгломъ очеркѣ передать всѣ тѣ многочисленные случаи къ поучительнымъ наблюденіямъ и урокамъ, какіе въ такомъ

Библиотека "Руниверс"

обиліи представлялись мнѣ въ моей домашней жизни въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ жительства нашего у Супруновича? Были у насъ разные люди, и хорошіе, и дурные; останавливались купцы напр. съ мыломъ и свѣчами изъ Курской губ., чиновники, помѣщики, управляющіе помѣщичьихъ экономій, актеры, фокусники, молодые люди, поступавшіе въ Университетъ и пр. Съ рѣдкими изъ нихъ не приходилось разговаривать о томъ, о другомъ; многое узнавалъ я изъ этихъ разговоровъ, и мой жизненный кругозоръ замѣтно расширялся. Остановился у насъ разъ родственникъ одного студента Академіи, бывшій нѣсколько лѣтъ при Пекинской миссіи, по выслуженіи пенсіи пріѣзжавшій въ Россію, человѣкъ очень общительный, любезный, разговорчивый. Много любопытнаго узналъ я отъ него о жизни въ Китаѣ; между прочимъ, что наша духовная миссія тамъ существуетъ только формально, какъ часть свѣтской, и дѣломъ миссіонерства вовсе не занимается по политическимъ соображеніямъ; что назначеніе ея скорѣе ученое, чѣмъ миссіонерское. Отъ него, кажется, впервыя я узналъ про іеромонаха о. Іоанна Бичурина, настоятеля Пекинской миссіи, ученый трудъ котораго о народахъ Средней Азіи былъ лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ занимаются наши миссіонеры въ Пекинѣ. Останавливался у насъ одинъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ, кажется Могилевской гимназіи, пріѣхавшій въ Кіевъ для продолженія образованія. Разговорились. Хвалится, что онъ пишетъ стихи, что готовитъ уже къ печати. Не показалось мнѣ его поэтическое призваніе надежнымъ. Такъ и оправдались мои мысли. Въ Университетъ онъ долго не оставался, женился на какой-то вдовѣ купчихѣ или купеческой дочери, обзавелся домомъ по Жилянской, кажется, улицѣ, и въ домохозяинѣ спрятался навсегда ранній поэтъ. Останавливались тоже два брата Киз—скіе, изъ учениковъ Духовной Семинаріи, сыновья Черниговскаго протоіерея, тоже пріѣхавшіе въ Кіевъ для поступленія въ Университетъ. Вотъ эти совсѣмъ другаго сорта люди, очень приличные, скромные, хотя совсѣмъ разнаго характера: одинъ очень спокойный, сдержанный, нѣсколько даже застѣнчивый юноша; другой—бойкій, развязный говорунъ и не похожъ на сына священника. Оба они и поступили въ Университетъ и были всегда мои хорошіе знакомые...

Да, разныхъ людей, разные характеры приходилось наблюдать изо дня въ день. Не было недостатка въ самыхъ вразумительныхъ примѣрахъ необычайной дѣятельности, трудолюбія; видѣлъ я людей, которые цѣлый день заняты дѣлами и только на ночь приходятъ вкусить покоя отъ трудовъ, спѣшатъ домой къ семьѣ, къ дѣлу. И такихъ больше, чѣмъ людей пустыхъ, бездѣльныхъ. Но наблюденіе и надъ такими,

Библиотека "Руниверс"

какъ и вообще насъ человѣческими немощами, приносило мнѣ свою пользу, какъ выраженіе дурной стороны человѣка, которая мнѣ особенно рѣзко представлялась въ разнообразныхъ своихъ видахъ чрезъ сопоставленіе и сравненіе съ лучшею стороною его жизни, съ идеальною, въ чемъ помогало мнѣ и серьезное чтеніе, представлявшее душѣ моей высокіе идеалы жизни, и благотворнѣйшее вліяніе св. церкви, въ ея чудныхъ пѣснопѣніяхъ и священнодѣйствіяхъ, которыя наполняли мою душу высокаго вдохновенія и благоговѣнія и держали всѣ мои помыслы на достойной высотѣ духа, откуда я свободно, безъ опасенія и соблазна, наблюдалъ жизнь, какъ она есть съ добромъ своимъ и зломъ, стоя къ ней такъ близко по своимъ бытовымъ отношеніямъ и такъ высоко поднимаясь надъ нею благодатною Божьею силою, которую черпалъ изъ источника дѣтски-преданной и покорной Богу вѣры и религіознаго настроенія. А это черпалось въ свою очередь въ церковной молитвѣ, въ пѣснопѣніи и въ возбуждающемъ силы души и направлявшему ихъ ко всему высокому чтеніи. Въ семьѣ же ничего не мѣшало мнѣ, напротивъ все содѣйствовало, со всею сосредоточенностью и неразвлекаемымъ разсужденіемъ относиться ко всему, что̀ приводилось видѣть и слышать. Приводилось слышать разные разсказы пріѣзжихъ и своихъ домашнихъ, которые тоже такъ или иначе производили на меня свое дѣйствіе и возбуждали къ размышленію и сужденію. Такъ останавливались у насъ люди изъ экономіи графа Апраксина и разсказывали про страшную скупость своихъ господъ, про ихъ жестокость. Вотъ разъ пріѣзжаютъ и разсказываютъ объ ужасной смерти, поразившей графа и графиню. Случился пожаръ въ барскомъ домѣ; графъ и графиня, по обыкновенію запершись въ своей спальнѣ, спали; добраться до нихъ не было возможности среди охватившаго ту часть дома огня: такъ и сгорѣли они въ своей спальнѣ или задохлись отъ дыма. Слыша о такой ужасной смерти, я самъ про себѣ повторялъ стихи затворника Георгія, выше приведенные: «Богатство и слава, честь, забава все только сонъ». А вотъ совершенно противоположная смерть. Въ то время чрезъ Кіевъ проходили Донцы, возвращаясь изъ Венгерскаго похода. Полковникъ этого полка, побывавъ въ Лаврѣ, послѣ обѣдни зашелъ къ намѣстнику Лавры за благословеніемъ, былъ приглашенъ откушать чаю, сѣлъ на диванъ и скончался. Вотъ смерть блаженная, въ такомъ святомъ мѣстѣ, послѣ молитвы, и еще, такъ сказать, нося въ себѣ плодъ молитвы, освѣщеніе души! говорила матушка... Матушка же разсказывала и о другой смерти, случившейся около того же времени. У настоятеля-архимандрита монастыря Малаго Николая былъ келейникъ очень скромный, благочестивый, молодой еще послушникъ. Никогда онъ не отлучался изъ монастыря; но вотъ под-

Библиотека "Руниверс"

говорили его выйти погулять вокругъ монастыря и возлѣ Аскольдовой могилы и, когда онъ долго не возвращался, было замѣчено его отсутствіе и стали искать его, то нашли его за оградою монастыря зарѣзаннымъ. На меня почему-то особенно произвелъ этотъ разсказъ глубокое впечатлѣніе; мнѣ было жаль молодой жизни, погубленной только изъ-за минутнаго отступленія отъ своего долга, можетъ быть, изъ минутнаго увлеченія, и я долго, проходя мимо монастыря Малаго Николая, припоминалъ себѣ этого несчастнаго юношу... Тутъ кстати привести разсказъ, который показалъ мнѣ, какъ трудно бороться противъ дурныхъ влеченій и еще труднѣе побѣждать ихъ. Останавливался у насъ какой-то служившій по экономіи помѣщика Скуратова въ Радомышльскомъ уѣздѣ, человѣкъ простой себѣ на видъ, сѣренькій, уже пожилыхъ лѣтъ. Не знаю, какъ зашелъ разговоръ у меня съ нимъ о Екатеринѣ Великой... Тутъ онъ и разсказалъ мнѣ, что впервыя пришлось слышать въ дополненіе къ изучаемому по учебникамъ исторіи. Екатерина имѣла много любимцевъ, мѣняя ихъ одного за другимъ. Но что-жъ? Такова уже была натура ея: когда она чесалась, изъ волосъ ея сыпались искры; сорочки ея были наэлектризованы. Такой откровенный разсказъ былъ для меня совершенною новостью, особенно еще слышанный изъ устъ человѣка простого, деревенскаго, но, видно, бывалаго. И я думалъ: Если такова сила страсти, то какою-же противоборствующею силою долженъ обладать человѣкъ, которому совѣсть настойчиво претитъ работать плоти, предаваясь ей въ плѣнъ и неволю? Какимъ же пламенемъ молитвы должно погашать этотъ ужасный пламень плотскаго вожделѣнія? И мнѣ становилась очевидною истина словъ Спасителя: «духъ бодръ, плоть же немощна». Такія размышленія были спасительны для меня, вооружая противъ своего внутренняго врага и возбуждая къ строгому вниманію къ себѣ.

Всякая рѣзкость была матушкѣ моей не по душѣ; она отличалась мягкостью въ обращеніи съ людьми и стремилась къ тому, чтобы и насъ научить всегда быть ласковыми, мягкими, обходительными. Она и къ слугамъ относилась ласково, любовно, когда видѣла въ нихъ усердіе, привязанность. Въ нашей семейной поминальной книгѣ было записано имя «Агрипины». Матушка объяснила намъ: это «ваша, твоя и Сани, нянюшка». Въ то время служилъ у насъ дворникомъ отставной старикъ солдатъ Михаилъ. Это еще было время, когда отставные уже дѣйствительно были стариками, изможденными 25 лѣтнею службою, и еще какою? Добрый, услужливый, усердный, спокойный, ну рѣдкій былъ человѣкъ. Заболѣлъ бѣдный, и съ какимъ соболѣзнованіемъ матушка провожала его въ военный госпиталь, а когда тамъ онъ умеръ,

Библиотека "Руниверс"

отслужила по немъ панихиду и тоже записала его въ семейную поминальную книгу, гдѣ и теперь поминается имя «Михаилъ».

Съ какимъ соболѣзнованіемъ матушка и вся семья наша слышали разсказъ, ходившій тогда по городу, сколькихъ человѣческихъ жертвъ стоило сооруженіе цѣпного моста черезъ Днѣпръ, именно около этого времени, какъ десятки рабочихъ умирали, опускаемые для работъ на дно рѣки по укладкѣ основанія для быковъ, задыхаясь безъ воздуха. Нужда гонитъ, нужно жить, нужно заработать, даютъ много дороже такимъ рабочимъ: вотъ и лѣзетъ несчастный на вѣрную смерть. На горе людское была отзывчива наша семейная душа. И, быть можетъ, потому такъ и отзывчива была, что мы сами испытали сего вдоволь, Богу соизволяющу, для нашего же блага, чтобы воспитать въ насъ лучшія чувства, лучше приготовить къ жизни, научить цѣнить милости Божьи и быть Богу благодарными за всякій даръ, свыше отъ Него, Отца свѣтовъ, исходящій.

Цѣлый рядъ болѣе или менѣе чувствительныхъ испытаній Богъ послалъ нашей семьѣ въ квартирѣ Супруновича. О нѣкоторыхъ уже я говорилъ. Здѣсь сестра моя была больна въ 1852 году холерою; уже ноги окоченѣвали, но бросились успѣшно растирать ее щетками, и спасли... Отецъ, разъ лежа на лежанкѣ и вздремнувъ, упалъ съ лежанки, переломилъ себѣ ребро... стопы, раздирающіе душу... болѣе двухъ недѣль носилъ бинтъ, оставаясь неподвижнымъ... и, слава Богу, выздоровѣлъ. Матушка, въ Январскую стужу, должно быть, постоянно перебѣгая изъ комнатъ въ кухню, отдѣльно помѣщавшуюся, и обратно, сильно простудилась, ужасныя колики въ груди, въ боку... лежала въ постели, опасно больная. Помню, мы съ сестрою 21-го Января служили молебенъ предъ иконою Божьей Матери Братскою объ изцѣленіи болящей; по совѣту кого-то изъ знакомыхъ свезли матушку въ баню, отъ которой жили не-вдалекѣ; тамъ хорошо попарившись и смазавшись какимъ - то спиртомъ, матушка скоро послѣ того оправилась. Нужды наши постоянныя побудили матушку снова попытаться обратиться за помощью къ о. Парѳенію, схимнику. Въ то время (это былъ уже Май мѣсяцъ) онъ жилъ въ Голосѣевѣ, гдѣ, какъ я замѣтилъ выше, всегда проводилъ лѣто. Не имѣя лишнихъ денегъ для найма извощика, мы, матушка, я и сестра, отправились въ Голосѣевъ пѣшкомъ, 16-го Мая 1853 г., пользуясь отличнѣйшею теплою погодою; конечно, отъ непривычки къ такимъ переходамъ очень устали, тамъ переночевали у всегдашнихъ въ то время нашихъ гостепріимныхъ хозяекъ, молочницъ лаврскихъ, гдѣ всегда матушка находила радушный пріемъ. На другой день отправились къ обѣднѣ; по видѣть о. Парѳенія такъ удобно,

Библиотека "Руниверс"

чтобы можно было поговорить съ нимъ, вовсе не удалось, главное потому, что у матушки недостало смѣлости... вѣдь, въ первый разъ въ жизни ей приходилось тогда стать въ положеніе просящей и излагающей предъ людьми свою нужду. Никогда, никогда она никому не жаловалась, никого, кромѣ Бога, ни о чемъ не просила. Такъ, приняли, по обыкновенію, благословеніе; о. Парѳеній тоже съ своей стороны ограничился благословеніемъ, не обратившись къ намъ ни съ единымъ словомъ, не ободривши матушку; съ тѣмъ и пошли, глубоко огорченные въ душѣ неудачною попыткою. Послѣ обѣдни, пили чай въ саду, было довольно вѣтрено; затѣмъ, подкрѣпившись пищею, отправились обратно пѣшкомъ же. Для насъ, молодыхъ, этотъ переходъ былъ не особенно чувствителенъ; но матушка видимо изнемогала въ страшную жару (пришлось возвращаться какъ разъ въ полдень), едва дотащилась до города и здѣсь съ жадностью напилась холоднаго грушеваго или яблочнаго квасу, который тутъ, при выѣздѣ изъ города, продавала торговка. Пошли дальше, но матушка уже почувствовала себя такъ ослабѣвшею, что наняла перваго попавшагося извощика и съ сестрою отправилась домой; а я пѣшкомъ, изнемогая отъ страшной жары (былъ въ шинели), тоже едва добрался домой. У матушки открылся тифъ. Болѣе $1^1/_2$ мѣсяца она провела въ постели; въ бреду схватывалась, бѣгала по комнатѣ. Лѣчилъ докторъ Холодовскій, почтенный старикъ. Въ періодъ ухудшенія болѣзни матушка пожелала причаститься Св. Таинъ, уснула крѣпкимъ сномъ и, проспавшись, вдругъ воскликнула: «Ахъ, дѣточки мои, какой я видѣла о васъ прекрасный сонъ! Ахъ, какой сонъ!» но что̀ видѣла, такъ и не сказала, только прибавила: «Хорошо вамъ будетъ!»... Матушка стала замѣтно поправляться, но вмѣстѣ съ тѣмъ явился у нея неудержимый аппетитъ: все просила ѣсть и дать ей хоть кусочекъ ржаного хлѣба. Я, все время болѣзни слѣдившій за ея лѣченіемъ, дававшій ей постоянно лѣкарства, всячески противился малѣйшему ослабленію діэты и строго наблюдалъ за ея кушаньемъ; но какъ-то случилось, что я отлучился, и сестра не устояла противъ жалобныхъ ея просьбъ дать ей кусочекъ ржаного хлѣба... дала, и матушкѣ вдругъ же сдѣлалось хуже, хуже: возвратилася горячка. Однако, Господь смиловался надъ нами, возвратилъ ей здоровье, не отнялъ у насъ любящей матери. Къ Іюлю матушка оправилась нѣсколько и продолжала поправляться. Но тутъ новое, страшное горе. Еще не успѣла матушка, какъ слѣдуетъ, оправиться отъ тяжкой болѣзни, сохраняя въ чертахъ лица слѣды болѣзни, такъ отецъ смертельно заболѣлъ. Была у насъ тогда служанка, негоднѣйшая изъ негоднѣйшихъ, грубіянка, дерзкая, лѣнивая, распутная устарѣвшая дѣвка. Не проходило дня безъ серьезныхъ непріятностей.

Библиотека "Руниверс"

Разъ она вывела отца изъ терпѣнія; онъ, сильно разъяренный, кричалъ на нее, и ночью послѣ этого тревожнаго дня, съ 3-го на 4-ое Августа, сдѣлался съ нимъ ударъ. Онъ былъ человѣкъ очень полнокровный, пилъ хмельное, и хотя въ послѣднее время онъ пилъ и немного, но уже достаточно было ему выпить и двѣ рюмки, какъ совершенно охмелѣть, такъ какъ другой не охмелѣетъ и отъ штофа. 3-го Августа я беззаботно проводилъ среди многочисленной толпы, наблюдавшей за подъемомъ по Александровскому спуску бронзовой статуи Равноапостольнаго Владимира, назначенной къ поставленію на пьедесталѣ памятника ему на горѣ и привезенной по Деснѣ и Днѣпру изъ Брянскаго чугунно-литейнаго завода Мальцова, гдѣ она была отлита по модели академика Клодта. Беззаботно смотрѣлъ я, какъ везли статую множество паръ воловъ, какъ снимали ее у самаго памятника... и не предчувствовалъ, какое горе ожидаетъ нашу семью. Отецъ въ то время ночевалъ въ амбарѣ (какъ и все лѣто почти, ради духоты въ комнатахъ). 4-го Августа еще онъ обѣдалъ съ нами, но жаловался, что рука что-то деревенѣетъ, трудно поднимается. Тамъ сталъ испытывать такое же ощущеніе и въ ногѣ... все хуже и хуже. Поспѣшили пустить, по указанію доктора (Холодовскаго же) кровь... но помощи не было: отецъ скоро лишился движенія всею половиною тѣла и неподвижно лежалъ въ постели. Но языкъ и сознаніе сохранились до послѣдняго часа. Онъ, признавая себя больнымъ, все-таки порывался подниматься, не сознавалъ, что цѣлая половина тѣла поражена, поднимался и падалъ, едва поддерживаемый мною или сестрою; а тамъ уже и совсѣмъ не могъ подвинуться. Отецъ изъявилъ желаніе причаститься Св. Таинъ, соборовaться масломъ; при полной памяти и уже въ сознаніи своего смертнаго часа благословилъ сестру и меня св. иконками, и когда кто-то изъ насъ сквозь слезы сказалъ: «какъ же и съ чѣмъ насъ оставляешь?» отвѣтилъ съ увѣренностью въ голосѣ: «*Богъ васъ не оставитъ*». Это были его послѣднія слова, слышанныя нами. У постели его на ночь, въ замѣнъ насъ съ матушкою, странно измученныхъ въ теченіе дня, оставалась сидѣлка, какая-то Полька, дама, у насъ когда-то останавливавшаяся, и въ это время пришедшая облегчить насъ... Нѣсколько ночей она проводила при больномъ; на ея глазахъ отецъ мирно и скончался въ 5 часовъ утра *16-го Августа 1853 года*.

Тяжко было намъ въ послѣдніе годы и съ нимъ; но болѣзнь отца окончательно истощила наши средства; постояльцевъ за все это время какъ нарочно не было. Нужно было пошить еще для его погребенія какой-нибудь приличнѣйшій сюртучокъ, такъ какъ тотъ, что онъ носилъ до болѣзни, уже никуда не могъ годиться, совершенно изношенъ и засаленъ.

Библиотека "Руниверс"

Пошили изъ дешевенькой матеріи, и то матушка умолила наемщика своей лавки дать ей хоть что нибудь изъ должнаго ей за лавку. Въ тотъ день, когда отецъ скончался, было у матушки всего только *одинъ рубль*, а у меня конечно, изъ моихъ маленькихъ денегъ, совершенно израсходованныхъ во время недавней болѣзни матушки, тоже ни копѣйки не оставалось. Поѣхала матушка на Крещатикъ къ помѣщику Скуратову, котораго управляющій у насъ постоянно останавливался, просить у него милости... Далъ 5 рублей. Но что было дѣлать съ этими 5 рублями? Гдѣ достать еще денегъ, нужныхъ на погребеніе?. Дала еще тетушка, кажется, 10 рублей. Страшную пору горя переживала въ тѣ дни наша осиротѣвшая и безъ того бѣдная семья. Но, о милость Божія! Вдругъ приходитъ къ намъ *Михаилъ*-послушникъ (о которомъ я писалъ выше), не бывшій до того болѣе году въ нашей семьѣ. приходитъ и находитъ отца уже на столѣ, видитъ наше горе, слезы матушки и вынимаетъ 50 р., передаетъ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ взять, сколько нужно, возвративъ остальныя, съ тѣмъ, чтобы взятыя деньги возвратить ему, когда будетъ возможно. Матушка проситъ у него позволить оставить на расходы по погребенію 35 р., и онъ охотно предоставилъ эти деньги въ распоряженіе матушки. Можно ли выразить словами то исполнившее сердце всѣхъ насъ благоговѣйное чувство благодаренія Отцу Небесному, столь чудесно и столь неожиданно и такъ скоро давшему намъ несомнѣнное свидѣтельство, что слова отца нашего *Богъ не оставитъ васъ* истинны и что такими они должны остаться для насъ на всю жизнь? Сосѣдка наша *Меланія Алексѣевна* дала весь столовый приборъ для поминальнаго обѣда и вызвалась хозяйничать при немъ. Мужъ тетушки принялъ на себя заботы о самомъ погребеніи; впрочемъ, я самъ ходилъ заказывать вырыть могилку, которую по недостатку средствъ пришлось выбрать поодаль отъ церкви, и за то, кажется, уплачено до 6 рублей въ пользу кладбищенской церкви. Но въ то время, какъ такъ или иначе мы видѣли общее сочувствіе нашему горю, мы получили цѣлый рядъ весьма чувствительныхъ огорченій отъ того, отъ кого должно бы исходить утѣшеніе всякому скорбящему и обремененному нуждою—отъ приходскаго *священника* о. Онуфрія. 1) онъ отказался хоронить раньше 3-го дня, хотя былъ очень хорошо извѣщенъ о причинѣ смерти, хотя ему представляли на видъ стоявшіе тогда страшные жары и что покойникъ былъ человѣкъ полнокровный, 2) и на 3-й день отказался хоронить непосредственно послѣ обѣдни, ссылаясь на то, что тогда былъ какой-то табельный день (рожденіе какой-то княжны или княгини), а погребеніе назначилъ во 2-мъ часу, 3) распорядился тѣло поставить въ тепломъ храмѣ, т. е. тамъ, гдѣ лѣтомъ не бываетъ службы, а не въ большой церкви. 4) и обѣдню

Библиотека "Руниверс"

заупокойную служилъ въ этой же большой церкви. Слѣдствіемъ такого отказа священника похоронить раньше было то, что когда въ день погребенія утромъ сняли крышку, которою былъ прикрытъ гробъ на ночь, то мнѣ, при этомъ присутствовавшему, предстала такая страшная картина разложенія и разрушенія, что тутъ же найдено нужнымъ не только прикрыть гробъ снова крышкою, но даже и прибить ее гвоздями *). И такъ, благодаря священнику, мы лишены были и послѣдняго утѣшенія проститься съ тѣломъ покойнаго отца, взглянуть на лице его въ послѣдній разъ. О портретахъ же тогда не было и рѣчи, и фотографіи и вовсе не было, а только дагеротипы. Не осталось и у насъ ни единой черты, которая напоминала бы намъ отца. Въ довершеніи огорченія, когда вынесли уже гробъ, я вдругъ замѣтилъ, что впереди гроба несутъ одинъ только крестъ, а хоругвей нѣтъ. Бѣгу обратно въ церковь, гдѣ пономарь оставался, убирая церковь. «Что значитъ?» «А никто не сказалъ!» — «Развѣ объ этомъ нужно говорить?» — «А какъ же! Я думалъ, что не хотятъ платить за хоругви». Тутъ впервыя я узналъ, что и за крестъ, и за хоругви, и за носилки, за все платятъ въ церковь. Не было заказа: не отпущены и хоругви. Я просилъ было снять хоругви; но уже было поздно, не нашлось людей, да и погребальное шествіе уже двинулось въ предшествіи одного только креста, какъ у насъ въ Кіевѣ погребаютъ только маленькихъ дѣтей 1 — 5 лѣтъ. Весь путь я мучился отъ стыда. Оказалось, что тутъ тетушка дѣйствительно не «*заказала*» хоругви, но потому, что думала, что это уже само-собою разумѣется и хоругви будутъ даны и безъ «заказа». Вѣдь у насъ связи прихода съ церковью зиждутся только на деньгахъ и своего рода заказахъ! По возвращеніи съ кладбища во время закуски предъ поминальнымъ обѣдомъ, для приготовленія котораго была приглашена знающая стряпуха, священникъ, подозвавъ меня, налилъ вина въ рюмку и, передавая ее мнѣ, сказалъ: «Поднесите матушкѣ; вы теперь вмѣсто отца ея опора». Матушка здѣсь же стояла; я поднесъ, и какъ глубоко-трогательна и умилительна была эта рѣдкая минута. Тутъ же я всѣмъ сердцемъ почувствовалъ весь глубокій смыслъ этого символическаго дѣйствія, всей обязательности для меня пещись о матери-вдовѣ и сестрѣ и подкрѣплять ихъ жизнь, какъ вино укрѣпляетъ силы человѣка. Могилка отца осталась въ попыхахъ незамѣченною; вскорѣ наступила осень, переходъ на другую квартиру, новыя испытанія, наступала и зима, и я только по одному внѣшнему

*) При видѣ этой ужасной картины я былъ объятъ какимъ-то ужасомъ, думалъ въ себѣ: и вотъ говорятъ о наслажденіяхъ жизни: а жизнь-то эта вотъ чѣмъ кончается и къ чему приводитъ.

Библиотека "Руниверс"

признаку (по близъ стоявшему особенно, выдающемуся надгробному столбу, на который случайно бросилъ я взглядъ въ пору погребенія) признавалъ мѣсто могилы отца. И эта неизвѣстность, или, вѣрнѣе, неувѣренность, и наша бѣдность сиротская были причиною, что крестъ не былъ поставленъ надъ могилою, а когда уже можно было удовлетворить эту потребность благодарнаго креста, могилка совсѣмъ затерялась въ многочисленномъ ряду подобныхъ ей, ничѣмъ не отмѣченная. Но память объ отцѣ осталась для насъ навѣки дорогою и священною. Его простодушіе и слабость были причиною, что многое мы потеряли, что, быть можетъ, не такъ пошла-бы наша жизнь съ дѣтства же; но его необычайная доброта, его безкорыстіе примѣрное, его преданность семьѣ покрыли все въ нашей благодарной памяти, а его предсмертныя страданія, его рѣдкое терпѣніе, безропотная покорность волѣ Божьей и его вдохновенныя крѣпкою надеждою на Бога предсмертныя слова: «*Богъ не оставитъ васъ*» и его тихая, безболѣзненная кончина сдѣлали для насъ священнымъ и высокопоучительнымъ воспоминаніе о самой смерти его, какъ и о болѣзни. Хотя и постигъ его ударъ, но постепенный, медленный, и въ этомъ обстоятельствѣ мы видѣли милость къ намъ Божію: мы не были поражены внезапною его кончиною, мы почти за двѣ недѣли приготовлялись къ его кончинѣ, мы тѣмъ болѣе отъ сердца благодарили Бога, что чрезъ эту постепенность въ развитіи болѣзни онъ сохранилъ для насъ драгоцѣнную жизнь матушки, которая только что стала оправляться отъ продолжительной опасной болѣзни и, сраженная внезапною смертію отца, едва-ли бы могла перенести этотъ ударъ... И тогда мы остались бы круглыми сиротами. О, милосердъ къ намъ Господь! Всеблагая Его десница, отнимая отца, сохранила для насъ мать... И *Богъ и ее, и насъ не оставилъ*—и по смерти отца!.. *)

Я не упомянулъ еще объ одномъ тяжкомъ горѣ, нами пережитомъ за два года до смерти отца. Какъ я уже говорилъ, отецъ числился дворяниномъ, но всѣхъ главнѣйшихъ дворянскихъ документовъ не имѣлъ, и когда опредѣлилъ меня въ Гимназію, и нужно было удостовѣрить мое званіе, то отецъ бралъ нужные для этого документы у вдовы покойнаго своего брата, нашего дяди Алексѣя Ивановича, гдѣ значилось въ общихъ семейныхъ спискахъ и имя отца. Нѣсколько же

*) Покойный отецъ и всегда уповалъ на милость Божію, и эта надежда не покидала его въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни; помню, разъ, въ тяжеломъ положеніи нужды, онъ писалъ письмо къ своей сестрѣ въ Глуховъ, гдѣ, между прочимъ, выразился такъ: „Но, какъ ни тяжело мнѣ жить, не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни. Живъ Господь, жива душа моя!..“

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ до этого воспослѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы лица, причисляющіеся къ дворянству, подтвердили о своемъ дворянскомъ происхожденіи представленіемъ въ герольдію всѣхъ для того необходимыхъ документовъ; тѣ-же, кто не можетъ исполнить этого требованія, избрали бы себѣ родъ жизни; а неизбравшіе себѣ рода жизни изъ недоказавшихъ своего дворянства до извѣстнаго срока, по истеченіи этого срока, зачисляются, безъ ихъ согласія, въ казенные крестьяне. Вотъ и наступилъ указанный срокъ, послѣдній, послѣ котораго и отецъ, какъ не избравшій рода жизни и не приписавшійся ни къ какому обществу, записанъ былъ съ семьею въ казенные крестьяне. Чрезъ полицію принесли намъ повѣстку объ этомъ, и полиціи же поручено было привести въ исполненіе распоряженіе о выселеніи нашего семейства изъ города въ одно изъ селеній крестьянъ государственныхъ имуществъ. Какъ громомъ, поразила насъ эта страшная вѣсть, уже къ осени, передъ зимою. Какіе изъ насъ могли бы быть крестьяне? Обрабатывать землю, очутиться въ крестьянской обстановкѣ, намъ, жившимъ, какъ и всякое дворянское, чиновничье семейство, въ условіяхъ городского быта, не привыкшимъ къ черной работѣ, не имѣвшимъ для того и здоровья, ахъ это одна ужасная перспектива горя исполняла насъ страхомъ и ужасомъ; а тутъ еще и я долженъ идти въ рекруты, тянуть лямку военной службы, я, въ то время (это было, когда я былъ въ 6-мъ классѣ) очень серьезно болѣвшій грудью, такъ что всю зиму не снималъ съ груди пропизываемаго каждую ночь свѣчнымъ саломъ бумажного нагрудника.

Въ страшномъ горѣ мы рѣшили подать прошеніе ген.-губернатору Бибикову и просить у него помилованія и заступленія въ виду особенныхъ обстоятельствъ нашей семьи, и особенно въ виду продолжающагося моего образованія въ Гимназіи. Въ избранный для подачи прошенія день, матушка, я и сестра рано-рано поднялись, пришли въ Братскую церковь еще къ концу утрени (которая всегда начиналась въ 3 часа утра) и непосредственно послѣ утрени просили отслужить предъ иконой Божьей Матери молебенъ съ акаѳистомъ. Съ горькими слезами всѣ мы молились Царицѣ Небесной, да защититъ насъ отъ грозящаго намъ страшнаго горя, да покроетъ Своею милостью, да смягчитъ сердце раба Своего Димитрія (Бибикова, Димитрія Гавриловича) и обратитъ его на жалость къ намъ. Горячо, пламенно молились и съ полною преданностью въ волю Божью и надеждою на Божье милосердіе и заступленіе Божьей Матери возвратились домой. Въ назначенный для пріема день отецъ вмѣстѣ со мною въ форменномъ гимназическомъ мундирѣ явился въ домъ ген.-губернатора. Бибиковъ

Библиотека "Руниверс"

на пріемѣ принялъ прошеніе отъ отца, пробѣжалъ, посмотрѣлъ на меня и обѣщалъ сдѣлать все, что возможно. Скоро отецъ получилъ повѣстку, что по разсмотрѣніи дѣла, распоряженіемъ генералъ-губернатора, отмѣняется постановленіе о приписке нашей семьи въ казенные крестьяне и предоставляется отцу право приписаться къ обществу городскихъ мѣщанъ. День этотъ былъ величайшимъ для насъ даромъ Божьяго милосердія, явленнаго намъ чрезъ посредство земного правосудія и справедливости. Великое добро сдѣлалъ для насъ незабвенный въ нашей памяти Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ. Отецъ приписался къ обществу мѣщанъ города Кіева, кажется, по серебряному цеху, вмѣстѣ съ семьею, и съ того времени изъ дворянъ по происхожденію и по роду жизни стали мы «Кіевскими мѣщанами». Тяжелое испытаніе, съ которымъ не могла помириться наша семья, эта кличка: «мѣщанинъ!» Особенно тяжелымъ гнетомъ лежало на жизни сестры моей, до самой ея смерти, это званіе. Она не могла до смерти примириться съ нимъ, главнымъ образомъ не по честолюбію, а представляя себѣ ужасное положеніе дѣвушки, которую въ нашемъ обществѣ не защищаетъ часто и высокое имя отца; тѣмъ беззащитнѣе «дѣвушка - мѣщанка»: ее только тотъ не обидитъ, кто не захочетъ.

Тяжелыя испытанія, которыми Богъ посѣщалъ нашу семью въ это время, въ пору нашего воспитанія, нужда и лишенія, въ которыхъ мы проводили наше дѣтство и первые годы юности, и въ тоже время проявленія Божьяго попеченія о насъ и милосердія, облегчавшія и разрѣшавшія во благо наше жизненное горе, все это не могло не расположить насъ съ сестрою, свободно, безъ чьего-либо стороннаго напоминанія и понужденія, искать въ Богѣ утѣшенія и благодарить Его за Его щедроты; все это влекло насъ неудержимо въ храмъ Божій, питало въ насъ духъ молитвы, преданности въ волю Божью и воспитывало глубокій религіозный духъ. «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». Божественные глаголы эти буквально исполнялись и на насъ съ сестрою; подобно матушкѣ и вмѣстѣ съ нею, въ Богѣ, въ молитвѣ, въ храмѣ Божьемъ мы находили свой покой душевный среди горя жизненнаго, обнимавшаго насъ отовсюду. Постъ церковный не казался намъ бременемъ; напротивъ, мы съ сестрою свободно продолжали постъ иные дни до самаго вечера, какъ бывало въ послѣдніе великіе дни Страстной седмицы, Пятницу и Субботу, когда мы довольствовались только кулѣшомъ, отказывали себѣ даже въ чаѣ; такъ, помню, не разъ бывало по Пятницамъ, напр., Успенскаго поста: тогда бывало, мы идемъ съ сестрою на большую вечерню въ Братскій монастырь, которая здѣсь служилась особенно

Библиотека "Руниверс"

умилительно и нѣсколько по праздничному ради Субботы, дня, посвященнаго въ честь Божьей Матери; слушаемъ ее и только по возвращеніи домой вкушаемъ пищу впервыя. Помню разъ особенно такое возвращеніе съ сестрою. Нельзя не умилиться душею человѣку скорбному, слушая эту вечерню. Умилительный напѣвъ пропѣли: «Боже, заступниче мой сильне, и милость Твоя предваритъ мя». Стройное и чистое пѣніе хоровъ монашествующихъ посреди церкви, самая обширность храма, только рѣдко занятаго немногочисленными молящимися, при вечернемъ освѣщеніи порой горизонтально уже падающими лучами заходящаго солнца, благоговѣйная тишина при чтеніи чтеца на клиросѣ или паремій посреди церкви, наконецъ послѣ вечерни умилительное исполненіе обоими хорами монашествующихъ пѣснопѣнія предъ самою иконою Божьей Матери, «Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво», сопровождаемое земнымъ поклономъ всѣхъ поющихъ, все это такъ настроивало душу на молитву, сообщало чувству такую молитвенную теплоту, исполняло сердце такимъ небеснымъ удовлетвореніемъ и миромъ, что не разъ оставлялъ я храмъ Божій съ увлажненными отъ слезъ глазами, и въ такомъ именно настроеніи, пропостившись цѣлый день, разъ мы возвращались съ сестрою домой. Уже были на улицѣ, а мнѣ все хотѣлось плакать и плакать. Какое-то горе жизненное, намъ общее съ сестрою, уже черезъ верхъ наполняло сердца... и изливалось въ слезахъ, поднимаемое внутреннею молитвою, какъ продолженіемъ еще на улицѣ только что умолкшей церковной молитвы... И въ тоже время такъ легко, легко было на душѣ, какая-то полнота духа и упованія вѣяла въ ней... и изсушала эти слезы. И въ такомъ настроеніи мы говорили съ сестрою о томъ счастіи, какое дано намъ съ нею въ такой близости къ монастырю, гдѣ такъ прекрасно служатъ, гдѣ всегда можно такъ пламенно помолиться и утѣшиться въ горѣ. О эти немногія минуты перехода отъ церкви къ нашей квартирѣ незабвенны для меня и понынѣ. Скорбная душа моя носила въ себѣ духъ молитвы всюду. Я ежедневно, идя въ Гимназію, заходилъ въ Братскій монастырь помолиться предъ иконою Божьей Матери; проходя мимо церкви или и вдали отъ нея, но имѣя ее въ виду у себя, я читалъ тропарь храмового праздника, въ теченіе же всего пути повторялъ выученныя мною наизусть мѣста Священнаго Писанія. Долго, въ дни говѣнія, на время между службами церковными, я уединялся въ комнаты, незанятыя пріѣзжими, и тутъ готовился къ исповѣди чтеніемъ поученій митрополита Филарета о нагорной проповѣди, какъ сокращеннымъ указаніемъ всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ и руководствомъ къ нимъ. Любимѣйшимъ моимъ чтеніемъ и теперь были книги по преимуществу духовно-нравственнаго содержанія, вообще какъ

Библиотека "Руниверс"

представлявшія высокіе идеалы жизни, способные еще возбуждать и питать чувства добра, вызывать и поддерживать высокія стремленія духа. Нужно сказать, что, не смотря на нужды и лишенія, испытываемыя нашею семьею, я имѣлъ достаточно времени свободно предаваться серьезнымъ занятіямъ своимъ дѣломъ самообразованія въ дополненіе къ образованію, получаемому школою. Рѣдко, рѣдко я принималъ участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ, главнымъ образомъ при наплывѣ людей зимою (какъ объ этомъ писалъ уже); заботы семьи были направлены къ тому, чтобы не мѣшать мнѣ въ моихъ занятіяхъ. И въ этомъ отношеніи нужда наша семейная въ эту пору не только не ограничивала и не ослабляла моей энергіи, но даже, можно сказать, вызывала ее, развивала и укрѣпляла духъ на серьезный трудъ образованія. За это время я прочелъ много книгъ, которыя своимъ высокимъ содержаніемъ доставляли мнѣ наслажденіе, вполнѣ удовлетворяли моей любознательности и вводили меня въ міръ художественныхъ образовъ. Такъ я прочелъ: Михайло Васильевичъ Ломоносовъ Полевого, 2 большихъ книги; Александръ Васильевичъ Суворовъ, иллюстрированное изданіе Полевого же; изъ сочиненій Карамзина: Письма Русскаго путешественника, Марѳа Посадница, Марьина роща, Наталья боярская дочь и еще нѣсколько мелкихъ повѣстей; прочелъ остальные томы Исторіи Государства Россійскаго, и надъ XII томомъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи въ 7 классѣ, проработалъ, дѣлая изъ него извлеченіе въ видѣ класснаго сочиненія; сочиненія Муравьева, Разговоры въ царствѣ мертвыхъ и письма (даже купилъ ихъ себѣ) 2 тома; Исторія Русской церкви Филарета Черниговскаго (одновременно съ изученіемъ ея въ 7-мъ классѣ); Загоскина: Юрій Милославскій и Брынскій Лѣсъ; Лажечникова: Послѣдній Новикъ и Басурманъ; не знаю чей историческій романъ Начало Москвы; изъ сочиненій Озерова трагедіи: Димитрій Донской, Эдипъ, изъ сочиненій Фонъ-Визина: Исповѣдь, письмо изъ Парижа, комедіи Недоросль, Бригадиръ; большой томъ Сто Русскихъ литераторовъ, изданіе Смирдина, сборникъ доставившій мнѣ удачнымъ подборомъ статей особенное наслажденіе и давшій много весьма поучительныхъ уроковъ (вотъ чтеніе незамѣнимое для юношества, и однако гдѣ-же теперь найти эту дорогую книгу, словно исчезла съ лица Русской земли; въ этомъ сборникѣ помѣщена повѣсть «Побѣда отъ обѣда», гдѣ изображено сластолюбіе Потемкина). Какая-то повѣсть Дуровой (чуть ли не «Три клада»), что-то изъ сочиненій Кукольника; но особенно глубокое впечатлѣніе произвела на меня прекраснѣйшая повѣсть изъ жизни ордена «Тампліеровъ», которую я читалъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ; Утренняя Заря, Кіевлянинъ за 1840 и 1841 годы. Изъ журналовъ Маякъ за

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько лѣтъ; изъ его статей глубоко запечатлѣлся въ душѣ моей разсказъ «Перекати поле», гдѣ изображено тайное убійство, слѣды котораго остались скрытыми, но изобличено комкомъ травы «Перекати поле». Тутъ же читалъ я какую-то повѣсть, которая, какъ мнѣ говорили, была написана Яковомъ Кузьмичемъ Амфитеатровымъ. Съ большимъ интересомъ была прочтена мною историческая повѣсть Кулиша: «Михайло Чернышенко» (кажется такъ), впослѣдствіи узналъ я запрещенная и изъятая изъ всѣхъ библіотекъ за какія-то политическія тенденціи, которыя для меня, когда я читалъ, конечно, были неуловимы и свыше моего политическаго кругозора. Но съ особеннымъ увлеченіемъ и постоянствомъ я читалъ произведенія Михаила Десницкаго, митрополита С.-Петербургскаго, «Трудъ, пища и покой духа человѣческаго» «Толкованіе на книгу Бытія,» 5 или 6 томовъ: глубоконазидательное чтеніе, которое помогло мнѣ уразумѣть многое изъ библейскаго содержанія и, главное, установить истинную точку зрѣнія на самую Библію, какъ зерцало человѣческой жизни въ ея не только положительной, но и отрицательной сторонахъ, точку зрѣнія, при которой становятся умѣстными въ богодухновенной книгѣ описанія человѣческихъ страстей и пороковъ, какія по мѣстамъ встрѣчаются въ Библіи, давая имъ поводъ признавать Библію во всемъ ея составѣ неудобною для чтенія въ пору воспитанія. О какое высокое, возвышенное чувство водило словомъ великого, но къ прискорбію вовсе у насъ неизвѣстнаго проповѣдника при изображеніи и этихъ темныхъ сторонъ человѣка, преданнаго страстямъ. «Для чистыхъ все чисто»: вотъ какое впечатлѣніе оставляли во мнѣ эти чудныя, живо воспроизводимыя картины библейскихъ сказаній въ чистомъ, возвышенномъ словѣ Михаила. Книгу эту я доставалъ у одного изъ товарищей по 6-му классу, *Коломейцева*, давалъ ее отъ себя читать студенту Академіи іеромонаху Висаріону (не помню фамиліи хорошо), и онъ тоже зачитывался ею до глубокой ночи. Въ 6-мъ же или 7-мъ классѣ я читалъ произведеніе Иннокентія «Жизнь св. апостола Павла», въ особой книгѣ, которую я досталъ тоже не изъ Академіи, а отъ кого-то другого: высоко-поучительное чтеніе, которое помогло мнѣ выразумѣть великую милость св. апостола и все великое значеніе его апостольскихъ трудовъ и писаній, и наполнило мою душу глубочайшимъ благоговѣніемъ предъ этою святою, божественною жизнію учителя и апостола язычниковъ. Къ этому же времени относится чтеніе мною словъ Иннокентія о зимѣ, о веснѣ, о грѣхѣ, на молитву св. Ефрема Сирина. Кромѣ любимаго мною чтенія я у Супруновича продолжалъ съ усердіемъ заниматься черченіемъ картъ (по географіи Россіи, которую тогда проходили въ 5-мъ классѣ) и рисованіемъ; но то и другое

Библиотека "Руниверс"

оставлено мною съ переходомъ въ 6-й классъ, когда усиленно долженъ я былъ заниматься составленіемъ записокъ по Русской словесности и Всеобщей исторіи.

Имѣлъ я всегда достаточно времени поразмыслить надъ читаннымъ, а уединиться для этого было гдѣ. Высокія христіанскія добродѣтели, которыя вызывали въ дѣтской душѣ моей безсознательное умиленіе жизнеописаніями святыхъ Божіихъ, теперь уже не предносились предо мною, какъ блестящія свѣтила, которымъ можно только изумляться, преклоняясь предъ ними, но уже какъ обязательныя *и для меня* дѣла любви къ Богу и ближнему и какъ единственное достойное Бога служеніе Ему. Служить Богу уже значило для меня не только молиться Ему, поклоняться, поститься, совершать священные обряды, чуждаясь суеты міра, избѣгая людей; но дѣлать доброе предъ Богомъ и людьми, жить такъ, какъ бы непрестанно ходимъ предъ Нимъ и видимъ Его предъ собою. «Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу?». Думая же такъ и размышляя, я тогда уже постигалъ всю безмѣрную для моего духовнаго преуспѣянія заслугу моей матушки, которая всѣми силами своего любящаго сердца воспротивилась поступленію моему въ монастырь, когда я былъ еще мальчикомъ, и старалась отклонить мою мысль дѣтскую отъ такого для меня самого прежде всего опаснаго шага. О, теперь я понималъ, отъ какого страшнаго духовнаго мрака спасла меня любовь матушки тогда, въ пору моего дѣтскаго неразумія и ревности къ Богу не по разуму. Что̀ было бы съ нами тогда? Пылъ религіозный, возбужденный въ дѣтской душѣ сильными впечатлѣніями, извнѣ воспринятыми, охладѣлъ бы скоро; условія нашей монастырской жизни, замѣчательно чуждыя всякаго развивающаго начала въ смыслѣ религіознаго просвѣщенія, заключающія человѣка исключительно въ среду внѣшней обрядности, скоро бы положили преграду и моимъ стремленіямъ, направивъ и ихъ на тотъ же путь исключительно – обрядовой жизни, но не давъ ничего внутренне образующаго въ смыслѣ нравственныхъ основаній жизни; дурные примѣры, которыхъ немало и въ монастырѣ, не встрѣчали бы себѣ отпора въ непросвѣтленной духомъ религіи душѣ, насильно вторгались бы въ нее и тайно, быть можетъ, но все же развращали бы ее, творя лицемѣра, и пропалъ бы я для истинно-духовной жизни. А теперь, сидя на лѣстничкѣ, я вдумывался въ духъ христіанской жизни, я рвался къ Богу, но видѣлъ Бога уже очами молящагося сердца. Я понималъ, въ чемъ должно состоять истинное служеніе Ему, для меня ясны были заповѣди Его божественнаго закона; я зналъ, что̀ дѣлать, гдѣ искать помощи, въ минуты искушеній. Среди семьи родной

Библиотека "Руниверс"

я не видѣлъ того зла, котораго вдоволь наглядѣлся бы между монастырскими «слимаками»; среди людей, въ оживленномъ общеніи съ ними, я узналъ разнообразные способы быть имъ полезнымъ: живя въ нуждѣ и лишеніяхъ за одно съ своею семьею, я научился горячо, пламенно молиться, и идти въ храмъ Божій стало и живѣйшею потребностью моей души, и высокимъ наслажденіемъ. Да, я ясно понималъ, что сдѣлала для меня матушка, удержавъ меня въ свое время отъ монастыря. И все таки я любилъ монастырь, и монастырское богослуженіе, стройное, чинное, благоговѣйное, неспѣшное я всегда предпочиталъ службѣ въ приходской церкви. Я теперь еще чаще, подросши, сталъ ходить въ Лавру, бывалъ часто въ пещерахъ, слушалъ позднюю обѣдню въ великой церкви, наслаждаясь чуднымъ лаврскимъ напѣвомъ; послѣ же обѣдни заходилъ обыкновенно къ Симеону (о которомъ выше сказано), и здѣсь, въ его келейкѣ, подкрѣплялся и чаемъ, и закускою, и кушаньями изъ митрополичьей кухни. И теперь еще помню необыкновенно вкусно приготовляемый постный съ рыбою борщъ и густую манную молочную кашу, которою угощалъ меня столь радушно незабвенный для меня Симеонъ. Когда митрополитъ переѣзжалъ на жительство въ Софійскій соборъ, я и тамъ бывалъ у Симеона, навѣщалъ его уже послѣ экзаменовъ въ 6-мъ, а потомъ и 7-мъ классѣ, приходя въ соборъ помолиться и поблагодарить Бога за помощь мнѣ въ ученіи. Побывавъ на вечернѣ, я заходилъ и къ Симеону, и онъ и здѣсь не отпускалъ меня безъ чаю и какого-либо угощенія. Онъ очень любилъ меня. Разъ, помню, онъ захотѣлъ пройтись со мною нѣсколько послѣ угощенія; было это въ Лаврѣ, зашла рѣчь о монастырѣ; онъ зналъ мое настроеніе и преданность церкви. «Любите Бога, любите св. церковь, но въ монастырь не поступайте, не совѣтую вамъ; трудно въ монастырѣ; гоненій много. Оставайтесь въ мірѣ, будьте въ мірѣ монахомъ: служите Богу въ мірѣ. Это и нужнѣе для людей!» Такъ говорилъ Симеонъ, и рѣчь его, звучавшая искреннею любовью, согласовалась уже съ тѣми мыслями и чувствованіями, которыя рождались въ то время въ душѣ моей, какъ плодъ того воспитанія, которымъ я обязанъ незабвенному моему другу - воспитателю Аполлону Ивановичу, безграничной любви матери и прочимъ благопріятнымъ условіямъ, выше изображеннымъ. Особенно любилъ я бывать въ Лаврѣ въ недѣли ближайшія къ Великому посту и въ послѣднюю, прощальную недѣлю. Помню, разъ «въ недѣлю о Закхеѣ» митрополитъ Филаретъ говорилъ проповѣдь. Обыкновенно вынеся Св. Евангеліе, раскрывали его положенное на аналоѣ, и Филаретъ, читая прочтенное слитно за литургіею Евангеліе, сопровождалъ каждый стихъ толкованіемъ. Говорилъ онъ громко; для всей церкви слышна была его согрѣтая чувствомъ и во-

Библиотека "Руниверс"

одушевленіемъ рѣчь. Тогда, говоря о Закхеѣ, онъ съ такимъ смиреннымъ чувствомъ, съ такою силою убѣжденія говорилъ, что, я это видѣлъ, нѣкоторые мужчины плакали. Тишина въ церкви была невозмутимая. Въ прощальную недѣлю я обыкновенно пообѣдавъ у Симеона, оставался до вечерни, слушалъ вечерню въ великой церкви, совершаемую въ этотъ день обыкновенно намѣстникомъ Лавры (тогда Лаврентіемъ), который послѣ вечерни прощался съ братіею, творя ей земное поклоненіе, на что тѣмъ же отвѣчали всѣ монашествующіе. Видѣть это было очень умилительно, наканунѣ самаго наступленія великаго поста, при особенной настроенности къ чувству смиренія и сердечному умиленію, и съ такимъ именно чувствомъ я оставлялъ Лавру и возвращался домой поздно вечеромъ. Можно поэтому судить, съ какимъ настроеніемъ я проводилъ вечеръ заговѣнъ и встрѣчалъ великій постъ. Къ моему счастію, это настроеніе было общимъ и всей нашей семьѣ, не дозволявшей себѣ никогда веселиться и развлекаться въ этотъ вечеръ, обыкновенно проводимый въ нашей семьѣ въ строгой тишинѣ.

Не могу однако сказать, чтобы духъ спокойнаго веселія уже вовсе былъ изгнанъ изъ нашей семейной жизни облегавшею ее нуждою, чтобы вовсе чужды были намъ жизненныя радости и удовольствія, понимаемыя въ общемъ человѣческомъ смыслѣ. Между пріѣзжими бывали люди очень порядочные, общество съ которыми, или за чашкою чаю, или въ лѣтній вечеръ на дворѣ, доставляло намъ немало удовольствій. Раздавались въ нашей средѣ и шутки. Помню, у насъ постоянно останавливался одинъ уѣздный врачъ *Петръ Ивановичъ*, и вотъ разъ помѣстился онъ за неимѣніемъ другой комнаты, когда всѣ были заняты, въ той, гдѣ я постоянно работалъ. Замѣчая во мнѣ всегдашнюю скромность, онъ разъ пошутилъ: «Вотъ вижу, вы точно монахъ; ну а что, если вмѣсто монастыря да женитесь? Дѣло!» Я вдругъ при этихъ словахъ вспыхнулъ и даже моментально отвинулся въ сторону, а онъ разразился громкимъ смѣхомъ. «Смотрите, Марья Павловна (матушка моя). Я говорю: Николай, вы женитесь, а онъ какъ кинется, чуть со всѣхъ ногъ не бросился бѣжать изъ комнаты». Впрочемъ, въ нашей семьѣ въ теченіе всѣхъ этихъ четырехъ лѣтъ, можно сказать, безпрестанно слышался веселый, заливающійся смѣхъ, источникомъ котораго была все таже племянница хозяина, о которой выше я упоминалъ, записная хохотунья, шутница, насмѣшница; кажется, вся она была воплощенный смѣхъ; лицо, глаза ея смѣялись. Я только не сдавался подъ ея смѣхъ, въ случаѣ всегда держался въ сторонѣ, и даже кромѣ обыкновенныхъ привѣтствій и необходимости лично отъ себя почти не говорилъ съ нею, старательно устраняя себя

Библиотека "Руниверс"

отъ ея насмѣшекъ и шутокъ, и она оставляла меня въ покоѣ. Были и другія передышки въ нашей скорбной жизни, когда скорбь, повидимому, уступала мѣсто беззаботному удовольствію. Наша сосѣдка Меланія Алексѣевна, имянинница 31 Января, всегда собирала у себя всѣхъ, и въ веселомъ обществѣ встрѣчали у нея Новый годъ матушка съ сестрою; я же съ отцомъ дома оставались. Тамъ веселились, танцовали, пѣли и проводили ночь до самаго благовѣста къ утрени въ Братскомъ монастырѣ; тогда собирались и шли въ церковь на утреню. Веселье, значитъ, было не чуждо молитвѣ и заключалось ею!.. Разъ, матушка лѣтомъ собралась прокатиться съ нами на пароходѣ къ Межигорью; взяли съ собою большой самоваръ, приборъ, закуску; матушка пригласила еще кого-то изъ родныхъ или знакомыхъ и поѣхали. Пріѣхавъ въ Межигорье, въ бесѣдкѣ поставили самоваръ, взяли воды изъ знаменитаго родника «Звонка», и пока усѣлись въ ожиданіи чаю, какъ вдругъ свистокъ собираться на пароходъ... Кинулись, захвативъ съ собою кипящій самоваръ, и усѣлись на палубѣ пить чай. На бѣду мою я сказалъ матушкѣ, что съ нами ѣдетъ одинъ изъ учителей моихъ по гимназіи, Бѣлоусовъ, учитель математики. Матушка и пристань: «пригласи г. учителя откушать съ нами чаю». Я заупрямился и наотрѣзъ отказался это сдѣлать. Мнѣ показалось такое приглашеніе неумѣстнымъ, ибо на пароходѣ былъ буфетъ, и г. Бѣлоусовъ могъ напиться чаю оттуда. Ну, а что, думалось, мнѣ если онъ поэтому и откажется, и я предъ всѣмъ обществомъ долженъ буду уйти съ носомъ? Были тутъ и ученики. Ну вотъ и они что̀ подумаютъ тогда? И по дѣломъ, не подлизничай! Такъ я и не пригласилъ. И досталось же мнѣ потомъ отъ матушки, когда пріѣхали домой! Но матушка, конечно, не могла вникнуть въ мои соображенія; ей просто, по ея всегдашнему радушію, совѣстно было самой пить чай, и не попоить человѣка, котораго она, какъ моего учителя, считала для себя не чужимъ, а близкимъ, какъ бы знакомымъ, и ужъ для меня очень близкимъ. Такимъ образомъ это удовольствіе было неожиданно и всецѣло испорчено для меня. Въ другой разъ тоже одно удовольствіе самъ я испортилъ или, вѣрнѣе, значительно его ограничилъ. Разъ, лѣтомъ, остановился у насъ актеръ проѣзжій и предложилъ матушкѣ въ свой бенефисъ даровой билетъ въ ложу. Матушка была любительница театра, и вѣрно, когда была въ дѣвицахъ или въ пору нашего ранняго дѣтства, хаживала въ театръ. Актеръ съ увлеченіемъ разсказывалъ намъ про художественную игру знаменитой артистки Молчановой, которая даже и останавливалась въ нашемъ домѣ; разсказывалъ весьма трогательно про трагедіи Купецъ Иголкинъ, про Гамлета, особенно про сцену съ гробокопателемъ; про Парашу Сибирячку, разсказывалъ и про «Мо-

Библиотека "Руниверс"

скаля-Чаривника». Вотъ матушка съ удовольствіемъ и теперь приняла предложеніе, и потащила и меня съ собою, именно потащила. Я, какъ могъ, отказывался; нѣтъ, заставила идти. «Что скажутъ люди? Мать въ театрѣ, а сына нѣтъ; вѣрно, она сама любитъ только веселиться, а дѣти сиди дома. Иди, да иди!» И помню, пока шла драма, я еще кое-что глядѣлъ, кое-что слушалъ, кажется «Роберта-діавола» Но когда послѣ драмы стали играть какой-то водевиль, я прямо отвернулся въ сторону въ ложѣ; такъ и не посмотрѣлъ на сцену. Долго матушка смѣялась надъ моимъ чудачествомъ; но смотрѣть на эти безобразія и слушать ихъ я рѣшительно не находилъ для себя ни малѣйшаго удовольствія. Я былъ уже тогда въ 6-мъ классѣ, и изъ уроковъ теоріи поэзіи зналъ, какъ высоко назначеніе театра; потому въ той формѣ, въ какой могъ тогда, предъ глазами близкихъ мнѣ людей хотѣлъ заявить протестъ противъ такого нетерпимаго искаженія высокой идеи театра, выродившагося въ водевиль, въ фарсъ. Благодареніе Богу, не театръ съ своею грязью и пошлостью былъ моимъ воспитателемъ, и моему чувству не въ театрѣ представлялась обильная пища, придававшая юной жизни моей поэтическій оттѣнокъ.

Кромѣ тѣхъ великихъ силъ, благотворное дѣйствіе которыхъ на меня изобразилъ я, кромѣ св. церкви съ ея возвышенною поэзіею, съ ея чудными пѣснопѣніями, сама чудная природа Кіевская вливала изо дня въ день въ душу мои чистыя струи поэтическаго настроенія, настраивала меня къ эстетическимъ удовольствіямъ. Каждый день, какъ сталъ я ходить въ Гимназію съ Подола на Крещатикъ, позже на Старый Кіевъ, я видѣлъ предъ собою съ высоты Кіевскихъ горъ до предѣловъ горизонта раскидывающуюся во всѣ стороны очаровательную картину до широкаго Днѣпра и всего Заднѣпровья, на сѣверной точкѣ котораго высился древній Вышгородъ, а съ южной тянулся величественною лентою цѣпной висячій мостъ, прямо же на Востокъ раскидывался дремучій боръ. Взойдешь на паперть церкви св. Андрея Первозваннаго, что за чудныя картины откроются предъ тобою, куда ни поглядишь. Внизу весь Подолъ съ своими пестрыми домами, съ своимъ движеніемъ; тамъ широкое поле Оболонья; тамъ стараешься уловить въ скрывающейся отъ глазъ дали впервыя показывающееся русло Днѣпра, блестящею серебристою лентою едва-едва выдѣляющееся отъ облегающихъ его низменныхъ береговыхъ песковъ; тамъ видишь на лукѣ къ Подолу впадающую въ Днѣпръ красивую Десну; вотъ Днѣпръ у ногъ твоихъ катитъ величаво свои полноводныя струи, и слѣдишь, слѣдишь за нимъ, какъ онъ течетъ у величественныхъ горъ Кіевскихъ, упирается въ цѣпной мостъ и тамъ теряется въ дали въ серебристомъ разливѣ среди луговыхъ поворотовъ. А тутъ, смотришь,

Библиотека "Руниверс"

изъ-за этихъ прихотливыхъ изгибовъ показывается дымокъ; дымокъ все отчетливѣе разстилается, двигаясь въ воздушной выси, тамъ обрисовывается труба, и пароходъ величественно выходитъ на ширину рѣки, направляясь къ Подолу. Еще величественнѣе Днѣпръ въ весенній разливъ, когда вся обширная площадь Оболонья съ Заднѣпровьемъ представляетъ одно громадное озеро, предѣлы котораго блещутъ на горизонтѣ, далѣе виденъ Вышгородъ, а внизу порядочная часть затопленнаго Подола. И стоишь, любуясь этою величественною картиною, прелесть которой неописуема въ первые часы ранняго утра, когда солнце еще своими косыми серебристыми лучами обливаетъ всю эту ширь очаровательнымъ освѣщеніемъ и когда Днѣпръ особенно величественъ, отражая въ водахъ своихъ длиннѣйшею ослѣпительнаго блеска полосою эти почти горизонтальные еще лучи солнца. Прелесть! Очарованіе! И нужно заставить, принудить себя оторваться отъ этого волшебнаго міра Андреевской паперти и съ этой поднебесной выси спуститься въ обыкновенный низменный міръ уличной обстановки. Перейдешь съ этого мѣста паперти на другое, въ сторону Кіевскихъ горъ: тутъ новая прелестная картина. Тутъ предъ тобою волнующееся холмами, возвышенностями, нарѣзанное крутыми обрывами, покрытое роскошною зеленью садовъ и отдѣльныхъ группъ деревьевъ, гористое пространство нашей Кіевской Швейцаріи, Кожемяки, Юрковица, Лукьяновка, а ближе возвышеннѣйшія площади горъ Щеки и Хорива съ покоющимися на ихъ высяхъ городскимъ и женскаго монастыря кладбищами подъ сѣнью храмовъ Божьихъ. И картина, и поучительное напоминаніе!.. На пути въ Лавру, проходя по Царскому саду, взойдешь на край крутого горнаго обрыва надъ Днѣпромъ: опять таже величественная картина въ другихъ своихъ частяхъ. Прямо подъ тобою красивые уклоны къ рѣкѣ горныхъ обрывовъ, усѣянные деревьями, прорытые стекающею дождевою водою; а тутъ внизу, смотришь, точно рукою подать, протягивается набережное шоссе и проѣзжаетъ какая нибудь подвода съ хлѣбомъ съ той стороны Днѣпра, медленно двигаясь, какъ нарочно, чтобы дать тебѣ вдоволь налюбоваться этою спокойною жизнью среди тишины окружающей прелестной мѣстности. Посмотришь въ сторону, Подолъ уже предстаетъ въ другомъ, еще болѣе очаровательномъ видѣ съ своею набережною, съ своею изящно вдающеюся въ берегъ пристанью, съ цѣлыми караванами байдаковъ, берлинъ, грузящихъ и разгружающихся; видимо, кипитъ жизнь, движеніе, челноки, лодки, баркасы снуютъ по рѣкѣ. А здѣсь въ Царскомъ - то саду какое раздолье! Какая роскошь! Роскошь и вверху, гдѣ зданіе минеральныхъ водъ съ своими прелестнѣйшими, широчайшими тѣнистыми аллеями съ одной стороны, съ своею прелестною пло-

Библиотека "Руниверс"

щадкою со стороны Печерска, обсаженною по обѣимъ сторонамъ расходящимися отъ входныхъ воротъ рядами гигантскихъ тополей, воспѣтыхъ Пушкинымъ. А съ этой длиннѣйшей аллеи, что тянется надъ обрывомъ, заканчиваясь къ сторонѣ Днѣпра красивою бесѣдкою, какой очаровательный видъ на Старый Кіевъ съ его соборами и многочисленными церквами, съ выдающимся величественнымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, съ массивнымъ, рельефно выдѣляющимся Римско-католическимъ костеломъ, съ боковымъ видомъ на всю длинную линію Кіевскихъ горъ и вѣнцомъ ихъ, церковью св. Андрея Первозваннаго, а тамъ еще дальше церковью Щекавицы. Прелестная картина, особенно въ часы вечера при закатѣ солнца. И отсюда же видна синѣющаяся въ часы заката солнечнаго даль Вышгородскихъ возвышенностей. Я любилъ здѣсь проводить именно часы вечера и несказанно любовался солнечнымъ закатомъ, когда вокругъ глубочайшая тишина, не слышно вовсе городского шуму, а небо окрашивается золотистыми лучами заходящаго свѣтила, и кое-гдѣ бродящія тучки покрываются игривыми цвѣтами пурпурнаго освѣщенія. Незабвенныя минуты! Это вверху. А внизу въ Царскомъ же саду (гдѣ теперь гнѣздовище всякой нечистоты, такъ называемое «Château des fleurs») глубокая котловина, окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенностями, вся залитая роскошною зеленью, и посреди нея длинная тополевая аллея. О прелестнѣйшая аллея украинскихъ тополей! Здѣсь, бывало, я любилъ, возвращаясь изъ Лавры, отдыхать, иногда и нарочно сюда приходилъ провести нѣсколько часовъ въ совершенномъ уединеніи и тиши. Тутъ уже не было никакихъ видовъ; тутъ забывалось вовсе, что этотъ очаровательный уголокъ въ городѣ же, и думалось, что ты въ какой-либо пустынѣ, гдѣ окружающая тебѣ чистая, прелестнѣйшая природа—единая земная свидѣтельница твоихъ думъ, твоего бытія! Выйдешь изъ Царского саду по направленію къ Лаврѣ, тутъ же, сейчасъ же предъ тобою разстилается обширнѣйшій роскошный плацъ для военныхъ парадовъ, огромный квадратъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ обсаженный опять тѣми же величавыми тополями-великанами. Любо это раздолье! Какъ свободно здѣсь дышется! Подходишь къ Лаврѣ, новая прелестнѣйшая картина: опять подкрѣпостной плацъ огромнѣйшихъ размѣровъ, цѣлое поле; далѣе не столько грозно, сколько гордо и величаво высятся земляные зеленѣющіе валы цитадели, и слѣва отъ дороги развивается штандартъ и флагштокъ. А надъ валами и изъ за валовъ поднимаются Лаврская колокольня и золотоглавая великая церковь Лавры и другія окрестныя церкви Лавры. Какое точно небесное видѣніе въ этомъ земномъ мірѣ суеты и заботъ, зовущее къ миру, къ молитвѣ, къ подвигу. И я часто, часто видѣлъ эту небесную картину! Въ Лаврѣ я непремѣнно, бывало,

Библиотека "Руниверс"

зайду на галлерею типографскаго зданія, обращенную къ Днѣпру и тогда для всѣхъ доступную, и сижу, сижу, или ожидая начала службы, или послѣ службы, и безконечно любуюсь опять тѣмъ же Днѣпромъ, но уже въ другихъ видахъ: отсюда явственно виденъ висячій мостъ съ противоположной стороны отъ Подола, видно отчетливо движеніе по нему пѣшеходовъ и ѣдущихъ; далѣе, какъ его продолженіе, далеко, далеко тянущаяся среди бора *Броварская* дорога, впереди прямо тотъ-же боръ, и прибережныя слободки. И все тоже ослѣпительное освѣщеніе утренняго солнца, здѣсь еще очаровательнѣе вблизи самаго Днѣпра. Спустишься въ пещеры, какая прелесть эти пещерные сады, которыми, избѣгая духоты крытыхъ переходовъ, я обыкновенно проходилъ въ тѣ и другія, «ближнія» и «дальнія пещеры», то спускаясь, то поднимаясь по лѣстницамъ боковъ оврага, раздѣляющаго пещеры. Тутъ присядешь, и просто любуешься этою зеленью, этою тишиною, часто подъ звуки то тамъ, то здѣсь раздающагося церковнаго благовѣста, здѣсь же на пещерахъ, или далеко расходящагося густаго, дрожащаго въ воздухѣ, могучаго благовѣста съ высоты Лаврской колокольни. Проходятъ богомольцы, благоговѣйно осѣняющіе себя крестомъ предъ иконами тутъ находящагося колодца. Видишь на лицахъ ихъ еще, такъ сказать, слѣды глубокаго молитвеннаго настроенія, наполнявшаго ихъ простыя души въ глубокомъ подземномъ мірѣ пещеръ. Изъ Лавры спускаешься на обратномъ пути домой къ рѣкѣ и идешь по набережному шоссе, тянущемся съ одной стороны у самой подошвы длинной линіи горъ, съ другой по насыпи надъ берегомъ рѣки. Особенно прелестна эта дорога въ вечерніе часы, или часы послѣ полудня, близко къ вечеру. Отъ горъ падаетъ на шоссе прохлаждающая тѣнь, отъ рѣки вѣетъ тоже пріятною свѣжестью. Идешь, полною грудью вдыхая эту прохладу и оживляясь. Подходишь къ часовнѣ св. Николая, которая стоитъ какъ разъ противъ цѣпного моста. Какая трогательнѣйшая картина! Богомольцы одни перешли только что мостъ, вступили на священную для ихъ благочестивыхъ душъ почву Кіева и смиренно повергаются предъ иконою святителя въ чувствѣ благодарности къ Богу за совершенный ими трудный долгій путь. Другіе же уходятъ домой, тутъ же прощаются съ Кіевскою святынею такою же усердною молитвою и, еще много разъ набожно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вступаютъ наконецъ на полотно моста и въ путь-дорогу. Добрый путь вамъ, добрые люди! Продолжаешь идти по шоссе, все поглядывая на выси горъ, гдѣ расположенъ Царскій садъ, разглядываешь съ любопытствомъ эти овраги, осыпавшіеся отъ напора весеннихъ водъ громадныя глыбы красной глины и ила, любуешься рѣкою, медленно спускающимися по рѣкѣ плотами и барками, нагруженными лѣсомъ,

Библиотека "Руниверс"

видишь этихъ «Литвиновъ», въ грязныхъ задымленныхъ рубашкахъ, усердно работающихъ у руля переднаго и задняго, и тутъ же горитъ огонекъ, варится ужинъ. Не налюбоваться этою рѣчною идиліей. И вотъ подходишь къ набережному Крещатицкому памятнику св. равноапостольнаго Владимира. Здѣсь какая чудная картина! Уютно, подъ подошвою боковой горы, поднимается скромная бѣлая колонка памятника, опираясь на арки, скрывающія подъ собою колодезь родниковой воды, какъ эмблему крещенія Руси на этомъ мѣстѣ. Идешь дальше и съ жалостью прощаешься съ прелестнымъ шоссе, вступая въ уличную суету и шумъ главной улицы Подола, которую я все-таки часто обходилъ, пробираясь берегомъ почти до самаго квартала, гдѣ была наша квартира. А отсюда, что̀ день въ теченіе всего моего дѣтства и юности, что̀ день, видишь всю длинную красивую линію Кіевскихъ горъ съ Царскимъ садомъ на одномъ концѣ, съ Щекавицою на другомъ, съ уклонами горы надъ красиво въ виду рѣки поднимающеюся въ гору Александровскою улицею, вверху зданія Михайловскаго монастыря съ колокольнею, и прямо надъ тобою видишь опять это какъ бы небесное видѣніе, величественную церковь св. Андрея Первозваннаго, гордость, и красу, и вѣнецъ красотъ Кіева, видишь все это изо дня въ день, въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ долгой поры воспитанія: развѣ не значило это быть изо дня же въ день подъ непрестаннымъ, благотворнымъ вліяніемъ чудной природы Кіева? Развѣ не значило это изо дня въ день, какъ воздухъ, впивать въ себя въ пору впечатлительнаго дѣтства и молодости плодотворный поэтическій токъ, чувство поэзіи, конечно, не въ словѣ, не въ рѣчи геніевъ, поэтовъ, а въ жизни, въ тайникахъ души, въ стремленіяхъ сердца, въ просторѣ, въ свободѣ духа, въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ полномъ жизни духовномъ началѣ человѣка. Побываешь въ Софійскомъ соборѣ: какая кругомъ собора роскошная полянка! Можно обойти весь соборъ свободно, и ходишь, ходишь вокругъ подъ звуки соборнаго благовѣста, особенно пріятные какимъ-то музыкальнымъ отзвукомъ, который сладостно чувствуется слуху при каждомъ ударѣ языка о колоколъ. Въ этомъ Софійскомъ благовѣстѣ особенная прелесть, этотъ чудный аккордовый отзвукъ, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ колоколовъ монастырей Кіева и даже Лавры, хотя благовѣстъ Лавры таже музыка, особенно, своеобразно настроенная, которую слушалъ бы и слушалъ. Такъ и было со мною... Я нарочно выходилъ изъ церкви, чтобы послушать этой музыки въ колоколахъ съ участіемъ особо придѣланнаго металлическаго колеса шины, о которую съ такимъ искусствомъ и въ тактъ ударяютъ, вторя переливамъ колоколовъ. Сколько поэзіи! А скромный «цвинтарь» нашей приходской церкви, а такіе же тихіе, безмолвные уголки «цвин-

Библиотека "Руниверс"

таря» церквей Николая Добраго, Покрова Пресвятыя Богородицы, гдѣ я тоже почасту гулялъ, особенно въ часы вечера; а тѣнистыя аллеи Братскаго монастыря и садики академическіе, гдѣ такъ благодатно и счастливо текли многіе, многіе часы моего дѣтства и юности!.. Эта земля церковныхъ дворовъ, эта священная тишина, окружающая храмы Божьи, это уединеніе среди шумнаго города, сколько поэзіи они незамѣтно вливали въ душу мою, и мнѣ такъ сладостно, такъ пріятно было провести именно здѣсь свой вечерній досугъ... и отовсюду, картины: горы, церковь св. Андрея Первозваннаго... И солнце, закатывающееся за горы! Любя церковь, я любилъ бывать на торжественныхъ крестныхъ ходахъ въ день Преполовенія къ колодцу Самсона изъ Успенской церкви, въ день 1-го Августа и Богоявленія на Днѣпръ отъ Братскаго монастыря, при громадномъ стеченіи народа, при участіи войскъ, шпалерами размѣщавшихся по улицѣ и площади, и затѣмъ сопровождавшихъ возвращеніе крестнаго хода военною музыкою изъ нѣсколькихъ оркестровъ, поочередно игравшихъ. Даже печальныя погребальныя шествія производили на душу мою миротворное, успокоительное впечатлѣніе. Только въ Кіевѣ такъ торжественно хоронятъ покойниковъ, подъ благовѣсть полный, гармоническій всѣхъ церквей, мимо которыхъ несутъ покойника, подъ сѣнью развивающихся надъ гробомъ знаменъ Кіевскихъ церквей, обступающихъ гробъ съ обѣихъ сторонъ. Замолкаютъ на время колокола, поютъ пѣвчіе, перестаютъ пѣть, начинаетъ похоронный маршъ приглашенный оркестръ музыки. И подъ такимъ согласнымъ, дружнымъ сочетаніемъ музыки, пѣнія, колоколовъ, на всемъ пути къ кладбищу, провожаешь покойника въ чинномъ настроеніи духа, питая высокіе помыслы, услаждаясь и послѣднею честью, какую отдаютъ живые усопшему, провожая его столь торжественно къ мѣсту вѣчнаго покоя.

Среди такихъ впечатлѣній, окруженная такими величественными картинами роскошной Кіевской природы, протекала моя жизнь во весь періодъ моего ученія въ Гимназіи, въ періодъ уже сознательнаго отношенія къ окружающему міру, вдохновляя и поэтически настраивая мнѣ душу и служа прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что такъ воспитательно дѣйствовало на меня въ священной области вѣры, молитвы, церковныхъ пѣснопѣній, въ тихомъ кругу доброй, благочестивой семьи, при воздѣйствіи дружбы и братской любви незабвеннаго Аполлона Ивановича, и что въ свою очередь давала мнѣ проходимая мною въ это самое время школа—Гимназія.

Библиотека "Руниверс"

ДВА ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

къ генералъ-лейтенанту Фонъ-Фёрстеру.

Въ числѣ бумагъ умершей 9 Ноября 1890 года начальницы Тифлисской женской прогимназіи Екатерины Егоровны Митридатовой нашлись два собственноручныхъ письма императора Николая Павловича (когда онъ былъ еще великимъ княземъ) къ ея отцу генералъ-лейтенанту Фонъ-Фёрстеру: одно изъ Москвы, отъ 20 Мая 1818 года (чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ рожденія въ Москвѣ императора Александра II), касающееся вопроса объ укрѣпленіи Хотина, а другое изъ Петербурга, отъ 22 Февраля 1820 года, объ уплатѣ долговъ генерала Фонъ-Фёрстера. Къ сожалѣнію, о генералѣ Фонъ-Фёрстерѣ намъ ничего неизвѣстно, а въ бумагахъ покойной Митридатовой свѣдѣній относящихся къ ея отцу не сохранилось. Извѣстно только, что генералъ Фонъ-Фёрстеръ проживалъ въ сороковыхъ годахъ въ Одессѣ. К. Я.

I.

Moscou, le 20 May 1818.

J'ai appris avec grand plaisir l'accueil gracieux que vous avez reçu, général, de la part de Sa Majesté l'Empereur. Cela m'a été une nouvelle preuve bien flatteuse que Sa Majésté rend justice au mérite partout où il le trouve. Recevez en mes félicitations et croyez que sans vous connaître j'y prends le plus vif intérêt, comme regardant un de mes camarades des plus distingués. Ce n'est pas sans peine que j'ai appris par mon digne collégue, le général Opperman, que Sa Majesté paraissait disposée à abandonner Хотинъ, vu son site défectueux, et suis parfaitement d'accord avec votre opinion, que stratégiquement parlant c'est un point qu'il ne faut pas négliger, et qu'en outre la quantité de bons bâtiments en pierre, qui sont renfermés dans son enceinte, serait une perte véritable pour l'état si on les abandonnait. Quant au site, tant que je m'y connais, il n'est pas sans possibilité de le fortifier, ou du moins d'en profiter le plus possible pour un habile ingénieur. En conséquence de cela c'est vous, général, que je charge de faire un projet d'après vos idées pour fortifier Хотинъ; personne ne peut mieux que vous s'en acquitter: la connaissance parfaite que vous

Библиотека "Руниверс"

avez du lieu et vos lumières me sont garants de la réussite de la commission que je vous donne, et je vous prie de vous mettre d'abord à l'ouvrage; sitôt achevé, je vous prierais de me l'envoyer directement soit ici, soit à Pétersbourg, en y joignant un plan.

Croyez à la parfaite estime avec laquelle je me dis votre affectionné

Nicolas.

Перевод.

Москва, 20 Мая 1818 г.

Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ вамъ, генералъ, Его Величествомъ Государемъ Императоромъ; это было для меня новымъ и притомъ лестнымъ доказательствомъ того, что Его Величество воздаетъ должное заслугамъ, гдѣ бы онъ ихъ ни находилъ. Поздравляю васъ съ этимъ, и повѣрьте мнѣ, что хотя я и не знаю васъ лично, но я особенно въ этомъ заинтересованъ, такъ какъ дѣло касается одного изъ моихъ достойнѣйшихъ сослуживцевъ. Къ моему прискорбію, я узналъ отъ своего достойнаго товарища, ген. Оппермана, что Его Величество, повидимому, расположенъ бросить (abandonner) Хотинъ, въ виду его невыгоднаго мѣстоположенія: но я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что съ стратегической точки зрѣнія это мѣсто, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, и что, кромѣ того, бросать на произволъ судьбы извѣстное количество солидныхъ каменныхъ построекъ, находящихся въ крѣпостной оградѣ, составило бы для государства значительную потерю. Что же касается позиціи, то, насколько я понимаю дѣло, не представляло бы трудности способному инженеру укрѣпить ее, или по крайней мѣрѣ извлечь изъ нея возможную пользу. Вслѣдствіе этого, прошу васъ, генералъ, составить, согласно вашей идеѣ, проектъ укрѣпленія Хотина. Никто лучше васъ не можетъ исполнить это порученіе: основательное ваше знакомство съ этою мѣстностью и ваши познанія ручаются въ полномъ успѣхѣ возлагаемаго мною на васъ порученія. Прошу васъ приняться тотчасъ же за дѣло, и какъ только оно будетъ окончено, я просилъ бы васъ прислать мнѣ или прямо сюда, или въ Петербургъ, вашъ трудъ, съ присоединеніемъ плана.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ пребываю къ вамъ благосклонный

Николай.

II.

Le 22 Février 1820.

J'ai porté à la connaissance de Sa Majésté l'Empereur votre désir, mon général; mais Sa Majésté, à ma très grande satisfaction, a trouvé qu'il serait dommage de voir quitter son service à quelqu'un qui a toujours rempli sa carrière d'une manière aussi distinguée, et m'a ordonné en conséquence de vous informer qu'elle ne consentait pas à ce que vous vous retiriez.

Библиотека "Руниверс"

L'Empereur, supposant en même temps que c'est, peut-être, l'état un peu gêné de vos affaires qui vous engage à cette démarche, a bien voulu prendre connaissance de vos affaires, qui lui ont été communiquées, et a bien voulu donner ses ordres à m-r de Gourieff de faire les arrangements nécessaires pour pouvoir remplir votre dette. L'extrait que je joins ici vous donnera l'idée de ce dont je parle, et en même temps de ce que m-r du Gourieff juge possible de faire. Vous voudrez bien vous donner la peine de m'informer de votre résolution à se sujet, pour que je puisse la porter à la connaissance de Sa Majesté l'Empereur. Croyez à l'entièrement estime de celui qui sera pour la vie votre très affectionné

Nicolas.

Перевод.

22 Февраля 1820 г.

Я довелъ до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора о вашемъ желаніи, генералъ; но Его Величество, къ моему величайшему удовольствію, нашелъ, что было бы очень жаль лишиться того, кто всегда несъ свою службу съ такимъ отличіемъ. Вслѣдствіе этого, Государь повелѣлъ васъ поставить въ извѣстность, что онъ не соглашается на вашу отставку.

Государь Императоръ, въ томъ предположеніи, что, быть можетъ, нѣсколько стѣсненное положеніе вашихъ дѣлъ побуждаетъ васъ выходить въ отставку, соблаговолилъ познакомиться ближе съ вашими дѣлами, о которыхъ ему и доложено, и соблаговолилъ повелѣть г. Гурьеву сдѣлать необходимыя распоряженія, съ цѣлью погасить вашъ долгъ. Прилагаемая при семъ справка *) дастъ вамъ понятіе о томъ, о чемъ я говорю, и въ тоже время о томъ, что̀ г. Гурьевъ находитъ возможнымъ сдѣлать.

Было бы хорошо, еслибы вы дали себѣ трудъ увѣдомить меня, на что̀ вы рѣшастесь по этому предмету, чтобы я могъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора.

Прошу принять увѣреніе въ полнѣйшемъ уваженіи, которое сохранитъ пожизненно весьма расположенный къ вамъ Николай.

(*Сообщено съ подлинниковъ Кирилломъ Петровичемъ Яновскимъ*).

Извѣстно, что Николай Павловичъ, съ раннихъ лѣтъ жизни, занимался усердно инженернымъ искусствомъ и достигъ въ немъ большихъ успѣховъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество сооруженій его царствованія, возводившихся часто не безъ его личнаго участія. Слышно, что даже знаменитые редуты, давшіе возможность Севастополю такъ долго сопротивляться усиліямъ непріятелей, возведены не только по его указаніямъ, но и по его собственноручнымъ чертежамъ. П. Б.

---

*) Этой справки при подлинномъ письмѣ не сохранилось. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СЕРГІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

(1775—1847)

А. ДВА ПИСЬМА О НЕМЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

I. Къ Е. М. Хитровой [1]).

Остафьево, 2-го Сентября 1830 года.

Когда нужно найти адвоката, чтобы ходатайствовать о человѣкѣ, постигнутомъ немилостью или несчастіемъ, къ вамъ, добрѣйшая и любезнѣйшая Елисавета Михайловна, естественно обращаются мысли вашихъ друзей, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто васъ знаетъ и умѣетъ цѣнить. Поэтому вамъ не покажется страннымъ, что въ данномъ случаѣ и я къ вамъ обращаюсь. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ одномъ изъ № «Телеграфа» появился плоскій и злой пасквиль на князя Юсупова, по поводу Пушкинскаго посланія къ нему. Глинка, цензоръ этого журнала, лишенъ должности за то, что пропустилъ статью. Онъ виноватъ. Однако, придерживаясь болѣе буквы цензурнаго устава, чѣмъ духа нашей родины, онъ, хотя и цензоръ [2]), не обязанъ былъ распознать въ бытовой картинѣ портретъ вельможи, котораго онъ конечно могъ и не знать. Такимъ образомъ онъ въ полной невиновности могъ видѣть въ этомъ портретѣ личность съ самими общими чертами, непримѣнимыми къ тому или другому члену общества.

Но оставимъ это соображеніе; не будемъ защищать право, будемъ лишь защитниками несчастія. Глинка лишенъ должности по представленію попечителя Московскаго университета, князя Сергія Голицына—это мужъ нашего друга [3])—что̀ лишаетъ его въ полномъ смыслѣ слова всѣхъ средствъ къ существованію, къ удовлетворенію нуждъ многочисленной семьи. Цензоръ могъ быть виноватъ, но честный человѣкъ заслуживаетъ въ нѣкоторой степени быть изъятымъ отъ наказанія, а Глинка вполнѣ хорошій человѣкъ. Болѣе того: съ той точки зрѣнія, съ которой намъ подобаетъ смотрѣть, онъ постоянно былъ монархическимъ писателемъ. Его сочиненія всегда имѣли цѣлью поддержать и укрѣпить чув-

[1]) Переведено съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1895. Спб. 1898.

[2]) Непереводимая игра словъ: il n'était pas censé, tout censeur qu'il est, de reconnaître etc.

[3]) Т. е. княгини Евдокіи Ивановны, Princesse Nocturne; она не жила съ мужемъ.

Библиотека "Руниверс"

ства преданности къ престолу и алтарю, особенно во время войны 1812-го года. Власти всегда смотрѣли на него какъ на органъ и защитника твердыхъ началъ, и всѣ его сочиненія пользовались особеннымъ одобреніемъ правительства. И вотъ въ настоящее время этотъ человѣкъ доведенъ до нищеты и лишенъ будущаго, такъ какъ обязанности цензора отвлекли его отъ литературныхъ занятій, а теперь во многихъ отношеніяхъ для него слишкомъ поздно изыскивать средства къ существованію произведеніями своего пера. Пусть онъ наказанъ какъ цензоръ вслѣдствіе промаха или оплошности: было бы однако справедливо, чтобы правительство взглянуло на него какъ на честнаго человѣка, почтеннаго писателя, всегда ему бывшаго преданнымъ, какъ на несчастнаго, который, потерявъ свое жалованье, теряетъ единственный кусокъ хлѣба, какой онъ имѣлъ. Дѣло князя Ливена, министра народнаго просвѣщенія, дать ему пенсію во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ нашихъ литераторовъ, которые пользуются этимъ благодѣяніемъ. Такъ какъ мнѣ неизвѣстны ваши отношенія къ министру, и я не знаю, пожелаетъ ли онъ пересмотрѣть рѣшеніе, имъ самимъ возбужденное, то я вамъ укажу другіе пути къ той же цѣли.

Я просилъ сенатора Башилова, который имѣетъ счастіе пользоваться благорасположеніемъ великаго князя Михаила Павловича, чтобы онъ, во время его пребыванія въ Москвѣ, замолвилъ слово за бѣднаго Глинку; я ему даже передалъ маленькую записку почти того же содержанія какъ это письмо. Не знаю, воспользовался ли ею Башиловъ, но во всякомъ случаѣ постарайтесь сказать о ней великому князю. Его ходатайство передъ Его Величествомъ, чтобы Глинкѣ дали пенсію, было бы однимъ изъ прекрасныхъ и благихъ воспоминаній, которыя онъ оставитъ Москвѣ, уже преисполненной благодарности за благосклонность къ ней, имъ проявленную. И Глинка даже имѣетъ особенное право на состраданіе великаго князя, такъ какъ онъ крестилъ у Глинки одного ребенка. Если однако вы находите этотъ путь неудобнымъ, вы можете постучаться у сердца генерала Бенкендорфа.

Мнѣ нѣтъ надобности облегчать для васъ трудности: достаточно указать вамъ благородную и высокую цѣль, а затѣмъ можно положиться на наше вдохновеніе для достиженія ея. Но если одного желанія совершить просто доброе дѣло, исполнить долгъ нравственной пользы, недостаточно, чтобы подвигнуть васъ: то я могу отыскать въ отдаленномъ уголкѣ вашего сердца болѣе близкую, болѣе касающуюся до васъ побудительную причину *).

*) Елисавета Михайловна была вѣрнымъ другомъ Пушкину. См. о ней его письма къ князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Мартѣ и Ноябрѣ 1830 года.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Пушкинъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы Глинка не погибъ окончательно изъ за оплошности, въ которой онъ обвиненъ. Конечно Пушкинъ не виновенъ въ несчастіи Глинки; но однако, благодаря своему посланію, онъ тутъ нѣкоторымъ образомъ причиненъ: удары противъ князя Юсупова направлены были для того, чтобы поразить мимоходомъ Пушкина, и его имя по неволѣ связано съ опалою цензора. Я знаю, что онъ этимъ очень огорченъ и съ своей стороны сдѣлалъ попытки облегчить положеніе Глинки; дѣйствуя для того же, вы предупредите желаніе вашего друга или поможете его усиліямъ. Вотъ каково дѣло; оно вамъ представлено со всѣхъ сторонъ—христіанской и свѣтской. Мнѣ остается только сказать: помоги вамъ Богъ!

Уже давно я собирался писать вамъ и госпожѣ посланницѣ[1]), но я стыдился взяться за перо, чтобы говорить лишь о себѣ да о васъ, что̀ значило бы опять говорить вамъ о себѣ, такъ какъ я сталъ бы выражать вамъ обѣимъ чувства любви и преданности, которыя я питаю къ вамъ, во-первыхъ, отъ склонности, во-вторыхъ, изъ благодарности за все то, что̀ есть любезнаго и обязательнаго въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ. Надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ искренности этихъ чувствъ и все, что̀ я могу сказать по этому поводу, будетъ лишь повтореніемъ истины, молчаливо признанной.

Повергаю къ ногамъ госпожи посланницы

Посланницы боговъ, посланницы Австрійской [2]).

(дальше стихъ до слѣдующей почты)

вѣрноподданническія чувства моей признательности за доказательства ея памяти, которыя доходятъ до меня здѣсь. Я польщенъ, даже болѣе, тронутъ, видя, что среди великихъ событій древняго и *новаго міра* (слушайте, слушайте!), которыя поглощаютъ всѣ интересы и общее вниманіе, ея благосклонность переживаетъ мое отсутствіе. Ради этого или чего либо другого, не можете ли сообщить мнѣ что-нибудь о «Бразильянкахъ» (неизвѣстнаго мнѣ поэта), которыя нѣсколько времени тому назадъ были очень въ модѣ, а впрочемъ, можетъ быть, и теперь также?

По милости Пушкина, то что̀ вы ему посылаете доходитъ рикошетомъ до меня, и я благодаренъ вамъ. Онъ только что вчера [3]) уѣхалъ

---

[1]) Т. е. графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Фикельмонъ, женѣ Австрійскаго посланника. Она была дочь Е. М. Хитровой, къ которой написано это письмо.

[2]) Это въ подлинникѣ по русски.

[3]) Т. е. 1-го Сентября 1830 года. Пушкинъ былъ въ то время женихомъ. Передъ тѣмъ скончался въ Москвѣ бездѣтный дядя его Василій Львовичъ, послѣ котораго брату его (отцу Пушкина, Сергію Львовичу) досталось въ наслѣдство довольно значительное имѣніе, село Болдино. Отецъ позволилъ Пушкину заложить это имѣніе и полученныя деньги взять себѣ на свадьбу. Вотъ причина поѣздки Пушкина, въ холеру 1830 г., въ Болдино, которое, какъ и Михайловское, навсегда прославлено пребываніемъ поэта. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ свое Нижегородское имѣніе, и его отсутствіе должно затянуться недѣли на три.

Изъ нѣкоторыхъ губерній приходятъ къ намъ сюда довольно печальныя извѣстія: cholera morbus дѣлаетъ въ нихъ свои опустошенія. Но не безпокойтесь: это не въ той сторонѣ, куда уѣхалъ Пушкинъ. Губерніи Астраханская и Саратовская охвачены этимъ бѣдствіемъ, и оно грозитъ пограничнымъ съ ними губерніямъ—Пензенской и Тамбовской. Вотъ бичъ, который стоитъ Полиньяка [1]), и къ несчастію въ данномъ случаѣ для него нѣтъ оппозиціи.

Простите за длинное письмо, но благоволите воздать справедливость каллиграфическимъ усиліямъ, свершеннымъ мною, чтобы порадовать ваше зрѣніе [2]). Вѣдь мое письмо — картинка.

Благоволите, прошу васъ, напомнить обо мнѣ графу Фикельмону. Что̀ касается графини Екатерины Ѳедоровны, то надѣюсь, что она, какъ и подобаетъ, присоединяется къ вамъ и своей сестрѣ и раздѣляетъ чувства, выраженныя выше, *столь выше*, насколько возможно, такъ какъ я гордъ тѣмъ, что могу ихъ высказывать.

Теперь я объявилъ вамъ объ отъѣздѣ Пушкина, и мнѣ не придется уже ожидать отъ васъ писемъ: обращаюсь къ великодушному безпристрастію госпожи посланницы. Если у нея есть что-нибудь для васъ старое, а для нашего брата, отдѣленнаго отъ свѣта Китайской стѣной, новое, то ей слѣдовало бы мнѣ о томъ сообщить. А «Журналъ Преній» мы читаемъ и здѣсь.

Напослѣдокъ скажу, что Пушкинъ въ городѣ живетъ у меня и если вы будете ему писать или надумаете мнѣ отвѣчать, то вотъ мой адресъ: въ домѣ князя Вяземскаго, въ Чернышовскомъ переулкѣ.

Мнѣ осталось мѣста лишь для того, чтобы низко поклониться.

Вяземскій.

Записка о Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ.

С. Н. Глинка служилъ въ Архаровскомъ полку; въ 1800 г. вышелъ въ отставку маіоромъ.

1806 и 1807 г. служилъ по Смоленскимъ земскимъ войскамъ бригадъ-маіоромъ на собственномъ иждивеніи, былъ уже безпомѣстнымъ дворяниномъ; ибо родовое имущество свое, движимое и недвижимое, подарилъ онъ сестрѣ. За службу по милиціи получилъ право ношенія мундира и золотую медаль съ надписью: *за вѣру и отечество.*

---

[1]) Тогдашняго перваго министра во Франціи, одного изъ виновниковъ Французской Іюльской революціи 1830 года.

[2]) Князь П. А. Вяземскій обыкновенно писалъ своеобразнымъ, иногда трудно читаемымъ, почеркомъ.

Библиотека "Руниверс"

1812-го года Іюля 11-го первый въ Москвѣ записался въ ратники. На свой счетъ или, лучше сказать, продажею всѣхъ драгоцѣнныхъ вещей жены своей, снарядилъ онъ на службу въ Московское ополченіе нѣсколько чиновниковъ, о чемъ и свидѣтельство имѣетъ: 18-го Іюля 1812 года награжденъ орденомъ 4-й степени св. Владимира и рескриптомъ за подписью императора Александра. Въ рескриптѣ сказано, *что на него обращаютъ вниманіе за любовь его къ отечеству, доказанную сю дѣяніями и сочиненіями.* Въ тоже время довѣрены ему были многія важныя и денежныя порученія.

Вступя въ званіе цензора въ 1828 году, просилъ онъ, чтобы за службу его въ 1812 г. оставили его маіоромъ, дабы не перемѣнять, по бѣдности его, мундира и не платить за повышеніе чиновъ. Просьба его была утверждена вслѣдствіе докладной записки Шишкова, въ которой сказано было: *хотя бы и не слѣдовало оставить ему маіорскій чинъ, но сіе можно учинить за довольную двадцати-семилѣтнюю извѣстность по литературнымъ его трудамъ.*

Отставленный отъ цензорскаго званія, лишенъ онъ всякаго пособія. Ни за нимъ, ни за женой его имущества нѣтъ никакого. Дѣтей у него восемь человѣкъ; двое помѣщены въ казенныхъ заведеніяхъ, а шестеро дома. Если смерть постигла бы его, то жена и дѣти его пойдутъ по міру по улицамъ той Москвы, гдѣ онъ заслужилъ имя честнаго человѣка, преданнаго вѣрноподданнаго и гдѣ, въ роковой часъ ея, первый сталъ онъ подъ знамена ополченія.

Просятъ объ опредѣленіи ему пенсіи, по примѣру другихъ литераторовъ. Занимаемое имъ цензорское мѣсто нынѣ уничтожено, и можно было бы исходатайствовать всемилостивѣйшее обращеніе въ пенсію получаемаго имъ жалованья.

II. Къ Д. Г. Бибикову *).

Вы позволили мнѣ напомнить о себѣ письменно вашему превосходительству и желали знать, справедливы ли были слухи о тяжкой болѣзни Полеваго. Пользуясь обязательнымъ позволеніемъ вашимъ, я удовлетворяю вашему любопытству. Могу сказать вамъ положительно, что Полевой уже и на ногахъ. Съ одной стороны появленіе втораго тома Исторіи Русскаго народа, если не есть свидѣтельство совершеннаго здоровья, то по крайней мѣрѣ, есть вывѣска жизни; а съ другой, встрѣча моя съ нимъ на погребеніи нашего собрата по

*) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, изданіе графа С. Д. Шереметева, т. IX-й стр. 114 — 115. Д. Г. Бибиковъ былъ тогда начальникомъ князя П. А. Вяземскаго по службѣ ихъ въ Министерствѣ Финансовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

литературѣ и добрѣйшаго пріятеля моего Василія Львовича Пушкина, удостовѣряетъ, что онъ здоровъ. Жаль только, что отъ него не здоровится другимъ. За глупую статью о князѣ Беззубовѣ, напечатанную въ одной изъ книжекъ *Телеграфа*, цензоръ журнала его, С. Н. Глинка, лишился мѣста своего, а съ нимъ и единственныхъ средствъ къ пропитанію своему и содержанію многочисленнаго семейства. Всѣ въ Москвѣ жалѣютъ о бѣдной участи несчастнаго. Наказавъ цензора за оплошность (а почему цензору угадывать личности на лицо, которое, можетъ быть, ему и незнакомо?), не имѣли въ виду, что губятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добраго человѣка, бѣднаго семьянина и писателя, котораго вся жизнь была ознаменована честностью поступковъ и безпорочностью мнѣній, писателя, служившаго перомъ своимъ вѣрою и правдою правительству, особенно же въ 1812 году, когда Глинка былъ оракуломъ провинціи и Шатобріаномъ Московскаго ополченія. Но однакоже таковы горестныя слѣдствія отставки его. Онъ теперь рѣшительно безъ хлѣба. Если ваше превосходительство нашли бы случай замолвить кому-нибудь о немъ доброе слово, напримѣръ, для исходатайствованія ему пенсіи въ уваженіе прежнихъ заслугъ его, то истинно спасли бы вы несчастнаго отъ гибели.

*

Самъ С. Н. Глинка такъ вспоминалъ про свое горе[1]).

«По возвращеніи моемъ изъ Петербурга[2]), когда я явился въ Цензурный Комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавствомъ и будто неумышленно спрашивали, читалъ ли я посланіе Пушкина къ князю Ю.[3]). Тутъ къ сожалѣнію и сторонній цензоръ, остропамятный Аксаковъ, вслухъ и наизусть прочиталъ нѣсколько стиховъ, также сопровождая ихъ хитрой улыбкой. Между тѣмъ цензоръ Снегиревъ, читавшій Телеграфъ въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книжка Телеграфа ожидаетъ моей подписи, т. е. та роковая книжка, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «Утро у знатнаго барина, князя Беззубова»[3]). Въ ней выставленъ былъ какой-то князь Беззубовъ, имѣвшій собакъ Жужу, Ами и любовницу, какую-то Александру Ивановну, чистившую князя по щекамъ за то, что онъ упрекаетъ ее за нескромное гулянье въ Марьиной рощѣ съ Французомъ и

---

[1]) См. Записки его, СПБ. 1895, стр. 356—357.

[2]) Добродушный и откровенный С. Н. Глинка ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы оправдаться передъ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Ливеномъ противъ обвиненія его въ желаніи распространять *бунтовскія* сочиненія. Страхомъ Декабрьскихъ событій помрачался здравый смыслъ у тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей.

[3]) Глинка нѣсколько путаетъ заглавія и имена.

Библиотека "Руниверс"

снова заключившую съ нимъ миръ за ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ. Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензурованія этой книги Телеграфа, но я всегда стыдился, какъ говоритъ пословица, чужими руками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку Телеграфа, пошелъ я въ типографію Семёна. Читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросается стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на князя Ю. Отправляю къ издателю «Телеграфа» записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключить ни одной буквы. Что же оставалось цензору? Повиноваться Уставу, ибо онъ не дозволяетъ цензорамъ никакихъ замѣчаній. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявляетъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензурованія Телеграфа и запрещаетъ журналъ».

*

Сообщимъ нѣкоторыя подробности о злополучной статьѣ.

Въ приложеніи къ Московскому Телеграфу подъ заглавіемъ «Новый Живописецъ общества и литературы» № 10-й, Май 1830, были напечатаны сцены подъ названіемъ: *Утро въ кабинетѣ знатнаго барина.* Дѣйствующими лицами являются Подлецовъ, секретарь князя Беззубова, камердинеръ его, чиновникъ Честновъ, на котораго взвалена вся работа; самъ князь, изображенный лѣнивымъ, подписывающимъ бумаги кверхъ ногами, малоумнымъ, разслабленнымъ и сластолюбивымъ старичкомъ-развалиной, и его фаворитка Любовь Ивановна, таскающая за волосы своего покровителя, прогоняющая со службы князева секретаря и т. п.

Князь (къ Подлецову)... Что у тебя смѣшнаго?

Подлецовъ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, стихи вашему сіятельству.

Князь. Какъ! Стихи мнѣ? А! Это того стихотворца... Что онъ беретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ, умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ, что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

Князь. Нѣтъ! Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ *(беретъ листокъ).* Какъ жаль, что по-русски! *(читаетъ).* Не дурно; но что-то много, скучно читать. Вели перевести это по-французски и переписать экземпляровъ пять; я пошлю кое къ кому; а стихотворцу скажи, что по Четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слиш-

Библиотека "Руниверс"

комъ вѣжливо обходись съ нимъ: вѣдь эти люди забывчивы: ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ».

*

Вообще прекрасное посланіе Пушкина къ князю Николаю Борисовичу Юсупову вызвало цѣлый рядъ нелѣпыхъ кривотолковъ. Пушкина винили въ низкопоклонствѣ передъ знатью! *)

Въ заключеніе скажемъ, что старанія князя П. А. Вяземскаго увѣнчались успѣхомъ: С. Н. Глинка получилъ пенсію.

Б. ПИСЬМО С. Н. ГЛИНКИ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

С.-Петербургъ, 1844, 15 Сентября.

Душевный нашъ поэтъ и любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Что вамъ сказать? Вы, какъ ангелъ Божій, услышали голосъ страдалицы и поспѣшили къ ней на помощь. Ангельскимъ вниманіемъ вы успокоили каждый ея шагъ. Ваша заботливая нѣжность благотворенія отдалила отъ нея даже и мысль о нуждахъ путешествія. Ей оставалось только молить Бога за васъ.

Со слезами читалъ я письмо ваше къ нашей дочери и въ немъ услышалъ святой урокъ и для себя. Я христіанинъ; но сердце мое кипѣло негодованіемъ противъ женщины, которая, назвавъ нашу Анюту, какъ дочь, поступила съ нею!.. О, да проститъ ей Богъ, тотъ Богъ, Который, по живому вашему слову, все примиряетъ.

Вамъ извѣстно наше состояніе. У кого восемь человѣкъ дѣтей и нѣтъ никакой собственности, тому трудно, по желанію сердца своего, устроивать судьбу дѣтей. Казалось очень естественно ввѣрить дочь и отпустить за границу съ лицемъ, у котораго есть все, для всего нужнаго повсемѣстно. Не говорю о томъ, что эта женщина сулила намъ золотыя горы. Обольщенія ея не скрыли *ее* отъ глазъ моихъ. Сперва отвергалъ я общую о ней молву; потомъ самъ убѣдился и ни за что не хотѣлъ отпустить съ нею дочь, въ жертву ея прихотей; но это было уже передъ отъѣздомъ, и она вырвала Анюту изъ рукъ нашихъ.

Гибла дочь наша! И вы, повторяю еще, какъ ангелъ Божій, торопливою рукою отвлекли ее отъ пропасти. Стыдно мнѣ за это васъ благодарить. Небо дало вамъ и порывы духа творческаго, и порывы

*) Покойный С. А. Соболевскій любилъ вспоминать о своей поѣздкѣ въ прекрасное Архангельское вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Они ѣздили ранней весной, верхами, и просвѣщенный вельможа Екатерининскихъ временъ встрѣтилъ ихъ со всею любезностью гостепріимства. Полеваго же съ братьею онъ конечно не только бы не пригласилъ къ себѣ, но даже и не принялъ. Вспомнимъ, что тогда именно начата другомъ Пушкина барономъ Дельвигомъ „Литературная Газета“, и Полевой видѣлъ въ ней подрывъ своему „Московскому Телеграфу“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

добра. Небо благодарю за то, что оно создало васъ для уничтоженія суемудрія, будто бы человѣкъ все дѣлаетъ изъ одной холодной и расчетливой «личной выгоды или корысти».

Что я такое въ этомъ мірѣ, и какая выгода вамъ на неусыпной стражѣ во всемъ томъ, что ко мнѣ относится? И это вниманіе ваше существуетъ около сорока лѣтъ. Дѣлалъ ли я когда-либо что-нибудь для васъ? Никогда, никогда и ничего. Воспоминая минувшее, скажу мимоходомъ, что мнѣ удалось оказать маленькія послуги Н. М. Карамзину и И. И. Дмитріеву. 1805 года пріѣхалъ я изъ Петербурга съ запасомъ нѣсколькихъ бутылокъ Англинскаго портера. Нашъ исторіографъ оправлялся отъ болѣзни, и ему приказано было употреблять портеръ. Я прислужился. 1809 года, И. И. отправляясь на чреду министра и узнавъ, что у меня есть сочиненія *Макіавеля*, выпросилъ ихъ у меня читать. Тутъ хоть что-нибудь; а вы, вы спѣшили къ намъ всегда въ нашихъ бѣдахъ, въ нашемъ горѣ. Вы и теперь тоже ознаменовали надъ горестною жертвою.

Омирова *Одиссея* оживаетъ подъ вашимъ перомъ, и вы можете съ поэтомъ Греціи сказать:

> Honorons tous ce dieu puissant et révéré,
> Qui, tenant dans sa main la foudre et son égide,
> Conduit les pas errants de *l'indigent timide* (Livre VII).

Вы превзошли поэта. Дочь моя въ странствіи своемъ не видѣла и тѣни боязни и дивилась только спокойствію своему.

Да лелѣетъ вышній Промыслъ Своею благодатью и вашъ домъ, и колыбель вашей малютки. Весь вашъ сердцемъ и душою С. Глинка.

Приписки: 1) Que vous dirai-je, moi, dont vous avez sauvé l'avenir, vous, l'ange-gardien de mon honneur! Les sanglots me suffoquent. Vous, tous ceux auxquels vous m'avez confiée, ont mon âme, ma reconnaissance, ma vie! Oh, merci, merci! Je suis si heureuse! 2) Вѣсть о возвращеніи Анны пришла ко мнѣ въ храмѣ Божіемъ, и я молилась за васъ и вашихъ, виновникъ спасенія бѣдной дѣвушки. Вы знаете наше состояніе. Мы бы никогда не могли вырвать ее изъ этой пропасти. Богъ васъ наградитъ, а я только умѣю молиться. Мать Анны.

*

Изъ сохранившагося письма Анны Сергѣевны Глинки къ В. А. Жуковскому отъ 7 Сент. (1844) г., писаннаго въ Дюссельдорфѣ, видно, что упоминаемая выше особа была княгиня Е. И. Голицына: Mon malheureux sort m'a attaché à la princesse Eudoxie Galitzine, née Ismailoff, philosophe et géometre; elle a promis à mon père de me servir de mère-protectrice pendant mon voyage, et elle m'a maltraitée, abandonnée.

(Съ подлинника, сообщеннаго П. В. Жуковскимъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1858 *).

S-t Pétersbourg, 5 Juin. La tranquillité qui règne dans le pays n'est pas rassurante du tout. Non pas que je la crois peu sincère, mais elle tient évidemment à un malentendu. Elle tient à la confiance sans bornes du peuple dans l'Empereur, dans sa bienveillance et dans l'efficacité des intentions du Pouvoir en sa faveur. Oh, quand on est à même de voir ce qui se passe ou plutôt ce qui ne s'y passe pas, toute cette mollesse et ce décousu d'action, cette insuffisance de moyens si flagrante devant des difficultés si réelles, il est impossible, en présence de cette incurie apparente du gouvernement, si parfaitement à contre-sens dans la situation donnée, impossible, dis-je, de ne pas se laisser envahir par de vives appréhensions... Car non seulement personne ne sait ni ce qui se passe dans les Comités et où en est à l'heure qu'il est l'œuvre commencée, mais personne n'a même l'air de se soucier de le savoir. On ne pourrait pas moins parler de la chose que si elle était déjà faite et parfaite depuis une vingtaine d'années. Et cependant il est évident que rien jusqu'à présent n'a été sérieusement entamé comme réforme, bien que tout eût été mis en question, comme *statu quo*. Dernièrement j'ai dîné chez le prince Щербатовъ, curateur de l'université, en société de messieurs Хрущовъ et Валуевъ. Il n'a été question, comme de raison, à ce dîner que de la presse, de la censure, de la sottise arrogante des uns, de la pusillanimité des autres, de l'incapacité de tous... toutes choses mille fois dites, mille fois vraies et qui ne mènent à rien. Le lendemain j'ai dîné au Forestier chez les Wiasemsky en compagnie de m-r Павловъ, littérateur de Moscou très-connu. C'est un homme de beaucoup d'esprit et de talent, le même que sa femme, non moins connue que lui, a fait écrouer dans le temps par le comte Zakreffsky et exiler temporairement à Perm. Il est ici pour affaires. Il se sent la vocation, tout homme d'e-

*) См. первую книгу „Русскаго Архива" сего года, выпуски 1—4.

Библиотека "Руниверс"

sprit qu'il est, de fonder un nouveau journal politico-littéraire et qui, comme de raison, sera un journal-modèle et très supérieur à tous ceux qui existent déjà. Comme il n'a trouvé de sympathie et d'appui éventuel pour son projet qu'auprès de moi seul, il s'est cramponné à moi avec toute l'énergie du désespoir, ce qui pourrait peut-être devenir importun à moins désireux et besogneux que moi de société, surtout d'une société intelligente comme est la sienne.

J'oubliais de mentionner la cérémonie de la consécration de l'église d'Isaac dans laquelle j'ai figuré à titre de chambellan. C'était bien beau, mais malheureusement aussi bien long. Convoqués à 9 heures du matin au Palais d'Hiver, à 11 heures nous stationnions encore dans la grande cour du palais, parqués dans neuf voitures respectives et attendant le signal du départ. Toute la place couverte de troupe, aussi bien que les toits de spéctateurs. Tambours battant au champs, soleil magnifique et un charivari de musique inexprimable, grâce à ce feu de file de l'hymne national, qui éclatait sur toute la ligne à mesure que l'Empereur passait devant les rangs. Je me trouvais dans l'avant-dernière voiture du cortège dorée sur toutes les coutures, attelée de six chevaux et escortée de la livrée à pied. J'avais en face de moi deux individus plus anciens que moi à ce qu'il paraît, parsqu'ils étaient dans le fond de la voiture. L'un des deux était m-r З..... Je me sentais encore plus ennuyé que ridicule.

Vers une heure la consécration était finie. Une procession dont j'avais bénévolement pris partie, en côtoyant, hors des rangs, la personne d'A. Dolgorouky, était arrêtée dans l'eglise... C'est alors que me sentant accablé de fatigue et réduit à la dernière inanition, en étant d'ailleurs convaincu de la gratuité absolue d'une présence plus longue et ayant devant moi l'avenir vraiment effroyable d'une messe d'archévêque qui commencait à peine, suivie d'une панихида en mémoire des cinq souverains, fondateurs et édificateurs de l'église: Pierre I, Cathérine II, Paul, Alexandre et Nicolas, et d'un Te-Deum non moins solennel et non moins long pour l'Empereur régnant, c'est alors, dis-je, sous le coup de toutes ces influences impérieuses et irrésistibles, que j'ai fait ce qu'il était profondément dans ma nature de faire, en prenant la clef des champs, toute clef de chambellan qu'elle était, et m'en allant solitaire et superbe à travers les rues éblouies de mes splendeurs pour gagner par le chemin le plus direct ma chambre, ma robe de chambre et mon déjeuner, dont j'avais un pressant besoin.

Библиотека "Руниверс"

Персоны. Петербургъ, 5 Іюня.

Спокойствіе, царствующее въ странѣ, вовсе не успокоительно. Не то, чтобы я считалъ его неискреннимъ, но оно основано видимо на недоразумѣніи. Его основа въ безграничной вѣрѣ народа въ Императора, въ его доброжелательность, въ то, что стремленія Верховной Власти дѣйствительно ведутъ ко благу народа. Но когда имѣешь возможность видѣть, что̀ совершается или вѣрнѣе, чего не совершается, всю эту вялость и безсвязность въ поступкахъ, недостаточность дарованій, выступающую такъ ярко передъ дѣйствительными трудностями дѣла, о! лицомъ къ лицу съ этими явными промахами правительства, такъ полно находящимися въ противорѣчіи съ современнымъ положеніемъ, нельзя не предаться самымъ живымъ опасеніямъ за будущее... Ибо не только никто не знаетъ, что̀ происходитъ въ комитетахъ, или въ какомъ положеніи въ настоящую минуту начатая работа, но даже незамѣтно, чтобы кто-нибудь стремился узнать это. Нельзя было бы говорить объ этомъ дѣлѣ меньше, если бы оно уже было сдѣлано и передѣлано двадцать лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ ясно, что доселѣ ничего серьезнаго, въ смыслѣ реформы, и не было начато, хотя все поставлено подъ вопросъ, какъ statu quo. Недавно я обѣдалъ у кн. Щербатова, попечителя университета, въ обществѣ Хрущова и Валуева. Какъ и слѣдовало ожидать, только и разговору было за этимъ обѣдомъ, что о печати, о цензурѣ, о высокомѣрной глупости однихъ, о трусливости другихъ и о бездарности всѣхъ, о чемъ говорилось тысячу разъ, что̀ тысячу разъ справедливо, и что̀ все-таки не ведетъ ни къ чему. На другой день я обѣдалъ въ Лѣсномъ у Вяземскихъ, вмѣстѣ съ Павловымъ, очень извѣстнымъ Московскимъ литераторомъ. Это очень умный и талантливый человѣкъ. Это тотъ, котораго жена, не менѣе извѣстная, нѣкогда устроила, что гр. Закревскій посадилъ его въ тюрьму и временно выслалъ въ Пермь. Здѣсь онъ по дѣламъ. Какъ онъ ни уменъ, но чувствуетъ призваніе основать новый политико-литературный журналъ, который естественно долженъ быть примѣрнымъ журналомъ, стоящимъ гораздо выше всѣхъ уже существующихъ. Такъ какъ во мнѣ одномъ онъ нашелъ сочувствіе своему предпріятію и предполагаемую опору ему, то онъ и ухватился за меня съ энергіей отчаянья; пожалуй это показалось бы докучнымъ для иного, кто менѣе, чѣмъ я, жаждетъ и ищетъ общества, особенно общества дѣйствительно-умнаго человѣка.

Я забылъ упомянуть объ освященіи Исакіевскаго собора, гдѣ я присутствовалъ по праву камергера. Было очень красиво, но къ несчастью и очень долго. Мы были созваны въ Зимній Дворецъ къ 9 часамъ утра, а въ 11 еще стояли, запертые въ девяти поставленныхъ одна противъ другой каретахъ, на большомъ дворцовомъ дворѣ, ожидая знака къ выступленію. Площадь, вся покрытая толпой, зрители на всѣхъ крышахъ, барабанъ бьющій походъ, великолѣпное солнце и нестройные звуки неописуемой музыки, потому что народный гимнъ, непрерывно подхватываемый, звучалъ по всей

Библиотека "Руниверс"

линіи по мѣрѣ того какъ Императоръ проходилъ передъ рядами. Я ѣхалъ въ предпослѣдней каретѣ шествія, позолоченной по всѣмъ швамъ, запряженной шестерней въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ, шедшихъ пѣшкомъ. Передо мной сидѣло два господина, какъ оказывается, старше меня, потому что они были въ глубинѣ кареты. Одинъ изъ нихъ былъ З... Я чувствовалъ, что я еще болѣе скученъ, нежели смѣшонъ.

Въ часъ освященіе было окончено; начался крестный ходъ, въ которомъ я благоволилъ принять участіе, идя не въ порядкѣ, рядомъ съ княжною А. Долгорукою, и мы остановились въ церкви. Въ это время я чувствовалъ себя изнемогающимъ отъ усталости и отощавшимъ до послѣдней степени; притомъ я былъ убѣжденъ въ полнѣйшей безплодности дальнѣйшаго присутствія, а передо мной было прямо-таки ужасающее будущее, едва начавшаяся обѣдня, которую служилъ митрополитъ, съ панихидой въ память пяти государей, основателей и строителей храма: Петра I, Екатерины II, Павла, Александра и Николая, и съ молебномъ, не менѣе торжественнымъ и не менѣе длиннымъ, за здравіе царствующаго Императора. Тогда-то, подчиняясь всѣмъ этимъ настоятельнымъ потребностямъ и неодолимымъ соображеніямъ, я сдѣлалъ то, что было вполнѣ согласно съ моимъ характеромъ: я убѣжалъ (*здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ*). Выбирая кратчайшіе пути, возвращался я, одинокій и великолѣпный, по улицамъ, ослѣпленнымъ моимъ блескомъ, къ своему халату и къ завтраку, въ которыхъ я очень нуждался.

S-t Pétersbourg, 21 Juin. J'ai eu la chance de rencontrer à Павловскъ le grand-père aux romans, Dumas le père, qui y a été amené comme une bête curieuse par son cornac, l'homme de lettres *Григоровичъ*. Ce n'est pas sans quelque peine que j'ai percé la foule qui s'était amassée autour de l'illustre personnage, sur le compte duquel on échangeait à sa barbe et à haute voix les remarques plus ou moins stupides que son individu suggérait, ce qui ne paraissait pas le contrarier, ni même le gêner le moins du monde dans une conversation très-animée qu'il avait engagée avec une dame beaucoup trop connue, la femme divorcée de P. Dolgorouky le Bancal. Ce rapprochement était clair et inévitable, et le cadre dans lequel il se produisait au milieu de cette cohue de badauds curieux, était parfaitement assorti... Il avait la tête nue comme c'est son habitude, dit-on, et cette tête déjà grise rappelle vaguement celle de Lablache avec une expression de figure assez sympathique d'esprit, d'animation et de gaïté. Il est arrivé ici à la suite et aux frais du comte Кушелевъ, celui qui est marié à une personne aussi beaucoup trop connue, m-me Голубцовъ, dont la soeur va épouser le fameux *Hume*, l'évocateur des esprits.

Переводъ. Петербургъ, 21 Іюня.

Мнѣ посчастливилось встрѣтить въ Павловскѣ дѣдушку современнаго романа, Дюма-отца; его привелъ туда, какъ рѣдкаго звѣря, его корнакъ (вожатый) писатель Григоровичъ. Не безъ труда пробрался я сквозь толпу,

Библиотека "Руниверс"

собравшуюся вокругъ знаменитаго человѣка. На его счетъ громко и прямо ему въ лицо обмѣнивались болѣе или менѣе глупыми замѣчаніями, внушенными его личностью, и это, какъ кажется, нисколько не досаждало ему, даже ни въ малѣйшей степени не мѣшало очень оживленному разговору, завязавшемуся у него съ одной слишкомъ хорошо извѣстной дамой, съ разведенной женой П. Долгорукаго-Кривоножки. Это сближеніе было явнымъ и неизбѣжнымъ, и замѣчательно была подобрана къ нему обстановка, въ которой оно происходило, посреди шумнаго сборища любопытныхъ зѣвакъ... Дюма былъ съ открытой головой; говорятъ, что такая у него привычка. Его уже сѣдая голова чѣмъ-то напоминаетъ Лаблаша, вмѣстѣ съ общимъ довольно привлекательнымъ выраженіемъ ума, оживленія и веселости. Онъ пріѣхалъ сюда съ графомъ Кушелевымъ и на его счетъ. Это тотъ самый графъ Кушелевъ, который женатъ тоже на слишкомъ хорошо извѣстной особѣ, на Голубцовой *), а сестра ея выходитъ замужъ за вызывателя духовъ, Юма.

13 Juillet. Hume s'est produit dernièrement à Pétersbourg avec un éclat étonnant: une table suspendue en l'air avec une lampe dessus, qui ne tombait pas, une sonnette qui a passée de la main de l'Empereur dans celle du prince royal de Wurtemberg, l'Impératrice-Mère éprouvant la sensation peu habituelle d'une main qui se promenait sur elle. Mais Anna vous racontera cela mieux que moi, à moins qu'elle ne garde rancune à la table ou plutôt aux esprits qui ont exigé son renvoi de la chambre, aussi bien que celle d'Alexis Tolstoy et du c-te Bobrinsky, comme de trois êtres antipathiques à leur nature.

Перевод. 13 Іюля.

Недавно въ Петербургѣ Юмъ проявилъ себя съ удивительнымъ блескомъ: повисшій въ воздухѣ столъ съ лампой, которая не падала, звонокъ изъ рукъ Императора перешедшій въ руки наслѣднаго принца Виртембергскаго, довольно необычное ощущеніе, которое испытала Императрица-Мать, словно ее гладила чья-то рука. Впрочемъ Анна разскажетъ тебѣ все это лучше меня, если только она не сердится на столъ или вѣрнѣе на духовъ, которые потребовали, чтобъ ее удалили изъ комнаты, такъ же какъ Алексѣя Толстого и графа Бобринскаго, какъ три существа имъ антипатичныя.

23 Juillet. Dans la matinée, j'avais été voir Gortschakoff (à Peterhof) que je complimentai à l'occasion d'un prétendu traité conclu avec la Chine, par lequel celle-ci est censée nous céder avec les embouchures de l'Amour un territoire quatre fois aussi grand que toute la France et qui très certainement ne manquera pas de se peupler dans un millier d'années, ce qui n'empêche pas que si l'Empereur, pour re-

*) Любовь Ивановна Кроль, въ 1-мъ бракѣ Пенхержевская, во 2-мъ за Иваномъ Платоновичемъ Голубцовымъ, въ 3-мъ за графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородкою. Ея сестра была первою супругою знаменитаго Юма, который, по смерти ея, женился на Юліи Михаловнѣ Глумилиной, родной по своей матери племянницѣ С. Т. Аксакова.

Библиотека "Руниверс"

connaître ce haut fait diplomatique, s'avisait de donner au cher prince le titre du Prince de l'Amour, celui-ci n'en acceptât le titre avec une sorte de reconnaissance. Le pauvre Шеншинъ a succombé après deux jours de maladie à une attaque d'esquinancie. En voici un qui, s'il était vrai que les morts restent fidèles aux habitudes de leur vie d'ici-bas, ne manquera assurément pas de me revenir. Jamais personne, homme ou femme, n'a plus passionnément aimé et recherché ma société que ce cher défunt. Que la terre lui soit légère!

Et à cette occasion reparlerai-je de Hume, de ce pauvre Hume, une espèce d'imbécile, le plus candide, le plus simple des hommes, un véritable enfant malingre et qui par toutes ces raisons est un personnage d'autant plus inexplicable et renversant? Quant à moi, voici tout ce que je puis en dire. Dimanche dernier je dînais chez la vieille Julie Stroganoff, lorsque quelqu'un à table, c'était je crois moi, s'avisa de parler du mariage de Hume, qui devait avoir lieu ce jour même à 8 heures du soir à l'église Catholique. Aussitôt la brave vieille s'enflamme d'une curiosité immense d'aller assister à cette noce et nous persuade de l'accompagner. Nous voilà partis. La grande porte de l'église hermétiquement fermée, nous nous introduisons par une porte latérale dans la sacristie. Et là, après une heure d'attente, nous voyons arriver tout le cortège. Eh bien, moi qui étais à deux pas de Hume agenouillé devant le prêtre, j'affirme que je n'ai jamais vu un homme porteur d'une physonomie plus candidement insignifiante et plus absorbé dans la prière et le recueillement. Certes, il n'y a pas un brin du jongleur dans cette figure-là. Et cependant à Peterhof on était si parfaitement sous le coup des choses prodigieuses et renversantes dont on avait été temoin, que personne ne songeait à révoquer en doute leur réalité, mais aussi personne ne demandait à en voir la répétition. L'impression qui en est restée est celle d'une accablante tristesse. J'oubliais de dire qu'à ce mariage, auquel j'assistais, Hume avait eu pour garçons de noce le comte Alexis Tolstoy et le comte Bobrinsky. Les détails que j'ai recueillis d'Alexis Tolstoy, qui a quatre fois vu Hume à l'œuvre, dépassent toute créance: des mains *visibles*, des tables suspendues en l'air et faisant à volonté le mouvement d'un bâteau en mer etc. En un mot, la certitude *matérielle* et *palpable d'un monde surnaturel.*

Перевод. 23 Іюля.

Утромъ я ѣздилъ къ Горчакову (въ Петергофъ), чтобы поздравить его по поводу предполагаемаго договора съ Китаемъ, въ силу котораго Китай согласенъ уступить намъ вмѣстѣ съ устьями Амура область вчетверо больше всей Франціи, имѣющую лѣтъ въ тысячу несомнѣнно заселиться. Все это не мѣшаетъ тому, что милый князь принялъ бы съ особенной призна-

Библиотека "Руниверс"

тельностью титулъ князя Амурскаго, еслибъ Государь рѣшилъ ему пожаловать его въ ознаменованіе этого высокаго дипломатическаго событія. Бѣдный Шеншинъ умеръ послѣ двухдневной болѣзни отъ приступа жабы. Если правда, что умершіе остаются вѣрны здѣшней жизни, то вотъ кто конечно будетъ посѣщать меня. Никто никогда, ни мужчина, ни женщина не любили и не искали моего общества болѣе страстно, какъ этотъ дорогой покойникъ. Миръ его праху! [1])

Не заговорить ли по этому поводу опять о Юмѣ, о бѣдномъ Юмѣ, столь искренно принадлежащемъ къ числу людей недалекихъ, объ этомъ обыкновеннѣйшемъ человѣкѣ, просто хиломъ ребенкѣ, который именно по всѣмъ этимъ причинамъ и сталъ необъяснимой личностью, все перевернувшей вверхъ дномъ? Что до меня, то вотъ все что я могу сообщить о немъ. Въ это Воскресенье я обѣдалъ у старой Юліи Строгановой, и вдругъ кто-то изъ сидящихъ за столомъ, кажется даже я самъ, заговорилъ о женитьбѣ Юма, назначенной на тотъ самый день, въ 8 часовъ вечера, въ Католической церкви. Бодрая старуха тотчасъ возгорѣлась страстнымъ желаніемъ присутствовать на этой свадьбѣ и убѣдила насъ ее сопровождать. Вотъ мы отправились [2]). Такъ какъ главный ходъ въ церковь былъ наглухо запертъ, мы проникаемъ черезъ боковой въ ризницу. Тамъ, послѣ часового ожиданія, видимъ мы прибытіе всего свадебнаго поѣзда. Я стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Юма, когда тотъ преклонилъ колѣна передъ священникомъ, и я утверждаю, что еще никогда не видалъ, чтобы у человѣка было столь явно ничтожное выраженіе лица, столь сосредоточенно погруженное въ молитву. Поистинѣ, въ этомъ лицѣ нѣтъ ни тѣни обманщика. И въ тоже время въ Петергофѣ всѣ въ такой степени подъ давленіемъ чудесныхъ и невѣроятныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ были, что никому и въ голову не приходило заподозрѣть ихъ дѣйствительность, хотя никто и не пожелалъ видѣть повторенія. Осталось подавляющее, грустное впечатлѣніе. Я забылъ сказать, что шаферами Юма на свадьбѣ, на которой я присутствовалъ, были графъ Алексѣй Толстой и графъ Бобринскій. Подробности, которыя я слышалъ отъ Алексѣя Толстого, четыре раза видѣвшаго Юма за работой, превосходятъ всякое вѣроятіе: руки, которыя видимы, столы повисшіе въ воздухѣ и произвольно двигающіеся какъ корабль на морѣ и т. д. Словомъ, *вещественныя и осязательныя доказательства*, что *сверхъестественное существуетъ*.

6 Août. Je suis interrompu par l'arrivée d'un courrier, qui m'a été expédié par le ministre Kavalefsky, porteur d'un billet très-pressé, par lequel il m'enjoint de m'assurer, si c'est notre Comité de censure qui a laissé passer un certain numéro d'un journal publié par Dumas et qui s'appelle le Monte-Christo. Le hasard a fait que j'ai eu connaissance hier à Peterhof par la p-esse Saltikoff de l'existence de ce numéro, qui

[1]) См. біографію Николая Васильевича Шеншина въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года.

[2]) Идти было недалеко: графиня Строганова жила на Невскомъ, въ домѣ своего мужа, нынѣ принадлежащемъ Волжско-Камскому банку.

Библиотека "Руниверс"

contient, à ce qu'il paraît, quelques particularités assez indiscrètes sur la cour de Prusse. Heureusement notre pauvre Comité n'a pas à se reprocher une indulgence aussi criminelle, au moins pas en tant que Comité, et il faudrait supposer que c'est un des censeurs qui, sous sa responsabilité personnelle, a laissé passer le malencontreux numéro. En attendant, comme c'est par un ordre suprême que nous allons procéder à l'enquête, qui se trouve singulièrement entravée par les circonstances, que c'est aujourd'hui jour de fête, on peut se figurer dans quel pétrin cela nous mit et le peu de liberté d'esprit que cela me laisse.

Переводъ. 6 Августа.

Меня прервало прибытіе курьера, отправленнаго ко мнѣ министромъ Ковалевскимъ. Курьеръ привезъ спѣшную бумагу, въ которой предписывалось мнѣ разслѣдовать, нашъ ли Цензурный Комитетъ пропустилъ одинъ номеръ издаваемаго Дюма журнала подъ названіемъ Монтэ-Кристо. Случилось такъ, что я уже вчера въ Петергофѣ узналъ отъ кн. Салтыковой о существованіи этого номера, въ которомъ, какъ кажется, содержатся довольно нескромныя подробности о Прусскомъ дворѣ. По счастью, бѣдному нашему Комитету не приходится упрекать себя въ такомъ преступномъ потворствѣ, по крайней мѣрѣ какъ Комитету; надо предположить, что злополучный номеръ пропущенъ кѣмъ нибудь изъ цензоровъ подъ его личной отвѣтственностью. Такъ какъ приступимъ мы по высочайшему повелѣнію къ разслѣдованію, которое особенно загрудительно тѣмъ, что сегодня праздникъ, то можно вообразить, въ какомъ мы пока замѣшательствѣ и какъ мало свободы мысли оставлено мнѣ.

Moscou, 29 Août. Tout le long du chemin de fer, sur un espace de 300 verstes, nous avons côtoyé l'incendie. Conçoit-on le crétinisme du gouvernement, qui depuis trois mois regarde brûler les bois sur une étendue de plusieurs centaines de verstes, sans rien faire pour arrêter efficacement ce désastre? En arrivant ici, j'ai trouvé la cour établie à Ostankino.

Переводъ. Москва, 29 Августа.

Вдоль всего пути желѣзной дороги на протяженіи 300 верстъ ѣхали мы мимо пожара. Можно ли вообразить такую тупость правительства, что оно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, видя лѣсной пожаръ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, не дѣлаетъ ничего, чтобы дѣйствительно остановить это бѣдствіе? Пріѣхавъ сюда, узналъ я, что дворъ помѣстился въ Останкинѣ.

Moscou, 4 Septembre. J'ai fort bien passé mon temps ici. Le fait est que je vois à Moscou beaucoup plus de société intelligente dans quinze jours que je n'en vois dans six mois à Pétersbourg. Le salon *Сушковъ* est décidément fort agréable, et les ressources qu'offre la société du Club Anglais ne sont pas non plus à dédaigner. En un mot, je

Библиотека "Руниверс"

me serais estimé heureux de pouvoir rester ici encore un mois. Mais malheureusement jamais mon temps n'a été mesuré plus juste que cette fois-ci. Car, sans parler de Darie que l'Impératrice a appointée à Zarskoe du 10 ou 12 de ce mois, j'ai du promettre à mon départ à mes chers subordonnés du Comité de revenir dans leur giron avant le 15 de ce mois, attendu que c'est le dernier terme pour les présentations à faire. Or, il se trouve que j'ai toute sorte de présentations à faire en leur faveur pour des pensions, gratifications, avancements de rang et même pour des cordons, moi qui n'en ai jamais eu d'autres à ma disposition que, peut-être, des cordons de sonnette...

Avant-hier soir ma mère a absolument voulu voir la comète, et nous avons été obligés, Kitty et moi, de la conduire dans la cour entre dix et onze heures du soir pour la lui montrer. Il n'y a pas à dire, on a beau être civilisé et au-dessus de tous préjugés, il y a quelque chose dans la physionomie des comètes si évidemment exceptionnel parmi les constellations habituelles du firmament, quelque chose de si particulier qu'on est impressionné malgré soi. Celle-ci est une nouvelle venue et n'a jamais encore été observée.

Перевод. Москва 4 Сентября.

Я провелъ время здѣсь очень хорошо. Дѣло въ томъ, что за двѣ недѣли я видѣлъ въ Москвѣ больше мыслящихъ людей, чѣмъ въ Петербургѣ за полгода. Пріемы у Сушкова рѣшительно очень милы: не приходится отвергать и того, что̀ даетъ общество въ Англійскомъ Клубѣ. Однимъ словомъ, я считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ здѣсь остаться еще мѣсяцъ. Къ несчастью еще никогда время у меня не было разсчитано болѣе точно, какъ на этотъ разъ. Не говоря уже о Дарьѣ, которую Императрица назначила на 10—12 число въ Царское, я еще принужденъ былъ при отъѣздѣ обѣщать моимъ дорогимъ подчиненнымъ въ Комптетѣ, что вернусь въ ихъ сонмъ раньше 15-го, потому что это послѣдній срокъ дѣлать представленія. Вѣдь случилось такъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать въ ихъ пользу представленія всякаго рода, къ пенсіямъ, наградамъ, повышеніямъ въ чинѣ и даже къ орденскимъ лентамъ (cordons), хотя самъ я, если и распоряжался когда шнурками (cordons), то развѣ только шнурками отъ звонка.

Третьяго дня матушка пожелала непремѣнно видѣть комету. Между 10 и 11 часами вечера мы съ Китти, чтобы показать комету, должны были провести матушку во дворъ. Конечно, хорошо быть человѣкомъ образованнымъ и стоять выше предразсудковъ; но нечего говорить: есть что-то въ образѣ кометъ, столь рѣзко отличающемся отъ обычныхъ созвѣздій, что-то въ такой степени особенное, что противъ воли поддаешься впечатлѣнію. Эта комета—новоприпѣшая: она еще никогда не была наблюдаема.

S-t Pétersbourg, le 11 Septembre. J'ai encore une fois pris le congé de ma mère, j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté

Библиотека "Руниверс"

d'elle devant la Vierge de Kazan; encore une fois, en m'en allant de sa chambre. appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel et raisonnable. C'est inconcevable comme tout est redite dans la vie, comme tout paraît devoir durer éternellement et se répéter à l'infini, jusqu'à un certain moment, où tout-à-coup tout s'abîme, tout disparaît, et ce quelque chose qui avait tant de réalité, que vous sentiez aussi solide et aussi immense que la terre sous vos pieds, devient un rêve qui n'a d'existence que dans le souvenir et que le souvenir même à peine le conserve. Et quand dans une vie cette opération s'est reproduite plusieurs fois, quand plusieurs de ces réalités que l'on avait crues éternelles vous ont fui et laissé à sec: alors, bien que par une loi de la nature de l'homme l'illusion de la durée tende à se reproduire toujours, il y a sous cette illusion quelque chose d'éveillé, d'inquiet, de défiant, quelque chose enfin qui ne parvient plus à s'endormir tout-à-fait. On ne dort plus que d'un œil et en dépit de soi, on ne se sent plus vivre qu'au jour le jour.—La veille de mon départ de Moscou je suis allé chez la *Ростопчина* que j'ai trouvée souffrante, malade depuis tout l'été et se sentant. à ce qu'elle dit, déchirée et dépérie. Il est certain que la pauvre femme n'est plus qu'une ombre ou plutôt un éboulement; mais c'est toujours la même facilité ou plutôt la même impétuosité de babil, la même faculté de tout laisser s'évaporer en paroles.

Перевод. Петербургъ. 11-го Сентября.

Я еще разъ простился съ моей матерью, я еще разъ рядомъ съ ней сотворилъ три земные поклона передъ образомъ Казанской Божьей Матери, еще разъ уходя изъ ея комнаты устремилъ на нее послѣдній взглядъ. сопровождаемый все тѣмъ же предчувствіемъ, совершенно естественнымъ и разумнымъ. Просто удивительно, до какой степени все на свѣтѣ повторяется; обо всемъ кажется, что оно должно продолжаться вѣчно и повторяться въ безконечность; но наступаетъ мигъ, и вдругъ все уничтожается, все исчезаетъ; то нѣчто, бывшее столь дѣйствительнымъ, что̀ казалось намъ прочнымъ и безпредѣльнымъ какъ земля подъ ногами. вдругъ становится призракомъ, существующимъ только въ воспоминаніи, сохранить который едва въ силахъ и воспоминаніе. И такое явленіе повторяется въ жизни много разъ; цѣлый рядъ этихъ дѣйствительностей, казавшихся вѣчными, уходитъ отъ насъ, оставляя насъ ни съ чѣмъ. Тогда-то, хотя по человѣческой природѣ и остается стремленіе сохранить эту мечту о ихъ продолжающемся существованіи, но за этой мечтой появляется что-то безсонное, безпокойное, не подчиняющееся доводамъ, нѣчто, что̀ наконецъ уже ни на мигъ не затихаетъ совершенно: спишь только однимъ глазомъ и. противъ своей воли. чувствуешь. что живешь изо дня въ день. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы

Библиотека "Руниверс"

отправился я къ Растопчиной; я нашелъ ее больною, хворающею все лѣто, чувствующей себя, по ея словамъ, измученной и ослабѣвшей. Дѣйствительно, бѣдная женщина стала какой-то тѣнью или вѣрнѣе развалиной. Но у нея осталась прежняя легкость или, вѣрнѣе, прежняя горячность въ болтовнѣ, прежняя способность дать всему испариться въ словахъ.

13 Septembre. Aujourd'hui Mercredi j'ai encore mon Comité comme d'habitude, et hier en vue de ce Comité je suis allé parler à Kavalefsky (le ministre), qui lui aussi n'est guère plus fort que ces dévanciers et laissera les choses juste au même point. Mais aussi, il faut le dire, rien n'est possible dans les conditions données, et le problème à résoudre est tout bonnement insoluble: car il ne s'agit pas de moins que de faire exécuter un Oratorio de Haydn à des gens qui sont sourds et qui n'ont jamais été musiciens. L'entreprise est tellement insensée dans le sens le plus littéral du mot qu'il faudrait être fou soi-même pour croire à la possibilité d'une réussite... Le fond même de la situation actuelle est un malentendu permanent, et il y a si peu d'énergie, de volonté et de conviction de part et d'autre qu'à moins que des événements imprévus ne s'en mêlent, il n'y a pas de raison pour que ce malentendu ne se prolonge indéfiniment. Dans les journaux russes se trouvent les différents discours adressés par l'Empereur aux députés de la noblesse dans le cours de son voyage. Il n'y a que celui de Moscou qui n'ait pas encore été publié, et c'est le plus fort et le plus explicite. Tous ces discours prouvent assurément que l'Empereur veut très sincerement l'émancipation. Mais ceci n'est que la moitié de la tâche. Il ne suffit pas de *vouloir* pour *pouvoir*: il faut encore *savoir*.

Переводъ. 13 Сентября.

Сегодня, въ Среду, я по обыкновенію еще ѣду въ свой Комитетъ. Въ виду этого я ѣздилъ вчера поговорить съ Ковалевскимъ (министромъ). И онъ тоже ничѣмъ не сильнѣе своихъ предшественниковъ и оставитъ дѣла какъ разъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ до него. Но надо также сказать, что при существующихъ условіяхъ ничего и невозможно сдѣлать, и заданная задача по просту неразрѣшима: вѣдь дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе какъ о томъ, чтобы заставить исполнить Ораторію Гайдна людей никогда не бывшихъ музыкантами и вдобавокъ глухихъ. Предпріятіе до такой степени безсмысленное въ полномъ смыслѣ этого слова, что надо быть самому глупцомъ, чтобы повѣрить въ возможность успѣха... Сущность настоящаго положенія составляетъ одно постоянное недоразумѣніе: и съ той и съ другой стороны такъ мало рѣшительности, доброй воли и убѣжденія, что нѣтъ причинъ, чтобы это недоразумѣніе не продолжалось безконечно, если только сюда не замѣшаются неожиданныя обстоятельства. Въ Рус-

Библиотека "Руниверс"

скихъ газетахъ помѣщены различныя рѣчи, обращенныя Императоромъ къ представителямъ дворянства во время его путешествія. Не достаетъ только Московской рѣчи, еще не обнародованной, а эта самая сильная, выражающаяся особенно опредѣленно. Всѣ эти рѣчи окончательно доказываютъ, что Императоръ вполнѣ искренно хочетъ освобожденія. Но вѣдь это еще только половина дѣла. Не довольно *хотѣть*, чтобы *мочь*; надо еще *умѣть*.

23 Septembre. C'est aujourd' hui qu'arrive l'Empereur. L'accueil qu'on lui a fait dans l'Occident de son Empire, Vilna, Grodno, Varsovie, a été aussi chaleureux, aussi empressé, que dans la Russie russe. Voici une particularité qui m'a été certifiée. A son arrivée à Varsovie il s'est rendu d'abord dans l'église Russe, mais aussitôt après il est allé dans la Cathédrale de S-t Jean, la première église catholique à Varsovie, chose que son père n'avait jamais faite, et cette démonstration, si parfaitement naturelle et convenable, a produit, dit-on, une impression très favorable sur les Polonais qui ne demandent qu' à se laisser impressionner. Ici en attendant, les premières impressions qui l'attendent à sa rentrée à Tsarskoé ne seront guère d'une nature aussi aimable. S'imagine-t-on qu'aux portes mêmes de Tsarkoé, à Pawlovsk, une bande de canaille, voilà bientôt quelques semaines, s'amusent à incendier les maisons de la ville? Mardi dernier on y a mis le feu pour la quatrième fois, et chaque fois ils font la facétie d'en prévenir d'avance la police, qui jusqu' à présent n'a fait que jouer au colin-maillard avec eux. Ils ont manqué mettre le feu au palais, si bien qu'on a été obligé d'établir des piquets tout autour pour le mettre à l'abri du danger.

Переводъ, 23 Сентября.

Государь пріѣзжаетъ сегодня. Пріемъ, оказанный ему на Западѣ Имперіи, въ Вильнѣ, Гродно, Варшавѣ, былъ столь же горячимъ, столь же радушнымъ, какъ и въ Русской Россіи. Вотъ подробность, за которую мнѣ ручались. По пріѣздѣ въ Варшаву онъ посѣтилъ сначала Русскую церковь, но тотчасъ же послѣ отправился въ соборъ Св. Яна, въ главную изъ католическихъ церквей Варшавы, чего никогда не дѣлалъ его отецъ, и этотъ поступокъ, вполнѣ естественный и умѣстный, произвелъ, какъ говорятъ, очень благопріятное впечатлѣніе на Поляковъ, которыя всегда готовы поддаться впечатлѣнію. А здѣсь, первыя впечатлѣнія, которыя ожидаютъ его при возвращеніи въ Царское, пока вовсе не обѣщаютъ быть привѣтливыми. Можно ли вообразить, что у самихъ дверей въ Царское, въ Павловскѣ, шайка мерзавцевъ забавляется вотъ ужъ нѣсколько недѣль тѣмъ, что поджигаетъ городскіе дома? Въ эту Среду они совершили поджогъ въ четвертый разъ, и каждый разъ они шутятъ еще тѣмъ, что извѣщаютъ заранѣе полицію, которая до сихъ поръ только играетъ съ ними въ жмурки. Они чуть не подожгли дворецъ, такъ что принуждены были установить вокругъ него сторожевые посты, чтобы защитить его отъ опасности.

Библиотека "Руниверс"

28 *Septembre.* Avant-hier j'ai dîné chez le prince Gortschakoff, la première fois après son retour, et il m'a conté beaucoup de particularités intéressantes sur leur séjour à Varsovie. Il m'a confirmé la réception enthousiaste faite à l'Empereur, déterminée en grande partie par la démonstration à l'église catholique qui a été comprise et acceptée comme le gage d'une ère nouvelle etc., etc. Il y avait là beaucoup de princes étrangers, entre autres le prince Charles de Bavière, une foule de Piémontais; mais le personnage le plus en vue et le plus curieux c'était le prince Napoléon venu en 54 heures de Biaritz à Varsovie. Il paraît qu'on a été très satisfait de lui et qu'on l'a trouvé ce qu'il est, dit-on, en effet, un homme de beaucoup d'esprit. Gortschakoff m'a raconté qu'en parlant de lui-même le sus-dit prince Napoleon lui a dit: «Croyez-moi, je vaux mieux que ma réputation; mais il est vrai, a-t-il ajouté, que cela ne veut pas beaucoup dire.»... Toute cette restauration du monde Napoléonien non pas seulement dans les faits, mais dans l'opinion des hommes et surtout dans l'opinion des cours, est pourtant une chose prodigieuse et prouve en définition tout le néant de nos soi-disantes convictions et de nos soi-disants principes, en présence de cette force brutale qui s'appelle le succès, mais qui souvent, toute brutale qu'elle est, est plus intelligente que les plus intelligents d'entre nous...

Je vais aux cours de l'Université; j'y ai été l'autre jour entendre deux nouveaux professeurs dont l'un est le ci-devant aumônier de notre légation de Berlin, le père *Палисадовъ*. C'est un homme de talent partout remarquablement bien, surtout en orateur, et avec cela une des plus belles figures de Christ que l'on puisse voir. Pas moins c'est toujours un problème à peu près insoluble de nos jours, surtout pour un prêtre, que d'avoir à prêcher la doctrine chrétienne, la philosophie chrétienne devant un auditoire composé de jeunes gens, tous plus ou moins infatués des droits de la raison, auxquels ils tiennent d'autant plus, qu'ils en usent moins. Cette maladie est générale et doit être considérée comme aussi naturelle et fatale que toutes les maladies physiques, qui accompagnent le devéloppement de l'organisme humain. Mais chez nous elle se complique malheureusement d'une circonstance tout-à-fait locale, c'est le besoin servile d'imitation étrangère, la plate prostration des intelligences indigènes, et cela par esprit de révolte, bien souvent, devant toute autorité du dehors.

Перевод, 28 Сентября.

Третьяго дня я обѣдалъ у князя Горчакова, въ первый разъ послѣ его возвращенія, и онъ разсказывалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о

Библиотека "Руниверс"

ихъ пребываніи въ Варшавѣ. Онъ подтвердилъ мнѣ, что Государю былъ сдѣланъ восторженный пріемъ, въ значительной степени вызванный демонстраціей въ католической церкви, которую приняли и поняли, какъ залогъ новой эры и пр. Тамъ было много иностранныхъ принцевъ, среди нихъ принцъ Карлъ Баварскій, толпа Пьемонцевъ: но самымъ замѣчательнымъ лицомъ, возбуждавшимъ наибольшее вниманіе, былъ принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ 54 часа изъ Біарица въ Варшаву. Какъ кажется, имъ были очень довольны: находили его именно тѣмъ, каковъ по слухамъ онъ на самомъ дѣлѣ, умнымъ человѣкомъ. Горчаковъ разсказывалъ мнѣ, что, говоря о себѣ самомъ, упомянутый принцъ Наполеонъ, сказалъ ему: „Вѣрьте, я лучше, чѣмъ обо мнѣ говорятъ; впрочемъ, добавилъ онъ, это еще очень немного..." Все же надо назвать чуднымъ явленіемъ это совершившееся возстановленіе Наполеоновъ, не только въ жизни, но и въ общественномъ мнѣніи, особенно во мнѣніи дворовъ. Оно опредѣленно доказываетъ все ничтожество нашихъ такъ называемыхъ убѣжденій и такъ называемыхъ принциповъ передъ лицомъ той грубой силы, которую зовутъ успѣхомъ и которая зачастую, какъ бы ни была она груба, оказывается болѣе разумной, чѣмъ первые разумники среди насъ.

Я хожу на Университетскія лекціи: недавно я былъ тамъ, чтобъ послушать двухъ новыхъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ бывшій священникъ при нашемъ посольствѣ въ Берлинѣ о. Палисадовъ. Это даровитый человѣкъ, гдѣ бы онъ ни былъ, особенно какъ ораторъ, и кромѣ того по внѣшности одинъ изъ лучшихъ представителей Христа, какого только можно увидать. Все же остается почти невыполнимою задачею нашихъ дней, особенно для духовнаго лица, проповѣдь христіанскаго ученія, философіи христіанства, передъ аудиторіей, состоящей изъ молодыхъ людей, болѣе или менѣе поклоняющихся правамъ разума, за которыя они держатся тѣмъ болѣе страстно, чѣмъ менѣе сами ими пользуются. Это всеобщая болѣзнь, и на нее должно смотрѣть также, какъ на всѣ естественныя и необходимыя болѣзни, сопровождающія развитіе человѣческаго организма. Только у насъ она горестнымъ образомъ осложняется однимъ чисто-мѣстнымъ обстоятельствомъ: холопской привычкой подражать иностранному, пошлымъ самоуниженіемъ родного духа передъ всякимъ иноземнымъ авторитетомъ, очень часто изъ жажды противорѣчить всякой внѣшней силѣ.

*

Имѣя передъ собою подлинники этихъ прекрасныхъ писемъ, читатели извинятъ намъ нѣкоторыя изъяны и неточности Русскаго перевода ихъ. Ѳ. И. Тютчевъ такъ тонко чувствовалъ и думалъ и кромѣ того такъ владѣлъ Французскимъ языкомъ, что передавать его письма на другомъ языкѣ почти невозможно. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ДОНСКІЕ АТАМАНЫ ЗА ПОСЛѢДНІЕ ПОЛВѢКА.

Въ прошломъ 1898 году минуло полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ Донскіе войсковые атаманы стали назначаться лица, не принадлежащія къ Донскому казачьему сословію. Теперь есть возможность подвести болѣе или менѣе опредѣленные итоги дѣятельности сихъ лицъ, въ большинствѣ своемъ, вступавшихъ въ должность безъ предварительнаго знакомства съ жизненными условіями Донского края, главная часть населенія котораго несетъ поголовную воинскую повинность на собственный счетъ.

Намъ неизвѣстно, какія причины послужили правительству основаніемъ къ тому, чтобы Донскіе генералы были какъ бы на всегда исключены изъ кандидатскихъ списковъ на этотъ отвѣтственный постъ; но едва ли сдѣлаемъ грубую ошибку, если скажемъ, что причины эти кроются въ опасеніи *непотизма*, такъ вредно вліяющаго на служебное дѣло И дѣйствительно, Донской уроженецъ, имѣя большое родство, съ юныхъ лѣтъ своихъ, кромѣ того, непзбѣжно запасается личными симпатіями и антипатіями, и все это, вмѣстѣ сложенное, даже и у недюжиннаго человѣка, не можетъ не отражаться вредомъ для службы въ ту пору, когда онъ займетъ атаманскую должность. Другой причины нечего искать, пбо предъ правительствомъ всѣ подданные равны; вопросъ сводится только къ взвѣшиванію личныхъ достоинствъ кандидата, какого бы происхожденія онъ пи былъ. Такимъ образомъ, непотизмъ— главная, если не единственная, причина порядка вещей, обратившагося на Дону какъ бы въ законъ съ 1848 года. Но поставимъ вопросъ: въ какой же степени достигается такимъ поворотомъ преслѣдуемая цѣль и терпитъ ли отъ него непотизмъ ту неформальную только, а дѣйствительную силу, которая губительно отражалась на дѣлахъ Донского управленія? Чтобы опредѣлить эту степень, необходимо сдѣлать краткій обзоръ пятидесятилѣтія, окончившагося въ прошломъ году.

Первымъ иногороднымъ наказнымъ атаманомъ былъ Михаилъ Григорьевичъ *Хомутовъ* (1848—1862), который до того прожилъ на Дону, въ качествѣ начальника штаба, около десяти лѣтъ и, какъ человѣкъ въ высшей степени любознательный, еще до вступленія въ ата-

Библиотека "Руниверс"

манскую должность, изучилъ край во всѣхъ подробностяхъ. Это былъ человѣкъ высокаго практическаго ума, неустанной энергіи, проявлявшейся какъ для «высшихъ соображеній», такъ равно и для мелочей. Это былъ «маленькій» Петръ Великій для Донской земли, гдѣ до сихъ поръ еще не стерты рѣзкіе слѣды его разнообразной и кипучей дѣятельности, не смотря на то, что власть его была ограничена какъ широкимъ выборнымъ правомъ, предоставленнымъ Донскому дворянству, избиравшему лишь во всѣ войсковыя должности, начиная отъ засѣдателя (станового) и кончая старшими членами войскового правленія, гражданскаго и уголовнаго судовъ и даже окружными генералами (чисто-военная должность), такъ и тѣмъ, что въ его время должность наказного атамана не имѣла, какъ теперь, ни генералъ-губернаторскихъ, ни начальника военнаго округа правъ. Всѣ, кто помнитъ Хомутовское время, видѣли этого неустаннаго работника, съ самаго ранняго утра, или прохаживающимся по базару, гдѣ онъ часто и собственноручно расправлялся съ торговцами за нечистоту въ лавкахъ и около нихъ; или взобравшимся на какую-нибудь, даже частную, постройку и укоряющимъ каменщика за то, что онъ не такъ тщательно укладываетъ кирпичъ, какъ слѣдовало; или принимающимъ у себя доклады по всѣмъ частямъ управленія, не исключая и утвержденія приговоровъ уголовнаго суда; потомъ засѣдающимъ въ войсковомъ правленіи, гдѣ ему часто приходилось не приказывать, ибо члены этого учрежденія были выборные, а убѣждать; или гуляющимъ въ Александровскомъ саду не только для того, чтобы на свободѣ подышать чистымъ воздухомъ, а главное—въ цѣляхъ наблюденія за ростомъ этого, созданнаго имъ, дѣтища, служащаго и по сіе время (хотя достаточно уже запущеннаго) Новочеркасскому обывателю единственнымъ убѣжищемъ отъ лѣтней духоты и пыли; то дѣлающимъ у себя воскресные пріемы всѣмъ чинамъ, отъ мелкихъ и до крупныхъ включительно, и кротко бесѣдующимъ, чуть не съ каждымъ изъ нихъ, о служебной злобѣ дня; то, наконецъ, цѣлые мѣсяцы разъѣзжающимъ по области, гдѣ на станичныхъ сборахъ онъ бесѣдовалъ съ казаками, выслушивая свѣдѣнія объ ихъ нуждахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, провѣряя на мѣстѣ дѣятельность младшихъ начальниковъ. Самые злѣйшіе враги, которыхъ у Хомутова было достаточно, не могли отказать ему въ точно такой аттестаціи съ прибавленіемъ, разумѣется, указанія на его недостатки, которыхъ этотъ генералъ не былъ лишенъ, такъ какъ былъ тоже человѣкъ, а къ тому же не получившій не только серьезнаго, но, кромѣ домашняго, почти никакого образованія (ибо даже Русскую грамату не зналъ какъ слѣдуетъ). Хотя Хомутовъ не имѣлъ на Дону родства, но это не мѣшало ему создать около себя клику любимцовъ, пользовавшихся его

Библиотека "Руниверс"

полнымъ довѣріемъ, и особый отдѣлъ лицъ, къ которымъ онъ относился съ замѣтнымъ предубѣжденіемъ. Выходитъ, что въ данномъ случаѣ непотизмъ, хотя и не родственный, все же игралъ роль, правда, весьма неважную, далеко не достигающую тяжести, которая была бы въ состояніи переважить ту чашку вѣсовъ, гдѣ грузно покоились рабочія достоинства этого правителя. Въ его время ходило очень много разсказовъ о его корыстныхъ шагахъ, будто бы давшихъ ему возможность пріобрѣсти чуть не милліоны; но такъ какъ этихъ обвиненій провѣрить не было возможности ни тогда, ни, тѣмъ болѣе, по истеченіи почти сорока лѣтъ со времени оставленія имъ атаманской должности, то извѣты эти и не должны проходить въ ту область, гдѣ мѣсто только дѣлу. Въ заключеніе нельзя умолчать о томъ, что Хомутовъ былъ сторонникомъ просвѣщенія Донского края: при немъ открыта Усть-Медвѣдицкая гимназія; окончившіе курсъ въ университетахъ Донскіе уроженцы поощрялись имъ въ служебной карьерѣ до того, что въ послѣднее время его атаманства въ личномъ штабѣ его было довольно значительное (болѣе половины) количество университетскихъ воспитанниковъ; по станицамъ открыто много школъ, и Новочеркасская гимназія была образцовою, какъ по количеству воспитанниковъ, такъ и по качеству учебнаго персонала; Хомутовскіе мостовыя и тротуары въ Новочеркаскѣ существуютъ до сихъ поръ. Пробывъ на Дону около 23 лѣтъ и оставивъ по себѣ такую неизгладимую память, Хомутовъ, однако, не былъ польщенъ званіемъ Донского казака, которымъ впослѣдствіи удостоены почти всѣ его преемники, и только послѣ смерти этого знаменитаго дѣятеля одна изъ Донскихъ станицъ названа Хомутовскою.

Преемники Хомутова, какъ практическіе дѣятели, отстаютъ отъ него на далекое пространство. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный герой отечественной войны, потомъ Дуная и затѣмъ Кавказа, честный, прямодушный, человѣкъ-философъ въ полномъ значеніи этого слова, престарѣлый Павелъ Христофоровичъ *Граббе* (1862—1866). Это былъ человѣкъ «не отъ міра сего», а потому практическая сторона управленія была ему такъ же чужда, какъ всякая несправедливость. Это былъ единственный Донской атаманъ, который былъ далекъ отъ непотизма*). Но это не мѣшало ввѣренному его управленію краемъ идти весьма не шибко, весьма неопредѣленно, безъ всякой системы, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было руководительства. Граббе справедливо слѣдуетъ назвать воспитателемъ Новочеркасскаго общества, ко-

*) На одномъ изъ большихъ пожаровъ онъ, при всѣхъ окружавшихъ, нелестно отнесся къ своему зятю, вмѣшавшемуся не въ свое дѣло.

Библиотека "Руниверс"

торое онъ часто собиралъ у себя, и велъ историческія и философскія бесѣды, проповѣдуя объ идеалахъ добра и правды. Не только съ подчиненными и равными себѣ, Граббе и предъ высшими не умѣлъ молчать. Когда, въ 1863 году, на пароходной палубѣ, между лицами свиты покойнаго цесаревича Николая Александровича возникъ споръ о томъ, какимъ родится человѣкъ, добрымъ или злымъ, и великій князь высказалъ свое мнѣніе, что человѣкъ родится добрымъ, но что разныя неблагопріятныя обстоятельства жизни вынуждаютъ его на злыя дѣла, то Граббе, не принимавшій до того участія въ разговорѣ, вскочилъ съ своего мѣста, приблизился къ Наслѣднику и громко произнесъ..... «И останьтесь, ваше высочество, съ такимъ убѣжденіемъ на всю жизнь. Вы будете благодѣтелемъ своего народа».

Замѣтивъ въ управленіи Донскимъ краемъ значительные пробѣлы, правительство, въ 1865 году прислало на Донъ генерала Потапова, который занялъ должность наказного атамана; а Граббе, возведенный въ тоже время въ санъ атамана войскового, т. е. полнѣйшей синекуры, не долго оставался на Дону въ этомъ званіи и въ концѣ 1866 года, получивъ графское достоинство, уволенъ былъ отъ должности и поселился въ своей Малороссійской деревнѣ, сохранивъ до конца жизни отрадное воспоминаніе о своемъ пребываніи на Дону. При его содѣйствіи открыта въ Новочеркасскѣ первая частная газета, «Донской Вѣстникъ», начальный номеръ котораго онъ искренне привѣтствовалъ и былъ подписчикомъ на это изданіе даже и послѣ оставленія имъ должности войскового атамана. Новочеркасскіе старожилы сохраняютъ въ свѣжей памяти симпатичныя качества этого маститаго рыцаря, сумѣвшаго передать ихъ и своимъ дѣтямъ; сыновья его—Александръ, убитый во время Польскаго мятежа, Михаилъ, впослѣдствіи павшій подъ Карсомъ, и дочери: дѣвица Ольга и замужнія (Мосолова и Флитингофъ) привлекали къ себѣ всѣхъ своею искреннею любезностью и такою же простотою обращенія.

Атаманъ Александръ Львовичъ *Потаповъ* (1865—1868) былъ «человѣкъ бумаги» въ полномъ значеніи этого слова. Если къ этому качеству прибавить еще его постоянныя опасенія «колебанія основъ», возможныя, по его мнѣнію, даже и на Дону, котораго онъ, кстати сказать, не зналъ ни прежде, ни послѣ своего атаманства, то онъ будетъ очерченъ вполнѣ. Этотъ человѣкъ любилъ подписывать бумаги въ такой же степени, какъ и пить чай. Весь рабочій день онъ подписывалъ предписанія, подтвержденія, предложенія, рапорты и донесенія, присыпалъ ихъ пескомъ, ровнялъ, любовно укладывалъ въ портфели цѣлыя стопы этого матеріала, и, видимо, восхищался тѣмъ, что сдѣлалъ много дѣла. За такой работой проводилъ онъ время до 2—3 часовъ ночи,

Библиотека "Руниверс"

начиная ее постоянно съ 10—11 часовъ дня при небольшихъ перерывахъ *). Потаповъ не могъ выносить противныхъ мнѣній, а потому, предположивъ, что широкое выборное право, которымъ до него пользовалась Донская земля, можетъ послужить началомъ къ «колебанію основъ», онъ представилъ о неудобствахъ такого порядка для управленія краемъ и въ 1867 году достигъ своей цѣли: выборы на Дону остались только для дворянскихъ должностей, подобно тому какъ это существовало и существуетъ въ губерніяхъ, а всѣ остальныя войсковыя и окружныя должности стали замѣщаться по назначенію администраціи. Но «слѣдуя за вѣкомъ», атаманъ этотъ открылъ коммисію о введеніи на Дону земскихъ учрежденій, которая существовала очень долго, до 1874 года, столько же, сколько прожили устроенныя ею земскія учрежденія... Не симпатичный и вѣчно подозрѣвавшій, Потаповъ не оставилъ по себѣ хорошей памяти, хотя работалъ усердно, далеко усерднѣе многихъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Не довѣряя во многомъ даже самому себѣ, Потаповъ, въ силу этого, за малыми исключеніями, былъ далекъ отъ непотизма, не имѣлъ ни симпатій, ни антипатій. Онъ самъ часто говаривалъ, что старался быть выше всего этого... Но такая высота не завидна, особенно если къ ней прибавить дѣятельность бѣлки въ колесѣ... Этотъ атаманъ былъ очень оригиналенъ въ отношеніяхъ къ мѣстной печати: запретивъ, относительно своей персоны, какъ похвалу, такъ и порицаніе, онъ, однакоже, терпѣлъ прозаическія поэмы «Войсковыхъ Вѣдомостей», воспѣвавшія его служебныя добродѣтели даже въ передовыхъ статьяхъ. При этомъ же атаманѣ разрушена такъ называемая Донская «Китайская» стѣна: въ началѣ 1868 года, особымъ закономъ, разрѣшена продажа помѣщичьихъ земель въ иногородныя руки. Расчистивъ поле для единоличной атаманской власти, Потаповъ и года не пользовался плодами завѣтнаго труда своего: въ Февралѣ или Мартѣ 1868 года назначенный генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края, онъ былъ замѣненъ на Дону генералъ-лейтенантомъ Михаиломъ Ивановичемъ *Чертковымъ* (1868—1874). Именитый, молодой (38 лѣтъ), красивый, умный и привлекательный, настоящій Русскій современный баринъ, хорошо ознакомленный съ губернскою правительственною машиною, такъ какъ до того управлялъ послѣдовательно двумя губерніями (Воронежской и Волынской), генералъ Чертковъ имѣлъ всѣ вѣроятія быть выдающимся руководителемъ въ управленіи Донскимъ краемъ. Не чуждый пристрастія къ великолѣпію атаманской обстановки, онъ окружилъ себя

*) По одной атаманской канцеляріи выходило болѣе 25 т. исходящихъ номеровъ, не считая бумагъ другихъ войсковыхъ учрежденій. По вѣрному расчету, Потаповъ дѣлалъ далеко болѣе ста подписей въ день.

Библиотека "Руниверс"

блестящимъ штабомъ, дѣлалъ барскіе пріемы и такіе же выѣзды, а въ дѣлахъ, въ часы независимости своихъ сужденій, оставлялъ позади себя многихъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ, доказывая тѣмъ, что губернаторская дѣятельность, при его свѣжемъ умѣ и хорошей памяти, сослужила ему хорошую службу. При самомъ вступленіи въ должность, Михаилъ Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе на неопредѣленное положеніе чиновничьихъ земельныхъ участковъ, которые имѣли срочный характеръ, и, принявъ во вниманіе, что бывшіе Донскіе помѣщики, не имѣвшіе полнаго права собственности на свои земли, получили таковое, онъ задался мыслью о предоставленіи того же самаго и донскимъ чиновникамъ. Чертковъ, дѣйствительно, вынесъ этотъ вопросъ на своихъ плечахъ и ко дню празднованія 300-лѣтняго юбилея Войска Донского (1870 г.) добился появленія закона, коимъ срочные участки донскихъ чиновниковъ сдѣлались полною ихъ собственностью. Этотъ атаманъ также усиленно хлопоталъ о дарованіи Донской области новыхъ судовъ, которые и введены: мировой институтъ въ Іюлѣ 1871, а общія судебныя мѣста — въ Августѣ 1873 годовъ. Атаманъ Чертковъ представлялъ и о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій, но не дождался осуществленія своихъ въ этомъ отношеніи ходатайствъ, такъ какъ въ 1874 году, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, испросилъ себѣ увольненіе отъ должности войскового атамана, сдѣлавшись членомъ Государственнаго Совѣта и получивъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ дѣятельность его по управленію Войскомъ Донскимъ названа выдающеюся. Въ атаманство генерала Черткова стала обрисовываться одна личность, занявшая потомъ видныя мѣста. Изучивъ Донской край во всѣхъ отношеніяхъ, она почему-то разошлась съ Донскою интеллигенціею во взглядахъ на земскія учрежденія, которыя, во многомъ благодаря этой личности, будучи введены въ войскѣ Донскомъ въ 1874 году, просуществовали около шести лѣтъ и получили пріостановку, длящуюся по сіе время. Очертивъ въ этихъ краткихъ словахъ управленіе Домъ генерала Черткова, я считаю излишнимъ упоминать, въ какой мѣрѣ благопріобрѣтенный непотизмъ проявлялъ себя въ его атаманство: часто не отъ насъ, а отъ окружающихъ насъ близкихъ людей, связанныхъ съ нами семейными, родственными путами или узами дружбы, исходятъ такія нежелательныя вліянія, что тутъ можно осуждать насъ только или за непринятіе мѣръ предосторожности, или за слабость характера, или за излишество довѣрія къ этимъ окружающимъ насъ лицамъ. Время управленія генерала Черткова ознаменовано посѣщеніемъ Дона императоромъ Александромъ II-мъ (1872 г.), изъ устъ котораго, въ войсковомъ кругу, въ Новочеркасскѣ, впервые раздался призывъ, потребовавшій отъ Донцовъ, вмѣстѣ съ продолже-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ ихъ воинскихъ доблестей, и гражданскаго преуспѣянія. При этомъ же атаманѣ прекратила свое существованіе (1-го Января 1870 года) первая на Дону частная газета «Донской Вѣстникъ».

Преемникъ Черткова, генералъ Николай Александровичъ *Краснокутскій* (1874—1881), до того начальникъ 3-й гвардейской кавалерійской дивизіи, былъ взятъ прямо съ коня, а потому разсчитывать на личное и дѣятельное участіе его въ вопросѣ гражданскаго развитія Донского края не представлялось и малѣйшаго основанія. Добрый характеромъ, хлѣбосолъ и знатокъ мельчайшихъ подробностей угощеній и пріемовъ, любитель военнаго строя въ мирномъ его положеніи, атаманъ этотъ часто недоумѣвалъ въ дѣлѣ экономическаго развитія Донской области. Введенныя при немъ земскія учрежденія вскорѣ захромали не потому, чтобы Донская земля была не способна всецѣло внѣдрить въ себя это полезное нововведеніе, а вслѣдствіе того, что правящая власть въ краѣ, надѣленная смутнымъ пониманіемъ пользы этихъ учрежденій, замѣтно колебалась явно принять сторону защитниковъ или противниковъ этого института. Записка генерала Маслаковца противъ земскихъ учрежденій, искусственные протесты противъ ихъ существованія нѣкоторыхъ станичныхъ обществъ съ одной стороны и твердая по разуму, хотя безпомощная съ вліятельной стороны политика мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, (отстаивавшихъ это учрежденіе, какъ единственный базисъ экономическаго преуспѣянія) съ другой, заставляли этого представителя войсковой администраціи балансировать: земцамъ онъ всегда рекомендовался ярымъ сторонникомъ земскихъ учрежденій, но при этомъ совѣтовалъ имъ внимательно и серьезно отнестись къ сочиненію г. Маслаковца, не признававшему полезности для Дона этого института по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда существовалъ въ Донскомъ краѣ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Результатомъ такого поведенія начальника края было пріостановленіе на Дону дѣйствія закона 1-го Января 1864 года, состоявшееся уже при атаманѣ Святополкъ-Мирскомъ, который смотрѣлъ на войско Донское какъ на военный лагерь въ мирное время, не нуждающійся въ гражданскихъ успѣхахъ и не способный, по историческому своему назначенію, воспріять то, что составляетъ принадлежность мѣстностей, не имѣющихъ военнаго характера. Генералъ Краснокутскій былъ слишкомъ добръ душою для того, чтобы упорствовать въ личныхъ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ; но это однакоже не мѣшало ему быть сдержаннымъ, сухимъ и даже холоднымъ къ тѣмъ лицамъ, которыя критически относились къ его дѣятельности.

Генералу Краснокутскому наслѣдовалъ князь Николай Ивановичъ *Святополкъ-Мирскій* (1881—1898), бывшій до того начальникомъ ка-

Библиотека "Руниверс"

кой-то пѣхотной дивизіи. Хорошо снабженный отъ природы, ревнивый къ прерогативамъ почти неограниченной атаманской власти, не признававшій необходимости культурнаго развитія Донского казачества, онъ равнодушно относился и къ гражданскимъ учрежденіямъ Донского края: пробывъ на Дону 17 лѣтъ, онъ и 17-ти разъ не предсѣдательствовалъ въ учрежденіяхъ этой области, а впослѣдствіи исхлопоталъ законъ, по которому предсѣдательство это было возложено на его помощника по гражданской части; кромѣ того, онъ не признавалъ полезности объѣздовъ края, сдѣлавъ таковые не болѣе 2—3 разъ за все время. Оставаясь такимъ образомъ только при «высшихъ соображеніяхъ», атаманъ этотъ, не смотря на свою строгость, не могъ лично освѣдомляться объ изъянахъ управленія, вслѣдствіе чего дѣла вершились лицами, къ которымъ онъ имѣлъ слѣпое довѣріе, и доносы, именные и безымянные, особенно въ послѣднее время, получили какъ бы право гражданства. По той же причинѣ безнадзорности появились значительныя растраты суммъ въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, растраты, не разъясненныя до сихъ поръ со стороны матеріальной за нихъ отвѣтственности, такъ какъ непосредственные виновники оныхъ скончались, не оставивъ послѣ себя никакого имущества. По одному безъимянному доносу атаманомъ назначена была, изъ довѣренныхъ его лицъ, особая коммиссія, которая, пріѣхавъ на мѣсто, нашла, что въ Ростовскомъ окружномъ по воинской повинности присутствіи имѣли мѣсто вопіющія злоупотребленія, подвергающія это учрежденіе, въ полномъ его составѣ, преданію суду. Областное по воинской повинности присутствіе, куда войсковой атаманъ препроводилъ это дѣло, вызвало въ свое засѣданіе всѣхъ лицъ, неправильно, по мнѣнію коммиссіи, не принятыхъ на военную службу окружнымъ присутствіемъ, провѣрило всѣ дѣйствія этого послѣдняго мѣста и не нашло даже *никакихъ* признаковъ злоупотребленій, кромѣ ничего незначущихъ описокъ. Въ такомъ смыслѣ областное присутствіе и дало атаману отвѣтъ, вслѣдствіе котораго дѣло, произведшее такой большой шумъ, вредно отозвавшійся на репутаціи честныхъ людей, естественно, прекратилось.... Если къ этимъ штрихамъ прибавить, что въ управленіе князя Святополкъ-Мирскаго (неизвѣстно, впрочемъ по чьей иниціативѣ) закрыты: Усть-Медвѣдицкая классическая гимназія и такія же прогимназіи въ станицахъ Нижне-Чирской и Каменской, а также параллельные классы Новочеркасской классической гимназіи, вслѣдствіе чего въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи число учащихся съ 700 слишкомъ человѣкъ спустилось до цифры менѣе 300; что при немъ угасли Донскія земскія учрежденія, въ защиту которыхъ онъ не сказалъ своего вліятельнаго слова, и что, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ

Библиотека "Руниверс"

Донской области введенъ до того не бывшій институтъ жандармовъ, то направленіе дѣятельности этого атамана, за малыми исключеніями, обрисуется вполнѣ. Необходимо при этомъ упомянуть, что Донской кадетскій корпусъ обязанъ своимъ существованіемъ иниціативѣ князя Николая Ивановича, также какъ и сооруженіе въ Новочеркасскѣ памятника атаману Ермаку и постройка зданія для Донскаго музея; но памятникъ, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, существуетъ только въ проектѣ, а домъ для музея, созидаемый, съ пріостановками, болѣе пяти лѣтъ, до сихъ поръ еще не оконченъ. Князь Святополкъ-Мирскій былъ большой экономъ: при немъ войсковой капиталъ достигъ небывалой цифры 7 милліоновъ рублей. Атаманъ этотъ не обладалъ хорошимъ здоровьемъ, вслѣдствіе чего въ немъ замѣчались странности, не свойственныя высокопоставленнымъ лицамъ, обязаннымъ подавать примѣръ своимъ подчиненнымъ: онъ весьма часто, а особенно въ лѣтнее время, уѣзжалъ изъ Новочеркасска въ свое Харьковское имѣніе, а будучи уволенъ, въ половинѣ Мая мѣсяца 1898 года, отъ обязанностей атамана съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, онъ, 1-го Іюня того же года, явившись изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, отдалъ приказъ о вступленіи своемъ въ должность и подписалъ оный полнымъ титуломъ войскового наказного атамана... Что касается благопріобрѣтеннаго непотизма, то за 17 лѣтъ управленія этого атамана, онъ не могъ не народиться и не развиться въ такой степени, чтобы не бить въ глаза самому смиренному наблюдателю: ревнивость къ неограниченной власти и отрѣшенность отъ дѣловой части управленія сами собой обусловливали существованіе недостатка, который по виду кажется ничтожнымъ у однихъ и грандіознымъ у другихъ.

Этимъ мы оканчиваемъ серію Донскихъ атамановъ не-Донского происхожденія. Какова бы ни была дѣятельность этихъ шести руководителей Донской жизни за 50-ти-лѣтній періодъ, полезная, безразличная, вредная, а Донской казакъ одинъ остался неизмѣннымъ, вынося на своихъ плечахъ разные эксперименты въ распорядкахъ страны. Этой молчаливой выносливости можно позавидовать со стороны, хотя нельзя не пожалѣть, что измѣненіе разныхъ системъ управленія ни разу и никого изъ правителей Дона не натолкнуло на мысль: 1) что обязательная и поголовная воинская повинность Донца, отбываемая имъ на собственный счетъ, съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе прироста поселенія, земельныхъ юртовыхъ довольствій (теперь, въ среднемъ числѣ, 12—14 десятинъ на душу), давно уже начала расшатывать казачье благосостояніе, чему доказательствомъ служитъ небывалое прежде снаряженіе казаковъ къ службѣ на счетъ станичныхъ суммъ, 2) что такъ называемыя войсковыя запасныя земли (болѣе милліона десятинъ), назначе-

Библиотека "Руниверс"

ніе которыхъ пополнять юртовыя довольствія, оставались и теперь, вопреки положительнаго закона, остаются въ распоряженіи войсковаго правительства какъ арендная статья, увеличивающая войсковой капиталъ, но не помогающая казаку въ его снаряженіи на службу [1]). и 3. что давно необходимо сказать высшему правительству, что казачье населеніе, вслѣдствіе постояннаго уменьшенія земельныхъ довольствій, а также особой, сравнительно съ прежнимъ временемъ, требовательности начальства къ казачьей *лошади, сбруѣ, амуниціи и другихъ стѣсненій* [2]), стало катиться по наклонной плоскости, и не далеко то время, когда оно сдѣлается полнымъ банкротомъ; а не закрывать ему, высшему правительству, глаза отъ дѣйствительности поэтическими отписками въ родѣ той, которую сдѣлалъ одинъ атаманъ, изобразивъ готовность Донского казака и полную его возможность во всякое время ринуться на врага: «конь быстръ, пика остра—повели, Государь,» и проч. Теперь само время оправдало бы опасенія смѣльчака-атамана, который имѣлъ бы мужество сказать правду правительству. Казакъ давно кряхтитъ отъ своихъ привиллегій, но, поддерживаемый своими историческими традиціями, продолжаетъ молчать... Только старшіе его братья, Донскіе дворяне, увидѣвъ приближающуюся гибель, наконецъ, поднялись на защиту угнетеннаго и въ 1898 году послали непосредственно Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ смѣло выставили безотрадное положеніе Донского казачьяго населенія и просили назначить комиссію для выясненія причинъ его обѣдненія и проектированія мѣръ, могущихъ смягчить тяжкое его положеніе. Великодушный Государь, не смотря на вліятельное противодѣйствіе войсковой администраціи, какъ и слѣдовало ожидать, милостиво взглянулъ на это дѣло, и въ настоящее время въ Новочеркасскѣ работаетъ большая комиссія, состоящая изъ представителей Военнаго Министерства, войскового правительства и выборныхъ лицъ отъ казачьяго сословія. На ея работахъ почіютъ надежды военной части Донского населенія, за которую заступились его старшіе братья; ибо время показало ей, что слова ея офиціальныхъ защитниковъ имѣютъ мало общаго съ дѣломъ и что хлопоты ихъ о расширеніи своей власти, объ увеличеніи, на счетъ войскового капитала, своего жалованья, о разныхъ льготахъ въ ихъ административныхъ трудахъ и проч., не заклю-

---

[1]) Нѣкоторыя исключенія, напримѣръ, образованіе новыхъ станицъ, куда переселены казаки малоземельныхъ юртовъ, составляютъ каплю въ морѣ.

[2]) Интересны въ этомъ отношеніи помѣщаемыя въ „Приазовскомъ Краѣ“ корреспонденціи г. Тимощенкова, живо рисующія неприглядное экономическое положеніе Донского казака, доказываемое цифровыми данными.

Библиотека "Руниверс"

чали въ себѣ цѣли улучшенія ея матеріальнаго состоянія и смягченія ея привиллегированнаго недуга.

Мы сочли бы себя неисполнившими своей обязанности, если бы отбросили всякую мысль о сравненіи. Рядъ Донскихъ атамановъ Донского происхожденія, въ продолженіе почти такого же періода времени (1801—1848): *Графъ Платовъ, Денисовъ, Андріяновъ, Иловайскій, Кутейниковъ* и *Власовъ* не отличался ни особенными гражданскими дарованіями, ни такимъ же усердіемъ къ дѣламъ, ни тѣмъ болѣе, вліятельностью на высшія государственныя сферы, былъ небезупреченъ въ отношеніи своихъ родственниковъ и, пожалуй, даже чистоты своихъ служебныхъ дѣйствій; но весь онъ, отъ перваго и до послѣдняго человѣка, прежде всего, радѣлъ о пользахъ казачьей массы и потомъ уже о своихъ личныхъ или сословныхъ нуждахъ. Немолчнымъ доказательствомъ этихъ словъ, кромѣ всесвѣтной славы, пріобрѣтенной казаками подъ начальствомъ атамана Платова, служатъ: 1) иниціатива атамана Денисова о составленіи Положенія объ управленіи войскомъ Донскимъ (1819 годъ), стоившая этому сподвижнику Суворова всей служебной карьеры; 2) проведеніе въ это Положеніе началъ, по которымъ надѣленіе казачьихъ юртовъ 30-десятинною пропорціею земли на душу, оставленіе для пополненія этихъ юртовъ запасныхъ войсковыхъ земель и ограниченіе права собственности Донскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, направленное, въ существѣ своемъ, на пользу казачества, составило краеугольный камень закона 1835 года, въ проектированіи котораго, при посредствѣ извѣстнаго Донскаго просвѣщеннаго дѣятеля *Сухорукова*, принималъ такое горячее участіе атаманъ Иловайскій, подвергшійся, вмѣстѣ съ своимъ правителемъ канцеляріи, военноуголовному суду при первой арміи, и 3) строгое вниманіе атамана Власова (1836—1848), послѣдняго изъ Донскихъ Могиканъ, при которомъ вводилось Положеніе 1835 года, обращенное на надѣленіе лучшею землею казачьихъ юртовъ, вслѣдствіе чего изъ этихъ мѣстъ переселены были всѣ помѣщичьи крестьяне и ихъ владѣльцы, и большинство юртовъ обмежевано скоро и хорошо на столько, на сколько позволяли мѣстныя условія.

Мы далеки отъ пристрастія. Мы отдали обѣимъ серіямъ атамановъ все, что имъ принадлежитъ. Мы имѣемъ право, въ заключеніе, сказать, что, въ смыслѣ пользъ и нуждъ меньшого брата-казака, атаманамъ иногороднымъ, отличавшимся вліятельностью, толковостью и дѣловитостью, не доставало того, что было присуще ихъ туземнымъ предшественникамъ, не доставало сердца...

А. Карасевъ.

Петербургъ, 10 Марта 1899.

Библиотека "Руниверс"

LE ROI DE VOLGA.

(Волжскій царь).

Изъ Нижегородской Старины.

I.

Это названіе, придуманное кѣмъ-то въ аристократическихъ кружкахъ, принадлежало потомку бывшихъ царей, князю Георгію или Егору Александровичу Грузинскому, владѣльцу обширнаго Лысковскаго имѣнія Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. То были времена неограниченной помѣщичьей воли и, пожалуй, всеобщей безшабашной удали. Въ концѣ прошлаго столѣтія, Поволожье съ его знаменитыми Керженскими (Нижегород. г.), Иргизскими (нынѣ Самарск. губ.) и Черемшанскими (Саратов. губ.) скитами, посреди дикихъ и трудно проходимыхъ вѣковыхъ лѣсовъ, представляло самый благодатный край, гдѣ постоянно гнѣздились шайки удалыхъ, гдѣ «по чàсту» скрывался отъ барскихъ притѣсненій подневольный крѣпостной людъ, искали уединенія раскольники и прятались отъ кары закона бѣглые преступники, гдѣ легче и почти всегда безнаказанно можно было удальцамъ производить грабежи, разбои и душегубства, а помѣщикамъ свободно проявлять свой необузданный нравъ.

Какъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русская Старина» 1897, III, 527) Е. Ю. Хвощинская, князь Георгій Александровичъ, извѣстный своимъ буйнымъ характеромъ, красотой и любовью къ женщинамъ, былъ совершенно дикій человѣкъ, по своему нраву и поступкамъ [1]); подъ его начальствомъ было нѣсколько разбойническихъ шаекъ, которыя занимались грабежами по Волгѣ [2]).

---

[1]) „Онъ былъ женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Бахметевой, родной сестрѣ извѣстнаго генерала 1812 года.

[2]) Къ этому Е. Ю. Хвощинская добавляетъ, что случаи эти дошли до правительства и для производства слѣдствія командированъ жандармскій офицеръ Н. Д. Бахметевъ (отецъ матери г-жи Хвощинской). Онъ открылъ злодѣянія князя Грузинскаго, и тогда ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ с. Лыскова, гдѣ онъ находился подъ присмотромъ полиціи. Можетъ быть, все это и дѣйствительно было; но когда происходило, о томъ

Библиотека "Руниверс"

Благодаря своимъ богатымъ земельнымъ угодьямъ[1]), князь Егоръ Александровичъ представлялъ собой въ Нижегородской губерніи страшную силу. Его боялись всѣ, начиная съ мелкаго чиновника и кончая губернаторомъ. Для него какъ бы не существовало законовъ, ибо онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ и никто не смѣлъ ему перечить.

Окруженный своими вѣрными холопами, старостой, сотскими и дворовыми людьми, князь не рѣдко дѣлалъ «наѣзды» на сосѣднія помѣщичьи усадьбы, грабилъ ихъ и набиралъ оттуда крестьянъ въ свои вотчины, нерѣдко разбивалъ кабаки и увѣчилъ цѣловальниковъ и сидѣльцевъ.

Начало его буйныхъ дѣйствій относится къ 1781 году. Можетъ быть, они начались и раньше, но только до этого времени не сохранилось о томъ архивныхъ показаній [2]).

22 Апрѣля этого года, «содержателя по Нижегородской губерніи питейныхъ сборовъ бригадира князя Петра Петровича Долгорукова», уполномоченный «на продажу питій» надв. с. Яловицынъ жаловался Макарьевскому уѣздному суду, что, «по причинѣ случившагося въ Лысковѣ убійства, князь Грузинскій, 5-го Апрѣля, «взялъ» изъ Ушаковскаго и Мѣдянскаго питейныхъ домовъ двухъ сидѣльцевъ Степана и Ивана Кротовыхъ и десятилѣтняго брата Василія и допрашивалъ ихъ въ своемъ домѣ, были ли подозрѣваемые имъ въ убійствѣ крестьяне «въ питейныхъ домахъ», при чемъ сидѣльца Ивана «билъ по ще-

---

г-жа Хвощинская не указываетъ. Между тѣмъ въ подлинныхъ архивныхъ документахъ мы нашли, что въ 1808 году кн. Юрій (Георгій) былъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (см. нашу статью „изъ Нижегородской Старины“, „Русскій Архивъ“ 1897, V) и имѣлъ званіе дѣйствительнаго камергера.

[1]) Имѣнія кн. Грузинскихъ въ Нижегородской губ. находились въ Макарьевск. округѣ Лысковской волости с. Лысково дерр. Лысая гора, Невѣрова и сс. Ляпуны и Ширяново, крестьянъ 953 д., съ мельницей и рыбными ловлями, Нижегород. окр., Терешевской вол. 965 д. съ мельницей, Перевозн. окр. той же вол. 463 д., и мельница, Балахнинс. окр. Бѣлогородск. вол. 956 д., и Семеновск. окр. 24 д. Имѣнія эти (за исключеніемъ сельца Ляпуновъ 81 душъ крестьянъ, отданнаго въ приданое за княжной Анной Александровной, вышедшей замужъ за князя Бориса Андреевича Голицына) съ 1785 года по 1794 годъ, находилось въ нераздѣльномъ пользованіи князей Грузинскихъ и приносили дохода свыше 40 тыс. рублей. Кстати, здѣсь нельзя умолчать объ одномъ странномъ совпаденіи. Всѣ эти имѣнія были пожалованы въ 1700 г. Петромъ Великимъ Имеретинскому царю Арчилу Вахтангѣевичу съ сыномъ его царевичемъ Александромъ (см. грамоту объ этомъ въ „Дѣйствіяхъ“ Нижегор. учен. архив. ком. в. 10, стр. 456, № 790—377). Но фамильнымъ же бумагамъ послѣднихъ владѣтельныхъ царей Имеретинскихъ („Русскій Архивъ“ 1897, X, 300) мы знаемъ, что отцемъ послѣдняго царя Имеретіи Саломона I былъ также царь Александръ, который никакихъ удѣловъ въ Россіи не получалъ и умеръ царемъ въ своей столицѣ Кутаисѣ. Откуда же явился въ Имеретіи еще царь Арчилъ (или Арчилій) и какимъ образомъ князья *Грузинскіе* могли унаслѣдовать имѣніе царевича *Имеретинскаго*, пока для насъ остается загадкою.

[2]) Дѣло Макарьевск. уѣзд. суда за 1789 г., № 667—991.

Библиотека "Руниверс"

камъ и по головѣ, а напослѣдокъ приказалъ его раздѣть, руки и ноги связать и бить сырыми палками, что «исполнено съ крайнею жестокостію».

Пострадавшіе не замедлили принести жалобу въ судъ; но судъ не только не наложилъ на князя никакого взысканія, «а даже явочнаго прошенія отъ обиженныхъ не принялъ». Между тѣмъ князь Георгій, видя, должно быть, что «его никто не возбраняетъ», 21 числа отправился самъ въ Мѣдянскій питейный домъ, гдѣ «безъ всякой причины» избилъ тамошняго сидѣльца Галкина; потомъ, приведя его и повѣреннаго Яловицына въ свою квартиру, сдѣлалъ послѣднему въ грудь «до 20 ударовъ кулакомъ, прижавъ къ стѣнѣ» и «принуждалъ повѣреннаго сидѣльца бить палками, что и учинено, а если бы онъ (Яловицынъ) отрекся, то подвергнулъ бы себя равному съ сидѣльцемъ жребію». Затѣмъ черезъ четыре дня (25 числа) князь, явившись въ Ушаковскій кабакъ къ сидѣльцу Клочкову, бралъ у него «штофы и полуштофы (съ виномъ), смотрѣлъ, пробовалъ и сличалъ, потомъ требовалъ «наличо» дневную выручку, и когда сидѣлецъ въ этомъ ему отказалъ, «разсердясь за то, билъ его кулаками въ грудь и по лицу», подтвердивъ притомъ, «если онъ и впредъ его приказанія не исполнитъ, то грозилъ болѣе наказать». Наконецъ, «съ 6-ю или 7-ю человѣками, свиту его составляющими», князь ходилъ «всякій день по питейнымъ домамъ разгонять народъ», чтобы не пили. «Всѣ бѣгутъ изъ боязни». А черезъ это, говорилъ Яловицынъ, «немалое количество вина и другихъ питей остается въ непродажѣ» и тѣмъ «дѣлается неотмѣнно великій подрывъ; особливо же отъ князя Грузинскаго побой всѣ сидѣльцы принуждены питейные домы оставить». Яловицынъ просилъ судъ «воспретить князю Грузинскому хожденіе по питейнымъ домамъ». Судъ потребовалъ отъ Лысковскаго владѣльца «по сему дѣлу» объясненія, но тотъ не нашелъ нужнымъ «таковое» представить.

Переписка затянулась на долгіе годы. А тѣмъ временемъ князь натворилъ еще немало бѣдъ. Въ Апрѣлѣ 1785 года, придя въ домъ жившаго на его землѣ экономическаго крестьянина Серебрякова за полученіемъ поземельныхъ денегъ и не найдя хозяина, онъ избилъ его жену «изъ своихъ рукъ палкою и, сбивъ съ ногъ, топталъ ногами смертно». Ища мужа, князь перерылъ весь домъ и забралъ всѣ деньги, «лежавшія въ бѣлой горницѣ въ ящикѣ, серебряными монетами 250 р., мѣдными на столѣ 27 р. и ассигнаціями 550 р.», и, не найдя Серебрякова, поставилъ около дома караулъ. Жена его съ малолѣтней дочерью

*) Въ „Дѣйствіяхъ“ Нижегор. учен. арх. ком. в. 8, стр. 374, г-номъ Снѣжневскимъ неправильно указано, что Яловицынъ былъ повѣреннымъ „князи Голицына по откупамъ“.

Библиотека "Руниверс"

какимъ-то образомъ успѣла бѣжать въ с. Исады и оттуда переправилась чрезъ Волгу на Макарьевскую сторону. Серебряковъ же, еще гдѣ завидя идущаго къ нему князя «со множествомъ крестьянъ», отъ страха забился на сушилы и зарылся въ сѣно, а «по наступленіи ночи вылѣзъ въ окно и скрылся подъ церковными амбарами, откуда въ самое полуночное время, пришедъ къ берегу, направился чрезъ Волгу и явился въ судъ». Въ с. Лысково отъ Макарьевскаго уѣзднаго суда былъ посланъ засѣдатель. Пожитки Серебрякову были возвращены, «но денегъ не оказалось». Князь далъ объясненіе, что дважды посылалъ къ Серебрякову, а потомъ самъ ходилъ къ нему съ крестьянами «для того, что онъ ему поземельныхъ денегъ не платитъ», «въ битьѣ же женки и постановленіи караула учинилъ запирательство».

Лысковскій владѣлецъ не щадилъ никого, не взирая на права и состояніе. Онъ «буйственно» обходился не только съ своими подчиненными, но не давалъ спуска холопамъ другимъ владѣльцевъ, даже всесильнаго въ то время князя Г. А. Потемкина.

Одинъ крестьянинъ сего послѣдняго «Перевозной округи, д. Карабаговой» Матвѣй Ивановъ какъ-то разъ подалъ жалобу на крестьянина с. Лыскова Краюшкина, обвиняя его въ томъ, что тотъ «неклейменою мѣрою» обвѣсилъ его на полторы «маленки»(?). Для разбора дѣла, въ Апрѣлѣ 1788 года, въ имѣніе князя былъ посланъ сельскій засѣдатель Макарьевскаго суда Родіоновъ, захватившій съ собой и просителя. Но обвиняемый, «безъ воли своего господина», отказался отдать имъ для провѣрки найденную у него неклейменную мѣру и потянулъ ихъ въ «приказную» избу [1]). Въ это время тамъ случился князь.

— Ты зачѣмъ пришелъ? грозно встрѣтилъ онъ засѣдателя.

Тотъ «объявилъ данное ему наставленіе». Князь Егоръ Александровичъ по обыкновенію обругалъ его и затѣмъ, «схватя просителя Иванова за волосы, вытащилъ вонъ и, стащивши съ крыльца на дворъ, билъ его по щекамъ кулаками и таскалъ за волосы, а побивши, велѣлъ прогнать безъ всякаго удовольствія» [2]). Послѣ того онъ вошелъ въ приказную избу, «схватилъ за волосы засѣдателя, также билъ по щекамъ кулаками и велѣлъ бывшимъ тутъ разсыльщикамъ прогнать его по шеѣ». Но лишь только засѣдатель скрылся за дверью, князь догналъ его на крыльцѣ и, «вторично схвативъ за волосы, билъ головою о имѣющейся на ономъ крыльцѣ столбъ немплостивно и, взявъ за волосы, а разсыльные за руки, вторично втащилъ его въ избу, гдѣ еще билъ по щекамъ и таскалъ за волосы, а послѣ онаго приказалъ свя-

[1]) Въ избу вотчиннаго приказа (вотчинная контора).

[2]) Т. е. по нынѣшнему „удовлетворенія".

Библиотека "Руниверс"

зать ему руки и сковать (его) въ желѣзы». Часа два князь продержалъ засѣдателя подъ карауломъ, а потомъ велѣлъ своему земскому отвезти его въ Макарьевъ, въ уѣздный судъ, точно хотѣлъ этимъ показать: «на-те, смотри, какъ я поступаю съ вашими засѣдателями».

6-го Іюня того же года былъ еще такой случай. Дворянскій засѣдатель поручикъ князь Кугушевъ пріѣхалъ въ с. Лысково, «по дѣлу о держаніи кн. Егоромъ Грузинскимъ у себя въ земской избѣ Шепиловскаго разбойника крестьянина Ѳедора Васильева» и предъявилъ ему указъ Макарьевскаго суда. Взявъ отъ Кугушева указъ, князь сначала не горячась сталъ «ему выговаривать, для чего-де онъ по таковому о ворахъ дѣлу требуетъ отъ него объясненія», все равно «онъ-де его не дастъ», и, «войдя въ великій озартъ», закричалъ на Кугушева:—Какъ только ты смѣлъ, такой-сякой, пріѣхать ко мнѣ «по такому дѣлу», при чемъ какъ засѣдателя, такъ «и всѣхъ судей г. Макарьева ругалъ безчестными словами». Боясь, чтобы ему не досталось отъ князя на калачи въ загривокъ, засѣдатель поспѣшилъ уѣхать изъ села въ городъ, куда «дней черезъ десять» князь прислалъ ему «съ нарочнымъ требуемыя объясненія, но копіи съ указа не возвратилъ».

Въ Августѣ 1788 г. Нижегородское намѣстническое правленіе велѣло «состоящее за кн. Егоромъ Грузинскимъ и матерью его*) въ Макарьевской округѣ недвижимое имѣніе, за неплатежъ имп по векселямъ Московскаго купца Павлова, Петербургскаго портного Самупла Керстена и секретаря Козицкаго долговъ, если нынѣ платежа отъ нихъ не послѣдуетъ, то описать и прислать въ Макарьевскій земскій судъ». Исполненіе этого указа возложено было на земскаго исправника Веселовскаго. Но послѣдній, очевидно, зная нравъ князя Егора, на всякій случай захватилъ съ собой сельскаго засѣдателя Родіонова, канцеляриста Мазовскаго, нѣсколькихъ сотскихъ и съ ними, 17 Августа, отправился въ Лысково. Какъ и надо было ожидать, «князь Егоръ съ братомъ своимъ княземъ Александромъ» не только не допустили исправника до описи имѣнія, но «оказали многіе злодѣйскіе поступки».

На первыхъ порахъ Веселовскій поступилъ, впрочемъ, самъ крайне опрометчиво и безъ соблюденія законныхъ формальностей. Вмѣсто того, чтобы, согласно указу, предварительно предложить князю Георгію, не согласится ли онъ добровольно уплатить долги, исправникъ, ничего не говоря князю, прямо послалъ «съ письменнымъ приказомъ» сотскаго собирать по селу «понятыхъ сторонннхъ людей». Увидя это, князь захватилъ сотскаго и «у себя въ приказной избѣ означенный приказъ отнялъ, ругая исправника матерными словами». Однако,

*) Мать князя Грузинскаго была княжна Дарья Александровна Меншикова, внучка князя Александра Даниловича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Веселовскій не удовольствовался этимъ и послалъ другого сотскаго за вотчиннымъ начальникомъ Лыскова; вдругъ въ это время прибѣгаетъ къ нему одинъ изъ понятыхъ съ грустной вѣстью, «что князь Егоръ бьетъ команду его сотскаго и взятаго имъ для письма канцеляриста Мазовскаго». Исправникъ побѣжалъ скорѣе туда; но кн. Егоръ Александровичъ, «выбѣжавъ изъ приказу», «въ великомъ озартѣ» бросился на него и, схватя обѣими руками за воротъ, «усиленнымъ образомъ» началъ тащить его въ приказную избу.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ въ вотчину пріѣхать и присылать отъ себя людей? кричалъ онъ на него. Пойдемъ, я съ тобой раздѣлаюсь.

Исправникъ «сталъ у него изъ рукъ проситься и не идти, отступая далѣе отъ приказу». Но князь позвалъ на помощь своихъ разсыльныхъ и вмѣстѣ съ нимъ потащилъ его въ приказъ. «Не видя уже себѣ отъ нихъ никакого спасенья», Веселовскій упалъ на землю, обхвативъ руками «лежащія тутъ бревна». Князь схватилъ его за волосы, а разсыльные за руки, и «старались его отъ бревна оттащить и тащили уже по землѣ и грязи». «Будучи въ крайней опасности», исправникъ «сталъ кричать на помощь». Одинъ только изъ толпы понятыхъ, Макарьевскій купецъ Кляповъ заступился за него, ухвативъ его за руку. «И хотя оные люди били Кляпова по рукамъ и исправника изъ рукъ у него отнимали, однако изъ рукъ онъ его не выпустилъ».

Въ это время «со двора выбѣжалъ князь Александръ», уговаривая брата «много не горячиться». Князь Егоръ «при братѣ» выпустилъ изъ рукъ исправника, но приказалъ вывести изъ приказа Мазовскаго, «да принести за нимъ пукъ палокъ». Канцелярист былъ «разбитый въ кровь», и князь Александръ не допустилъ его наказывать. Тогда кн. Егоръ снова бросился на вставшаго уже «изъ грязи» исправника и, схватя его за воротъ обѣими руками, трясъ и ругалъ всякими скверными и непотребными словами, называя воромъ, мошенникомъ и канальею, и будучи въ великомъ озартѣ и безстрашіи, похвалялся убить его до смерти»...—Какъ ты смѣлъ ко мнѣ пріѣхать? по прежнему приступалъ онъ къ нему. Хоть 10—15 тысячъ потеряю, а ужъ я тебя доканаю... У меня 7000 крестьянъ. Скажу: все сдѣлаютъ.

— Мы не допустимъ до описи своего имѣнія за вексельные долги и указовъ вашихъ не послушаемъ, потомъ заявили оба князя.

При этомъ дикомъ побоищѣ, кромѣ понятыхъ, было до ста человѣкъ посторонихъ зрителей; но никто не заступился за исправника: такъ всѣ боялись князя Грузинскаго.

Наконецъ, натѣшившись въ волю, онъ бросилъ посреди села окровавленную жертву. Веселовскій едва могъ дойти до близъ стоявшей питейной конторы, откуда питейнымъ повѣреннымъ Поляковымъ

Библиотека "Руниверс"

съ понятыми былъ отправленъ домой «пѣшкомъ, глухой дорогой», изъ опасенія новаго нападенія на большой дорогѣ.

Князь Егоръ тѣмъ временемъ опять принялся за Мазовскаго и сотскаго Сергѣева. Отведя «къ щепетильнымъ (?) рядамъ», онъ ругалъ ихъ отборною бранью, потомъ, взявъ обоихъ за волосы, «билъ неоднократно голова объ голову» и, наконецъ, съ помощію разсыльныхъ втащивъ Мазовскаго «за волосы» на приказный дворъ, повалилъ на землю и опять «самъ билъ его по лицу кулаками, пинками и травилъ своею собакою, которая разорвала у Мазовскаго сюртукъ до исподняго платья и сдѣлала на обѣихъ лядвеяхъ кровавыя двѣ раны».

По освидѣтельству Мазовской оказался весь избитымъ, лѣвая бровь разсѣчена, верхніе и «искобные» (?) зубы выбиты, ноги искушены, на головѣ «немалое число выдрано волосъ». У сотскаго на головѣ оказались шишки, борода вытереблена.

Конечно, по освобожденіи своемъ изъ княжескихъ лапъ, Веселовскій обо всемъ случившемся донесъ уѣздному суду. Дѣло завязалось не на шутку, тѣмъ болѣе, къ этому примѣшивалось еще одно обстоятельство, переполнившее чашу терпѣнія мѣстныхъ властей.

«Съ письменнымъ приказомъ» о взносѣ накопившихся за крестьянами князя казенныхъ недоимокъ, въ Лысково былъ отправленъ солдатъ Осипъ Гавриловъ. Какъ и слѣдовало, онъ явился въ вотчинную контору и передалъ приказъ бурмистру; но тотъ, «вскочивъ съ мѣста», ни за что, ни прочто «началъ его ругать, угрожая посадить на цѣпь».—Пойдемъ къ князю, заоралъ онъ на него; «вчера вашихъ судей били, а ты не великъ человѣкъ»... и, схвативъ за руки, потащилъ его изъ избы.

Кое-какъ на крыльцѣ солдатъ вырвался и бросился на Нижній базаръ, бурмистръ послалъ за нимъ въ догонку двоихъ разсыльныхъ; однако, перейдя р. Сундовикъ и скрываясь за кузницами, Гавриловъ избѣжалъ погони и благополучно вернулся въ Макарьевъ, гдѣ заявилъ объ этомъ происшествіи.

Послѣ этого, видя, что князь Грузинскій, «чѣмъ далѣе въ Лысковѣ жительствуетъ, тѣмъ болѣе происходятъ отъ него худыя слѣдствія, и что онъ и вотчинные его смотрители вышли изъ всякаго послушанія и повиновенія закону, находясь въ безстрашіи, и затѣмъ отнынѣ впредъ въ с. Лысково для законныхъ исполненій не токмо присутствующихъ, но и подчиненныхъ посылать никакъ не можно и остановились нѣкоторыя дѣла безъ всякаго дѣйствія», уѣздный судъ представилъ всѣ дѣла о Грузинскомъ въ намѣстническое правленіе и донесъ правящему генералъ-губернаторскую должность генералъ-поручику Ивану Михайловичу Ребиндеру. Чрезъ Нижегородскаго коменданта премьеръ-маіора

Библиотека "Руниверс"

Рехенберга князь Егоръ былъ вытребованъ 15 Ноября того же года въ Нижній и въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ далъ подписку, что по всѣмъ дѣламъ 17-го же Ноября представитъ требуемыя объясненія; но, по обыкновенію, не сдержалъ своего слова.

7 Мая слѣдующаго года, по указу намѣстническаго правленія, его снова потребовали въ Нижегородскій уѣздный судъ, но онъ опять не явился. А 21 Января 1790 года правительственный секретарь Степанъ Алексѣевъ Веселовскій обще съ ротмистромъ княземъ Г. А. Грузинскимъ подали въ судъ прошенія, въ которомъ бывшій Макарьевскій исправникъ прощалъ князю обиды и оставлялъ искъ свой на правѣ уголовномъ, «да и гражданскимъ вчинать, въ разсужденіи сего примиренія нашего, не буду».

Чѣмъ кончились для князя Егора остальныя дѣла, письменныхъ свѣдѣній о томъ не сохранилось. Скорѣе всего онъ не понесъ никакого наказанія, такъ какъ первыя дѣла, въ сравненіи съ побоями Веселовскому, составляли сущее ничтожество, изъ за которыхъ въ то время не стоило и тяжбу вести съ такимъ свирѣпымъ и могущественнымъ владѣльцемъ.

II.

Несмотря на значительность по тому времени доходовъ съ имѣній, на князьяхъ Грузинскихъ накопилась масса долговъ. Князь Егоръ, младшій изъ братьевъ, былъ долженъ Московскому купцу Павлову, генералъ-поручику графу Влад. Григ. Орлову и Петербургскому портному Крестену (неизвѣстно сколько именно); князь Александръ, старшій братъ, ген.-поручику Ивану Львов. Чернышову, Московск. купцу Ардыкову и крест. Давыдову 73,898 руб. и секундъ-маіору Савинову по двумъ векселямъ 1200 руб.; мать ихъ, княгиня Дарья Александровна секретарю Юзвицкому. Кромѣ того за покойнымъ родителемъ ихъ числился долгъ Персидскому купцу Юнусову въ 3200 рублей.

Мать, видя, что «Александръ и Георгій должны до такой степени, что могутъ разориться, и въ Сенатѣ уже есть дѣло объ уклоненіи первымъ изъ нихъ отъ платежа долговъ и обязательствъ обоихъ отъ раздѣлу имѣнія съ двоюродными братьями», просила объ учрежденіи надъ ними опеки. 6-го Іюня 1793 года, на имя генералъ-прокурора Самойлова, послѣдовало о томъ высочайшее соизволеніе, и вслѣдъ затѣмъ Нижегородскому намѣстническому правленію было предписано взять въ дворянскую опеку только имѣнія князя Александра дер. Малую Терюшевка и село Александрово (Суроватиху) въ Перевозской округѣ, находившіяся, однако, въ нераздѣльномъ пользованіи съ бра-

Библиотека "Руниверс"

томъ Егоромъ. Опекунами, какъ ближайшіе родственники, были назначены княгиня Дарья Александровна и князь Егоръ [1]).

Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ году состоялся полюбовный раздѣлъ въ семьѣ кн. Грузинскихъ. Имѣнія, находившіяся въ Нижегородской губерніи, были раздѣлены между братьями по ровну по числу крестьянъ. Двоюроднымъ братьямъ князьямъ Якову, Дмитрію и Леону Грузинскимъ и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ досталось изъ Терюшевской волости Нижегородской округи 483 души, изъ Перевозской окр. той же волости 232 д., Балахнинской окр. Бѣлогородской вол. 478 д., Семеновск. окр. 12 д. и Макарьевск. окр. с. Лыскова 436 душъ. Кромѣ того, выдано имъ (безъ матери) по ихъ просьбѣ деньгами 716 руб. 66¾ к., да отдана половина оброку за доставшіеся имъ на часть 1474 душъ—1105 р. 50 к. [2]). У князей же Александра и Егора въ тѣхъ же волостяхъ осталось 1639 д. крестьянъ и четыре мельницы въ округахъ Нижегородск., Перевозск., Балахинск. и Макарьевской. Въ послѣдней еще рыбныя ловли на Волгѣ.

Князь Егоръ за это время нѣсколько исправился, уплатилъ всѣ свои долги и часть долговъ матери и отца, привелъ въ порядокъ дѣла и взялъ на себя обязанность уплачивать долги брата изъ принадлежащихъ ему доходовъ. Даже мать, княгиня Дарья Александровна, жившая постоянно въ Москвѣ, по пріѣздѣ въ началѣ 1794 г. въ Нижній, «нашла поведеніе его въ лутчемъ положеніи, нежели какъ она была наслышана». Почему, не имѣя возможности сама управлять порученной ей опекой, она дала ему довѣренность на управленіе всѣми имѣніями.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, полнымъ хозяиномъ имѣній какъ своихъ, такъ и брата и уплачивая его долги, князь Егоръ высылалъ ему [3]) на содержаніе очень немного, только по 2 тыс. рублей въ годъ. Для князя Александра, привыкшаго сорить деньгами на-право и налѣво, этой суммы, конечно, было недостаточно. Долго онъ крѣпился; но въ началѣ 1802 года подалъ въ Нижегородское губернское правленіе прошеніе, въ которомъ прямо обвинялъ брата, что тотъ, отстранивъ его разными ухищреніями отъ всякаго участія, управляетъ нераздѣленными имѣніями одинъ и лишаетъ (тѣмъ) его дневнаго пропитанія, и хотя иногда доставляетъ ему малыя суммы, но съ такимъ затрудненіемъ и въ такомъ маломъ количествѣ, что принуждаетъ его въ

---

[1]) См. Дѣло Макарьев. у. суда за 1794 г., № 686.

[2]) Княжнѣ Дарьѣ Александровнѣ досталось 167 д. крестьянъ и еще имѣніе въ Московск. губ. (неизвѣстно только какое). Дѣло Макар. у. суда за 1797 г., № 686.

[3]) Князь Александръ служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку.

Библиотека "Руниверс"

стыдѣ и недостаткѣ влачить горестную жизнь въ сихъ мѣстахъ, гдѣ отставка его отъ воинской службы застала [1]) въ Іюлѣ 1799 года, съ котораго времени, не бывъ никакою должностью обязанъ, всѣ способы миролюбивые истощилъ для полюбовнаго съ нимъ окончанія» [2]).

Правъ или не правъ былъ князь Александръ, архивныя данныя не указываютъ; но князь Егоръ представленными отчетами [3]) сумѣлъ убѣдить судъ, что онъ даетъ брату столько, сколько приносятъ доходы и больше дать не въ состояніи.

III.

Здѣсь невольно приходится умолчать о деревенской жизни князя за послѣдующія двадцать слишкомъ лѣтъ (съ 1789 по 1810 г.), такъ какъ въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось о томъ данныхъ, очевидно потому, что дѣла эти мѣстными канцеляристами не признавались годными и уничтожены, или же прикарманены кѣмъ-нибудь изъ доморощенныхъ архивистовъ [4]); ибо трудно повѣрить, чтобы за это время князь смирилъ свой буйный характеръ. Напротивъ, будучи уже дѣйствительнымъ камергеромъ и Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, слѣдовательно человѣкомъ солиднымъ и пожилымъ, князь Егоръ по прежнему не отказывалъ себѣ въ удовольствіи собственноручно расправляться съ подчиненными и неподчиненными. Въ концѣ 1810 года на него вновь «явилась» жалоба.

Дворовый человѣкъ маіорши Бурцевой изъ деревни Новой Усады (Симбирск. губ.) Василій Хватовъ съ двумя крестьянами былъ посланъ тит. с. Насакинымъ «для отысканія бѣглыхъ людей». Зная по слухамъ, что бѣглецы скрываются въ Лысковѣ, они прямо направились туда и у одной крестьянской вдовы нашли пять человѣкъ. Трое изъ бѣглыхъ, однако, успѣли скрыться, а послѣднихъ двухъ Хватовъ представилъ князю Грузинскому, видимо, для того, чтобы съ его разрѣшенія взять ихъ и отвести къ своему помѣщику. Князь Егоръ, «начально сдѣлавъ видъ должной строгости», приказалъ посадить бѣглецовъ подъ караулъ, но «потомъ все сіе ослабивъ», потребовалъ Хватова съ его товарищами къ себѣ въ домъ, гдѣ допрашивалъ его, «зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Лы-

---

[1]) Въ г. Житомирѣ, Волынск. губ. кн. Александръ былъ въ чинѣ отставнаго полковника. Князь же Егоръ въ то время имѣлъ чинъ отставнаго кавалерійскаго маіора.

[2]) Дѣло Макарьев. у. суда 1802 г., № 698.

[3]) Тамъ же и дѣло за 1798 г., № 695.

[4]) Въ бытность мою въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, мнѣ удалось узнать, что изъ числа оставшихся отъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ дѣлъ, особенно Макарьевскаго и Семеновскаго, заключавшихъ въ себѣ бумаги о Керженскомъ расколѣ, изъ Ивановской башни, гдѣ дѣла, еще не разобранныя, лежали сложенными, какъ дрова, сторожемъ съ одной интеллигентной личностью было украдено и продано слишкомъ 30 возовъ архивныхъ бумагъ.

Библиотека "Руниверс"

сково и имѣетъ ли паспортъ?» Хватовъ паспорта не имѣлъ, но показалъ довѣренность отъ госпожи.

— Дай ее сюда! И взявъ оную», князь закричалъ: «чтобы впредь ты не смѣлъ ѣздить ко мнѣ ловить бѣглыхъ безъ паспорта», и сталъ его «немилосердно бить кулаками по лицу и выбилъ четыре зуба, потомъ велѣлъ подать бывшимъ тутъ двоимъ сотскимъ палочья и онымъ его наказывалъ, отъ чего на лицѣ и спинѣ остались «боевые знаки». Также билъ онъ тѣмъ палочьемъ и товарища Хватова, крестьянина Аверьянова. Послѣ этого князь велѣлъ Хватова заковать въ желѣзы, а Аверьянова посадить на цѣпь и въ такомъ состояніи продержалъ ихъ цѣлые сутки. «Наконецъ, подъ видомъ неимѣнія паспортовъ, онъ переслалъ ихъ къ слѣдствію въ Макарьевскій Нижній земскій судъ. Тамъ Хватовъ и Аверьяновъ просили себѣ защиты или хоть «должнаго свидѣтельствованія»; «но судъ, не приступя ни къ тому, ни къ другому, принудилъ ихъ дать допросы, съ настоящимъ происхожденіемъ дѣла противные, переславъ всѣхъ въ Курмышскій нижній земскій судъ, гдѣ они уже и должны были вновь показать сущую правду.

На такія дѣйствія Макарьевскаго суда Насакинъ подалъ губернатору жалобу. Приказано было произвести точное слѣствіе. Отъ князя Грузинскаго потребовали объясненія. Но онъ, какъ ловкій сутяга, не оправдывая своихъ дѣйствій и въ тоже время не подтверждая ихъ, 1-го Мая 1811 г. подалъ въ Макарьевскій судъ слѣдующее оригинальное прошеніе «на высочайшее имя».

«Въ судѣ производится дѣло, якобы въ битьѣ мною дворовaго человѣка Хватова и въ проживаніи въ с. Лысковѣ крестьянъ Насакина. Такого рода подозрѣніе принимать докладными 1788 г., Марта 15-го, отъ кн. Репнина пунктами не велѣно. Я, не имѣя вліянія на доказательство утопченной (sic) Насакинымъ въ просьбѣ неправды, побуждаюсь только поставить въ виду о томъ, сколько она исполнена отступленія отъ правилъ и порядка, какой по предмету сему въ законахъ предопредѣленъ, и возбраняемо производить удовлетворительное по таковымъ просьбамъ производство».

«Хватовъ съ Аверьяновымъ и Ѳедоровымъ [1]), по поимкѣ ихъ въ разновладѣльческомъ селѣ Лысковѣ [2]) и по представленіи тутошними сотскими въ Макарьевскій нижній земскій судъ къ сужденію, въ допросахъ [3]) ни о чемъ, кромѣ кратковременныхъ отлучекъ безъ паспор-

---

[1]) Третій товарищъ.

[2]) Въ Лысковѣ жили еще крестьяне, принадлежавшіе экономическому вѣдомству, помѣщику Каризнѣ, кн. А. Б. Голицыну и дочери князя Егора, вышедшей потомъ замужъ за графа А. И. Толстаго.

[3]) На допросахъ въ Макарьевскомъ судѣ 20 Октября 1810 г.

Библиотека "Руниверс"

товъ, не показали и оное ихъ чистосердечное признаніе, по словамъ вопн. процессовъ 2 ч. 2 гл., должно принято и уважено во всей ихъ силѣ, противное же тому отъ нихъ показаніе [1]), по содержанію Улож. 21 гл., 8 ст., должно по самой справедливости признаться неимовѣрнымъ. Впрочемъ искъ въ отношеніи Хватова обязанъ по силѣ Улож. 13 гл. 7 ст. производить его настоящій помѣщикъ [2]), но онъ не проситъ; а Насакинъ въ такомъ дѣлѣ, до него непринадлежащемъ, съ восхищеніемъ власти другаго, входить не имѣетъ права, понеже (ук. 1714 г. Марта 17-го) фискаламъ вступать въ дѣло, гласъ имѣющимъ, запрещено и должно обратиться съ просьбой своей въ Макарьевскій, а не Курмышскій судъ; ибо, какъ сказано (въ 420 ст. Управ. губер.) «уѣзднаго суда власть далѣе того округа, гдѣ онъ учрежденъ, не распространяется», «а просить тамъ, гдѣ отвѣтчикъ вѣдомъ» [3]).

На основаніи этихъ своихъ заключеній, князь Егоръ просилъ судъ прекратить по жалобѣ Насакина дальнѣйшее производство. И должно быть, судъ послушалъ авторитетнаго княжескаго и камергерскаго слова. По крайней мѣрѣ этимъ и закончилась переписка о буйныхъ дѣяніяхъ дерзкаго предводителя дворянства.

IV.

«У всякаго барана свои рога, у всякаго барона своя фантазія», говоритъ пословица. Князь Егоръ, кажется, во всю свою жизнь не имѣлъ ни къ кому изъ людей привязанности, не зналъ и любви къ человѣчеству. За то онъ былъ страстный любитель лошадей и особенно породистыхъ собакъ. Дворъ его былъ переполненъ псами разныхъ видовъ, возрастовъ и породъ даже больше, чѣмъ имѣлось при домѣ дворовыхъ людей, на которыхъ, при чрезмѣрной княжеской жестокости, какъ увидимъ ниже, не всегда можно было надѣяться, между тѣмъ какъ съ собаками князь чувствовалъ себя въ безопасности отъ всякихъ посягательствъ на его жизнь. Нечего говорить, что на нихъ онъ тратилъ безумныя суммы. Стоило только ему увидѣть красиваго и породистаго пса, онъ не разставался съ нимъ. И если, паче чаянія, хозяинъ не соглашался продать таковаго за деньги, вѣрные служители княжескіе изъ глазъ вырывали собаку у владѣльца и припрятывали такъ, что днемъ съ огнемъ ее нельзя было найти.

Разсказываютъ, что благодаря этой страсти князя къ собакамъ, явилась возможность перевести изъ Макарьева [4]) въ Нижній-Новгородъ

[1]) Въ Курмышскомъ судѣ, 24 Октября.

[2]) Т. е. Бурцевъ.

[3]) Дѣло Макар. у. суда за 1811 г., № 710.

[4]) Макарьевъ переименованъ въ уѣздный городъ Нижегородской губ. по указу 5 Сентября 1779 г. изъ подмонастырской слободы Макарьевки, близъ Макарьевскаго монастыря на Волгѣ.

Библиотека "Руниверс"

знаменитую въ свѣтѣ «Макарьевскую» ярмарку. Купечество Нижегородское желало ея перевода въ губернскій городъ; того же желали мѣстное начальство и высшее правительство, для большаго развитія Русской торговли.

Особенно сильно тормозилъ это дѣло князь Е. А. Грузинскій. Ярмарка отстояла отъ его села Лыскова всего въ 3—4 верстахъ, сейчасъ же за р. Волгой; часть ярмарочныхъ помѣщеній стояла на его землѣ и приносила ему большіе доходы. Разстаться съ такой хорошей доходной статьей, конечно, ему было невыгодно, и онъ, очень широко пользуясь своимъ правомъ, какъ губернскій предводитель дворянства, яко бы оберегая окрестныхъ помѣщиковъ, усиливался оставить Макарьевскую ярмарку на прежнемъ положеніи, ибо-де съ переводомъ ея въ Нижній падетъ мѣстная промышленность (лѣсоводство и лѣсопроизводство) [1]) и нанесется значительный уронъ сельскому хозяйству, а особенно благосостоянію дворянъ.

Въ самый разгаръ ярмарочной торговли, въ с. Лысково пріѣзжаетъ графъ Н. П. Румянцовъ, тогдашній министръ торговли. Говорили [2]), что ему было поручено осмотрѣть ярмарку въ Макарьевѣ и дать свое заключеніе по поводу ея перевода. Графъ сдѣлалъ визитъ князю Грузинскому. Послѣдній принялъ его очень любезно и въ разговорѣ такъ краснорѣчиво и убѣдительно доказалъ ему всѣ неудобства и невыгодности перевода ярмарки въ Нижній, что тотъ, казалось, вполнѣ убѣдился его доводами. Князь удержалъ графа у себя въ селѣ, любезно предоставивъ въ его распоряженіе своихъ лошадей и экипажъ для поѣздки въ Макарьевъ. Графъ пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ большихъ бѣлыхъ въ коричневыхъ яблокахъ собакъ. Князь попросилъ продать ихъ ему.—Не могу! отвѣчалъ графъ. Черезъ нѣсколько дней у графа пропали его любимыя собаки.

Это происшествіе еще больше усилило антагонизмъ между княземъ Грузинскимъ и графомъ Румянцовымъ. Зная, что князь пользуется большими доходами съ ярмарки, графъ Николай Петровичъ твердо рѣшилъ ходатайствовать о переводѣ ярмарки въ Нижній. А чтобы не было помѣхи и чтобы ускорить «теченіе событій» принята была самая радикальная мѣра... Лишь только осенью купцы вывезли изъ торговыхъ помѣщеній всѣ свои товары и послѣдніе торговцы уѣхали от-

---

[1]) Близъ самаго Макарьева съ правой стороны впадаетъ въ Волгу р. Керженецъ, съ лѣвой—верстъ на сто Ветлуга, по которымъ сплавляется лѣсъ изъ Черноаменскихъ и Брянскихъ боровъ.

[2]) Нижеприводимый разсказъ записанъ со словъ А. П. Мельникова, чиновника особыхъ порученій при Нижегородскомъ губернаторѣ, которому о томъ передавалъ покойный Макарьевскій городской голова Дымовъ.

Библиотека "Руниверс"

туда, въ глухую темную осеннюю ночь [1]), Макарьевская ярмарка запылала со всѣхъ сторонъ, освѣщая на далекое пространство окрестныя села и деревни.

— Батюшки! горитъ наша благодѣтельница! увидя зарево, всполошились въ Макарьевѣ горожане.

«Сейчасъ же собрали пожарный обозъ, разсказывалъ далѣе Дымовъ, и туда; думаемъ: авось защитимъ матушку. Куда тебѣ!.. Кругомъ нея разставлены казаки и насъ близко къ ней не подпустили. Такъ и погибла наша кормилица. Сгорѣла вся до основанія».

На другой годъ, на стрѣлкѣ при сліяніи Оки съ Волгой въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ нынѣ Макарьевская часть, начали устраивать временныя деревянныя помѣщенія для будущей ярмарки, а въ слѣдующемъ 1818 году ее окончательно перенесли туда.

Вотъ какъ иногда, благодаря самымъ ничтожнымъ обстоятельствамъ, рѣшаются самыя большія дѣла!

V.

Какъ самъ владѣлецъ Лыскова, такъ и крестьяне у него были отчаянные люди. «Каковъ попъ, таковъ приходъ». Дивиться этому, понятно, нечего, коль скоро всякій сбродъ, разбойники, бѣглые, безпаспортные, незаконнорожденные [2]), непомнящіе родства, или такъ праздно шатающіеся, ищя привольныхъ мѣстъ, гдѣ бы «калачи сами пеклись въ печи», и прочій людъ съ сомнительнымъ прошлымъ всегда находили себѣ привѣтъ, ласку и радушный пріемъ въ вотчинѣ князя Грузинскаго. Не только разъ кто попалъ къ нему, тотъ уже никогда не могъ найти себѣ свободу, хотя бы былъ свободный человѣкъ, или имѣлъ на то право. Такой смѣльчакъ жестоко за это расплачивался...

Въ началѣ текущаго столѣтія изъ Владимирской губерніи помѣщицей Тиньковой въ Башкирію была переселена партія крестьянъ. Жизнь имъ тамъ не понравилась, и нѣкоторые изъ нихъ (крест. Герасимъ Ивановъ Курликовъ, съ отцомъ и женой Матреной, сыномъ Сергѣемъ, троюроднымъ братомъ Сергѣемъ же Тимофѣевымъ и его сыномъ Яковомъ) бѣжали (въ 1816 г.) въ Нижегородскую губернію и были приняты кн. Грузинскимъ въ с. Лысково, гдѣ лѣтъ 25-ть проживали своимъ домомъ наравнѣ съ его крѣпостными, платя ему съ

---

[1]) Какъ теперь, такъ и прежде Макарьевская ярмарка продолжалась съ 15 Іюля по 25 Августа (офиціально) и заканчивалась совсѣмъ 5 Сентября (неофиціально).

[2]) Дѣло Макарьевск. у. суда за 1833 г. № 727. „О подкинутыхъ неизвѣстно кѣмъ къ домамъ князи и крестьянъ его мужеска пола младенцахъ". Оказалось 12 подкидышей, объявившихся въ продолженіе 1818—1829 гг. По постановленію суда князю Грузинскому выданъ былъ на нихъ владѣнный указъ.

Библиотека "Руниверс"

каждой души (мужской) по 70 рубл. подати. Въ теченіе этого времени сынъ Курликова Сергѣй женился на крѣпостной князя, дѣвушкѣ Прасковьѣ, съ которой прижилъ шесть дочерей (Авдотью, Матрену, Ѳедосью, *Настасью*, Марью и Дарью), а отецъ и двоюродный братъ съ сыномъ померли. Всѣ они жили тихо, скромно; но вдругъ въ послѣднее время вотчинное правленіе стало притѣснять это семейство. Сначала самъ Курликовъ три недѣли ни за что просидѣлъ въ оковахъ, потомъ сынъ отданъ былъ въ смирительный домъ. Въ силу необходимости, крестьянинъ подалъ въ судъ прошеніе, гдѣ, излагая обстоятельства дѣла, просилъ освободить его изъ владѣнія князя Грузинскаго. Въ судъ были вызваны бурмистръ Колесовъ и управляющій Калининъ. Оба они заявили, что всѣ Курликовы суть крѣпостные князя. Послѣдній даже представилъ купчую крѣпость, заключенную имъ, княземъ, съ прапорщикомъ Никифоровымъ 31 Марта 1834 г., въ которой было сказано, что Никифоровъ продалъ князю «крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей Герасима Иванова съ женою его Матреною, съ сыновьями ихъ Сергѣемъ и Ѳедоромъ, находящимися въ бѣгахъ (sic), съ Сергѣевой женою Прасковьею и ихъ дочерьми Авдотьей, Матреной, Ѳедосьей и *Натальей*».

Несмотря на явныя противорѣчія купчей крѣпости съ показаніемъ бурмистра, утверждавшаго, что сынъ Курликова Сергѣй женился, уже будучи якобы крѣпостнымъ кн. Грузинскаго, слѣдовательно долженъ быть купленъ холостымъ, и не обращая вниманія на то, что у Сергѣя не было дочери Натальи, уѣздный судъ, основываясь только на представленной копіи съ купчей (кстати сказать, никѣмъ не засвидѣтельствованной и не провѣренной) отказалъ Курликову въ его домогательствахъ. Вотчинное начальство заковало его въ цѣпи и посадило въ такъ называемый «*черный приказъ*», откуда бѣднякъ только черезъ годъ былъ выпущенъ по просьбѣ сына. Передъ выпускомъ Курликовъ захворалъ и черезъ нѣсколько дней померъ. Сергѣй же былъ отданъ въ пожарную команду на полгода, но оттуда бѣжалъ и подалъ апелляціонную жалобу. Такъ какъ срокъ подачи этой жалобы былъ пропущенъ, то судъ оставилъ ее безъ послѣдствія. И какъ ни странно, прокуроръ призналъ правильнымъ это рѣшеніе уѣзднаго суда *).

Набранные, такимъ образомъ въ Лысково крестьяне, какъ говорится, съ кола да съ висѣлицы, и къ тому же сильно притѣсняемые, конечно, должны были неминуемо озлобиться и были озлоблены про-

*) Изъ дѣла Макар. у. суда за 1841 г. № 739.

Библиотека "Руниверс"

тивъ всѣхъ и вся [1]), а еще больше противъ своего помѣщика. Жалѣю, что мнѣ Овчинниковъ [2]) попался, когда у меня никакого оружія не было, какъ-то разъ похвалялся одинъ изъ Лыковскихъ жителей, крестьянинъ Муромцевъ: скололъ бы его. Теперь постоянно ношу при себѣ ножикъ или кинжалъ. Доберусь я и до князя. Въ случаѣ какого за дурные поступки или неплатежъ податей взысканія, пойду къ нему на Пасху христосоваться, пырну его головой въ брюхо, а ежели не удастся его съ ногъ сшибить, то, подъ видомъ просить прощенія, упаду ему въ ноги, схвачу за нихъ и уроню такъ, чтобы душа его вонъ» [3]).

Видно, не сладко жилось Лысковскимъ крестьянамъ даже въ тѣ дни (въ 1843 году), «на склонѣ дней» ихъ помѣщика, когда, по выраженію одного неизданнаго сатирическаго стихотворенія [4]),

„привыкъ къ концу обѣда
князь Грузинскій засыпать".

Онъ обрюзгъ, опустился, постарѣлъ [5]) и, конечно, не могъ уже съ прежней энергіей и силой тиранить и мучить своихъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какъ скончалъ свои годы этотъ буйный человѣкъ, надѣлавшій такъ много зла въ свою жизнь...

П. Юдинъ.

Вспомнимъ, что этотъ же самый князь Грузинскій находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ Сперанскимъ(!). П. Б.

---

[1]) Въ архивѣ Макарьевск. у. суда сохранилось дѣло (1826 г., № 720) о крестьянинѣ Моревѣ, который носилъ въ карманѣ 3-хъ фунтовую гирю съ намѣреніемъ „за досаду убивать людей". Онъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на поселеніе въ Сибирь.

[2]) Бурмистръ князя Грузинскаго въ 1843 году.

[3]) Дѣло Макарьевск. у. суда 1843 г., № 740. Муромцевъ, по показанію крестьянъ, „съ малолѣтняго возраста былъ поведенія развратнѣйшаго". Судъ приговорилъ его къ наказанію 30 ударами плетью и ссылкѣ въ Сибирь.

[4]) Стихотвореніе это подъ названіемъ „Эпоха 1843 г." описываетъ всѣхъ чиновниковъ и помѣщиковъ Нижегородскихъ; хранится оно въ архивѣ Нижегородск. Ученой Архивной Комиссіи.

[5]) Тамъ же находятся и два гравированные портрета князя Грузинскаго, снятаго сидящимъ въ креслѣ. Я хотѣлъ было снять фотографическій снимокъ съ одного изъ нихъ и заручился уже согласіемъ лица, которое передало портретъ въ комиссію, но при всѣхъ моихъ хлопотахъ я не могъ добиться на это разрѣшенія. Предсѣдатель комиссіи г. Савельевъ обѣщалъ доложить мою просьбу „въ ближайшее засѣданіе" членовъ, но такъ и не исполнилъ до сего времени своего обѣщанія, не смотря на мои неоднократныя ему о томъ напоминанія.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА О ПОРТРЕТАХЪ СУВОРОВА

и Альбомѣ Антинга.

Наступающая столѣтняя годовщина кончины Суворова вызываетъ особенный интересъ къ изображеніямъ великаго полководца. Генералъ Бильдерлингъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и г. „Русскій“ въ „Новомъ Времени“ сообщили публикѣ много любопытнаго о существующихъ въ Россіи портретахъ Суворова. Было бы весьма желательно собрать свѣдѣнія о такихъ же портретахъ, сохранившихся за границей. Я, съ своей стороны, могу указать на слѣдующія два изображенія:

1) У графа Викенбурга, въ м. Глейхенбергѣ, въ Штиріи, есть небольшой акварельный портретъ Суворова, совершенно схожій (въ уменьшенномъ видѣ) съ портретомъ Шмидта 1800 г. На оборотной сторонѣ имѣется надпись, удостовѣряющая, что портретъ этотъ написанъ *самимъ Шмидтомъ* въ Прагѣ; онъ привезенъ въ Штирію изъ Россіи графомъ Викенбургомъ, бывшимъ, въ началѣ столѣтія, Баварскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

2) Въ частной коллекціи д-ра Шубарта въ Мюнхенѣ находится альбомъ (Stammbuch) извѣстнаго силуэтиста Фридриха Антинга, гдѣ изображенъ и Суворовъ. Д-ръ Шубартъ весьма обязательно позволилъ мнѣ сдѣлать съ соотвѣтствующаго листка этого альбома фотографическій снимокъ. Силуэтъ Суворова помѣщенъ въ медальонѣ, подъ обвитымъ лаврами шлемомъ; надъ шлемомъ пальмовыя вѣтви, а вокругъ Турецкіе трофеи; въ отдаленіи изображено сраженіе съ аттакующими Русскими и бѣгущими Турецкими войсками. Надпись подъ медальономъ: „Wohl dem Helden auf dessen Loorbeeren die Palme grünt“, сдѣлана рукою Антинга; наверху имѣются слѣдующія строки, *написанныя самимъ Суворовымъ*:

„Vergeh mit mir nur dieser mein Schatten,
eh ich werde die
Tugend verrathen.
Gr. Alexander Suworow Rymnikski.
Cherson d. 7 Iuni 1793“.

Силуэтъ и автографъ относятся къ тому времени, когда Рымникскій и Измаильскій герой, командуя войсками въ новоприобрѣтенномъ отъ Турокъ краѣ, занимался въ Херсонѣ мирными организаціонными работами. Хотя изображеніе это даетъ лишь общее и несовершенное понятіе о чертахъ Суворова, оно интересно въ томъ отношеніи, что несомнѣнно сдѣлано съ натуры и, притомъ, лицомъ весьма къ фельдмаршалу близкимъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія силуэты *), были въ большой модѣ, и въ Пе-

*) Сдѣлавшееся нарицательнымъ слово „*силуэтъ*“ на самомъ дѣлѣ фамилія довольно извѣстнаго Французскаго финансиста и государственнаго дѣятеля Etienne de Silhouette,

Библиотека "Руниверс"

тербургѣ особенною славою силуэтиста пользовался авторъ настоящаго альбома, Фридрихъ Антингъ, извѣстный также въ качествѣ путешественника, военнаго и, позднѣе, біографа Суворова. Антингъ родился въ Германіи и былъ сперва преподавателемъ къ Пажескомъ корпусѣ въ Готѣ; предпринявъ большое путешествіе, онъ посѣтилъ Парижъ, Берлинъ. Вѣну, Константинополь и Петербургъ. и всюду имѣлъ, благодаря своему таланту, сношенія съ высшимъ обществомъ. Проѣздомъ черезъ Польшу, онъ встрѣтился съ Суворовымъ, который приблизилъ его къ себѣ и назначилъ своимъ адъютантомъ: онъ оставался при фельдмаршалѣ до самой его смерти и когда Суворова постигла немилость императора Павла, подвергся даже аресту. Послѣ кончины Суворова онъ велъ процессъ съ его наслѣдниками изъ за подаренаго ему имѣнія и умеръ въ бѣдности, въ Петербургѣ въ 1805 г. Въ 1795 г. онъ издалъ жизнеописаніе Суворова подъ заглавіемъ: „Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski".

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ альбомѣ Антинга. представляющемъ совершенно особенный интересъ для Русской публики: въ немъ заключается около 200 оригинальныхъ силуэтовъ, списанныхъ Антингомъ съ извѣстнѣйшихъ лицъ современнаго ему высшаго общества, при чемъ болѣе трети этихъ лицъ Русскіе, или имѣютъ прямое отношеніе къ Русской исторіи. Каждый силуэтъ окруженъ акварельными атрибутами, эмблемами и т. п. во вкусѣ тогдашняго времени; но что̀ придаетъ этому собранію особенную цѣну, это автографы изображенныхъ въ немъ лицъ, состоящіе изъ подписей. изреченій, стихотвореній и т. д. Здѣсь имѣются сдѣланные съ натуры силуэты и автографы графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, графовъ Панинныхъ, графа Румянцова-Задунайскаго, фаворитовъ Зорича и Корсакова, И. И. Шувалова, митрополита Платона, Римско-катол. митрополита Сестренцевича, фельдмаршала князя Прозоровскаго, вице-канцлера князя Голицина, князя П. М. Дашкова, графа А. К. Разумовскаго, князя А. Б. Куракина, Булгакова. Хераскова и многихъ другихъ. Нельзя сказать, чтобы надписи и изреченія всѣхъ этихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ лицъ отличались особенною глубиною содержанія, не отличаются онѣ (въ особенности писанныя на Русскомъ языкѣ) увы! и строгостью правописанія; но автографы эти даютъ необыкновенно живое представленіе о пестрой образованности тогдашняго Русскаго высшаго общества. Порусски пишутъ весьма немногіе. Вотъ наприм., мало искусный, почти допетровскій, почеркъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго *):

родившагося къ 1709 г. и бывшаго сперва управляющимъ у герцога Орлеанскаго, затѣмъ королевскимъ комиссаромъ при Ость-Индской Компаніи и, наконецъ, генеральнымъ контролеромъ и министромъ (1759 г.). Его попытки поправить Французскія финансы путемъ крайняго сокращенія расходовъ навлекли на него насмѣшки публики. Все, что̀ въ тогдашнихъ людяхъ носило печать сухости и упрощенности, получило, въ шутку, названіе „à la Silhouette", окончательно оставшееся за вышеупомянутымъ родомъ портретовъ.

*) Всюду сохранено правописаніе подлинника.

Библиотека "Руниверс"

„Хотя со всемъ всвете растаться,
Но при истинне буду держаться".

1791. Сентября 4 дня.
С.-Петербургъ.

Поэтъ и попечитель Московскаго университета Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ обращается къ автору альбома съ такими стихами:

„Изчезнутъ тени всѣ, когда угаснетъ день;
Искуство ты нашелъ удерживать и тень".

Генералъ аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ пишетъ:

„Тѣнь сохраняетъ что время истребляетъ".

Фаворитъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ:

„Щастливое рожденіе, сопряженное съ отмѣнною наукою, заставитъ себя при первомъ свиданіи уважать". 1791 г. Декабря 14 дня. Шкловъ.

Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ:

„Чрезъ время долгое, себѣ подобны зрятся,
„И краску потерять и нѣжность не боятся".

Генералъ-маіоръ Свѣчинъ:

„Невсегда добродетель возвышаетъ, но более унижаетъ".

Дипломатъ и писатель Яковъ Ивановичъ Булгаковъ:

„Времянъ въ глубокомъ отдаленіи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни
Которыхъ мужественъ былъ духъ".

Генералъ-поручикъ Алексѣй Григорьевичъ Ступишинъ:

„Гоняясь за суетой и ночь и день
Неложное добро оставя такъ какъ тень".

Высшіе іерархи Русской Церкви выражаются на весьма изысканномъ Латинскомъ языкѣ:

Митрополитъ Платонъ:

„Quis credat corpus quidem mori, umbram autem vivere posse?"
Plato, Dei gr. metropolita Mosquensis.

Преосвященный Серапіонъ:

„Vivos exanguis imago refert vultus.
Efficit hoc docti artificis manus".
Serapion. D. g. episcopus Dmitrovensis. vicarius Mosquesnis.

На Латинскомъ же языкѣ пишутъ нѣкоторые государственные дѣятели.

Вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ:

„Sperat infestis, metuit secundis
Alteram sortem bene preparatum pectus".
Princeps Alexander a Galitzin.

Президентъ Коммерцъ-коллегіи графъ Іоганъ-Эрнстъ Мивихъ:

„Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem: non secus in bonis
Ab insolenti temperatam laetitia".

Библиотека "Руниверс"

Но большинство изреченій, стиховъ и т. д. написано, конечно, по французски, въ модномъ тогдашнемъ чувствительно-нравоучительномъ тонѣ. Силуэтъ Потемкина изображенъ на урнѣ, обвитой розами; подъ нимъ написано, очевидно чужимъ почеркомъ:

„Du mortel le plus heureux voilà ce qui nous reste".

Графъ Никита Петровичъ Панинъ:

„Le vice seul est bas, la vertu fait le rang",

„Et l'homme le plus juste est aussi le plus grand".

Графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій (впослѣдствіи оберъ-камергеръ).

„Pour faire fortune, ce n'est pas de l'esprit qu'il faut, c'est de la délicatesse qu'il ne faut pas".

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. А. Прозоровскій:

„Telle est l'ombre de ma vie".

A. prince Prosorovsky, gén. en chef et chevalier des plusieurs ordres.

Сенаторъ и писатель князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ:

„L'ombre de son objet atteste la présence.
Ce principe si sûr quelquefois nous séduit:
Car l'ombre du bonheur que tout mortel encense
Au bonheur ici bas ne l'a jamais conduit".

Алексѣй Семеновичъ Хвостовъ, повѣренный въ дѣлахъ при Турецкомъ дворѣ:

„La guerre et Constantinople ne sont bons que quand on en est revenu".

Князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ:

„Plus heureux qu'Apelles, en noircissant les traits,
Jamais on ne se plaint de vos couleurs perfides.
Votre sombre pinceau cache tous les attraits,
Mais n'en couvre pas moins les défauts et les rides".

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ):

„Une dévote un jour dans une église
Offrit un cierge au bienheureux Michel,
Et l'autre au diable. Oh quelle méprise!
Mais c'est le diable! ...У pensez vous, o Ciel!
Laissez dit-elle, il ne m'importe guères:
Il faut toujours penser à l'avenir,
Et les amis sont partout nécessaires".

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно. чтобы показать весь интересъ альбома Антинга для любителей нашей родной старины. Нельзя не испытать сожалѣнія, что это рѣдкое собраніе портретовъ и автографовъ дѣятелей Екатерининской эпохи находится за границею, а не въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ. Казалось бы, что альбому, составленному сподвижникомъ Суворова и на страницахъ коего собственноручно начертано имя великаго Русскаго полководца, всего приличнѣе было бы занять мѣсто въ будущемъ Суворовскомъ музеѣ.

А. И.

Мюнхенъ, Мартъ 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

I. Нѣкоторыя подробности о его пребываніи въ Оренбургѣ.

Въ Январьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 г. (стр. 78), помѣщено взятое изъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора „дѣло № 78 объ учрежденіи тайнаго надзора за временно прибывшимъ въ Оренбургъ поэтомъ Пушкинымъ“, но безъ всякихъ объясненій. Между тѣмъ тутъ указывается, что „во время кратковременнаго въ Оренбургѣ его пребыванія“ „не было за нимъ полицейскаго надзора“ (какъ того требовалъ, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія Государственнаго Совѣта 1828 г., отношеніемъ отъ 9-го Октября, Нижегородскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ). Дѣло въ томъ, что Александръ Сергѣевичъ останавливался въ домѣ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго, который удостовѣрялъ, „что поѣздка поэта въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій“. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ поводъ сдѣлать къ этому „дѣлу“ нѣсколько добавленій.

Какъ извѣстно, В. А. Перовскій (впослѣдствіи графъ), не смотря на его суровость и подъ часъ чрезмѣрную въ обращеніи съ подчиненными строгость, былъ въ сущности человѣкъ добрый и отзывчивый, особенно покровительствовавшій ученымъ и литераторамъ, будучи самъ не чуждъ литературныхъ занятій. Зная при томъ же, какъ относился къ поэту Николай Павловичъ и съ чьего разрѣшенія онъ предпринялъ поѣздку въ Оренбургскій край, Василій Алексѣевичъ сказывалъ ему самое широкое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ для предполагаемой „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Не говоря уже о томъ, что онъ кормилъ его роскошными обѣдами и поилъ на славу, онъ самъ показывалъ ему мѣста главнѣйшихъ дѣйствій Пугачева близъ Оренбурга. Пушкинъ, такимъ образомъ, побывалъ и въ знаменитой Бердѣ, и въ Каргалѣ и въ Сакмарскѣ (въ 30 верст. отъ Оренбурга, въ то время станицы Уральскаго, а нынѣ съ 1869 г. Оренбургскаго казачьяго войска), слушалъ тамъ казачьи пѣсни и разсказы про Пугачева. Потомъ посѣтилъ онъ другія крѣпости ниже Оренбурга вплоть до города Уральска *), гдѣ еще засталъ въ живыхъ извѣстнаго Дениса Пьянова, разсказавшаго ему много про Пугачевщину.

*) Уральскъ въ то время входилъ въ составъ Оренбургской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Тогда чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ служилъ въ Оренбургѣ писатель (и врачъ) Владиміръ Иван. Даль (Казакъ Луганскій). Онъ также способствовалъ Пушкину въ собираніи матеріаловъ. Старожилы даже увѣряютъ, что, по порученію Перовскаго, Даль сопровождалъ поэта въ его поѣздкѣ по станицамъ и крѣпостямъ (до Уральска) и указывалъ ему мѣста Пугачевскихъ становищъ и погромовъ.

Перовскій такъ увлекся Пушкинымъ, что отдалъ ему изъ своей канцеляріи всѣ дѣла о Пугачевѣ, и Пушкинъ ихъ увезъ съ собой. Гдѣ теперь находятся дѣла эти, покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ архивѣ же бывшей канцеляріи военнаго губернатора и въ штабѣ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса нѣтъ ни одного дѣла о Пугачевщинѣ.

Пробылъ А. С. Пушкинъ въ Оренбургѣ три дня: съ 18 по 20-е Сентября 1833 г. Перовскій въ то время квартировалъ въ домѣ мурзы полковника Тимашева, на Губернской, что нынѣ Николаевская улица (главная въ городѣ), какъ разъ противъ Благовѣщенской (теперь Вознесенской) церкви. Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ купцу Ив. Вас. Ладыгину, и въ немъ помѣщаются табачный и аптекарскій магазины.

Къ сожалѣнію, не смотря даже на празднованіе мѣстнымъ обществомъ въ 1887 году 50-лѣтія со дня кончины Пушкина, о домѣ этомъ въ Оренбургѣ никто не вспомнилъ, и домъ этотъ до сей поры остается ничѣмъ неотмѣченнымъ: нѣтъ даже простой надписи, что здѣсь когда-то жилъ великій поэтъ земли Русской. А между тѣмъ въ Оренбургѣ болѣе 15 лѣтъ существуетъ Ученая Архивная Коммиссія, обязанность которой заботиться о сохраненіи въ народѣ памяти о прошлыхъ дѣятеляхъ края. Если не всемірная слава Пушкина, то уже одно созданіе имъ „Исторіи Пугачевскаго бунта", основанной на документахъ Оренбургскихъ архивовъ и описывающей одну изъ видныхъ и важнѣйшихъ эпохъ Оренбургской лѣтописи, должно было бы побудить эту коммиссію сдѣлать вещественное напоминаніе о пребываніи поэта въ „столицѣ степей".

Позволительно надѣяться, что мѣстныя умственныя силы теперь не позабудутъ о томъ, чтобы почтить поэта въ день сотой годовщины его рожденія хотя бы надписью на вышепоказанномъ домѣ.

II. Астраханскіе подписчики на сочиненія Пушкина.

Въ IX выпускѣ „Русскаго Архива" за 1893 годъ мы сообщали „о первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина" по документамъ, отысканнымъ нами въ Уфимскомъ архивѣ, приведя при этомъ списокъ лицъ, подписавшихся на это изданіе въ прежней Оренбургской губерніи [1]). Нынѣ мы имѣли возможность отыскать подобныя же данныя въ Астраханскомъ губернскомъ архивѣ (за 1837 г., № 290).

[1]) Обнимавшей въ то время нынѣшнія губерніи Оренбургскую и Уфимскую и часть Самарской (уѣзды Бугульминскій, Бузулукскій и Бугурусланскій), области Тургайскую и Уральскую и степь внутренней Букеевской орды которая входитъ теперь въ составъ Астраханской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ по смерти поэта, въ пользу его семейства, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора, было предпринято высочайше утвержденной опекой изданіе всѣхъ его сочиненій. 22-го Мая 1837 г., министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ по этому случаю циркулярнымъ письмомъ [1]) прислалъ Астраханскаго военнаго губернатора свиты его величества генералъ-маіора Тимпризева распространить это изданіе и въ Астраханской губерніи.

Иванъ Семеновичъ охотно откликнулся на предложеніе министра и немедленно по полученіи письма (11 Іюня) разослалъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ циркулярныя же предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: „Съ удовольствіемъ принявъ на себя исполненіе такого порученія, я увѣренъ, что всѣ любители отечественной литературы поспѣшатъ принять участіе въ пріобрѣтеніи полнаго собранія сочиненій незабвеннаго Русскаго поэта и тѣмъ почтить память его и вмѣстѣ способствовать къ обезпеченію благосостоянія сиротъ дѣтей его. Высокій примѣръ нашего милостиваго Монарха, изъявившаго особенное участіе къ судьбѣ покойнаго и осыпавшаго своими монаршими щедротами его осиротѣвшее семейство, вѣроятно возбудитъ въ достойныхъ цѣнителяхъ Пушкина должное соревнованіе“.

Вслѣдъ за этимъ, по соглашенію опеки съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, было выслано (18 Іюня) Астраханскому губернатору на первый разъ 25 билетовъ, съ № 8026 по 8050 включительно. Въ какихъ нибудь 1½ мѣсяца билеты были раскуплены, такъ что къ 7 Августа въ канцеляріи губернатора не осталось ни одного. Тогда, 27 Сентября, было прислано еще 22 билета (подъ №№ 9918—20, 9925—28 и съ № 10. 986 по 11000) и, наконецъ, 11 Октября еще три билета (за №№ 10.311—10313) [2]). Къ Апрѣлю 1839 года недостало и этихъ билетовъ, вслѣдствіе чего двумъ подписчикамъ пришлось выписывать сочиненія Пушкина безъ билетовъ.

Несмотря на значительную цѣну изданія этого, по подпискѣ до 1 Октября 1837 г. на ординарной бумагѣ 25 руб. ассиг., съ пересылкой 35 р., и на веленевой, 40 р., съ пересыл., 50 руб. ассиг., въ разсрочку на три срока [3]), подписывались на него не только состоятельные люди, но даже бѣдные чиновники, внося полностію подписныя деньги, въ виду чего подписка была отсрочена до дня выхода въ свѣтъ послѣднихъ томовъ [4]).

Первыми откликнулось на приглашеніе губернатора мѣстное купечество. „Съ удовольствіемъ желали имѣть одинъ экземпляръ этого изданія“ члены Астраханскаго магистрата. За ними разомъ на три экземпляра под-

---

[1]) Такое письмо уже приведено въ указанномъ нами выпускѣ „Русскаго Архива“.

[2]) Желательно было бы знать, какое именно количество экземпляровъ разошлось по Россіи этого изданія, судя по представленнымъ номерамъ довольно значительное. Надо думать, Астраханская губернія была не изъ послѣднихъ. Допуская, что было продано только 11 т. экз., хотя по 35 руб., то выручено было приблизительно 385 т. рублей.

[3]) Порядокъ подписки и сроки см. въ IX в. „Русскаго Архива“ за 1893 г.

[4]) Первые три тома были высланы въ Астрахань 10-го Іюня 1838 г., а остальные 19 Февраля 1839 года; всего было 8 томовъ.

Библиотека "Руниверс"

писались члены Губернскаго Правленія (надв. сов. Потаповъ, колл. асс. Мальцовъ и тит. сов. Шавердовъ). Потомъ на 1 экземп. заявили желаніе члены Черноярскаго магистра. Далѣе подписчики идутъ въ такой послѣдовательности (по порядку ихъ подписки):

Членъ отдѣленія Сальянской опеки надв. сов. Орловъ и тит. совѣтница Ахматова по 1 экз.

Астраханская городская дума 9 экзем., а именно: Астрах. купецъ Алексѣй Михайл. Холщевниковъ, купеческіе сыновья: Николай Хлѣбниковъ, Николай Киселевъ, Яковъ Турыжниковъ. Петръ Кондр. Шапошниковъ, изъ Армянъ Егоръ Франгуловъ, Петръ Енибековъ, Григорій Бендерцовъ и комиссіонеръ Сарептскаго общества Ѳедоръ Ѳедоровъ.

1 экз., асессоръ рыбной экспедиціи тит. сов. Крыловъ.

3 экз., совѣтъ Калмыцкаго управленія и. д. предсѣдателя суда, кол. ас. Романовъ, члены совѣта и смотритель Калмыцкаго базара Добринскій.

По 1 экз. тит. сов. Рѣшетниковъ, старшій адъютантъ штаба военнаго губернатора Кохановъ и командиръ 3-го Астраханскаго казачьяго полка войсковой старшина Тетеринъ (изъ Камышина).

2 экз., члены Ламайскаго духовнаго правленія (первая серія 25 билетовъ).

Послѣ того (во 2-ю серію) подписались: владѣлецъ Хошоутовскаго (Калмыцкаго) улуса полковникъ князь Сербеджанъ-Тюмень, Астраханскаго соляного правленія старш. совѣтники, тит. с. Ильинъ и смотрители соляныхъ озеръ: Басинскихъ, губ. секр. Шавердовъ кол. сов. Хватковъ, Алгаринскій соляной приставъ кол. асс. Василій Аѳанасьевъ (Алгара, Красноярск. у.) каждый по одному экземпляру. 10 экз., чиновники Астрахан. Казенной Палаты: вице-губернаторъ ст. с. Филиповъ, совѣтники: кол. с. Каширевъ, над. с. Зубаревъ, кол. ас. Кармалинъ, губерн. контролеръ кол. ас. Иванъ Аѳанасьевъ, асессоръ тит. с. Ключаревъ, и. д. Астрах. уѣзднаго казначея 12 класса Ивановъ, столоначальники: губ. секр. Крашенинниковъ и кол. рег. Семенъ Аѳанасьевъ и канцелярист Павелъ Юковъ.

Больше-дербетевскій владѣлецъ капитанъ Огиръ-Ханчуковъ. Въ экспедицію рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ пять экземпляровъ, а именно: секретарь тит. с. Михаилъ Нарвскій, и. д. столоначальникъ кол. рег. Никифоръ Ливановъ и смотрители Гаврила Гангесовъ, губ. секр. Николай Добровольскій и тит. сов. Гаврила Кузьминъ (послѣдній подписался на экземпляръ на веленевой бумагѣ, представивъ 45 руб.).

Владѣлецъ Яндыковско-Икицохуровскаго улуса Церень Аришо и 2 экз. для библіотеки пансіона Астраханскаго казачьяго войска.

Послѣдніе три экземпляра, распроданные уже въ 1839 году, распредѣлились между подполков. Астраханскаго казачьяго войска Алѣевымъ, надв. сов. Залецкимъ и лейтенантомъ Никоновымъ *).

---

*) Оправдывались слова Пушкина:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ во всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

Библиотека "Руниверс"

Всего въ Астраханской губерніи было распродано перваго изданія сочиненій Пушкина 52 экземпляра на сумму 1825 рублей.

Достойно при этомъ замѣчанія, что никто изъ городничихъ, изъ полицейскихъ чиновъ, судей уѣздныхъ и земскихъ судовъ, а особенно изъ духовенства, но еще болѣе страннѣе изъ представителей народнаго просвѣщенія, не откликнулся на благой призывъ министра и не подписался хотябы по одному экземпляру для каждаго учрежденія. Страннѣе всего, что это обстоятельство имѣло мѣсто тогда, когда въ Астраханской губерніи директоромъ народныхъ училищъ былъ любитель отечественной старины, историографъ и самъ писатель, извѣстный М. С. Рыбушкинъ.

Прошло 23 года послѣ этого. Въ 1860 году, бывшіе „воспитанники всѣхъ курсовъ императорскаго Александровскаго Лицея, увѣренные въ глубокомъ сочувствіи соотечественниковъ къ памяти питомца сего заведенія Александра Пушкина, обратились съ просьбою о дозволеніи открыть повсемѣстно подписку для сооруженія этому поэту памятника, достойнаго народной его славы“. По всеподданѣйшему докладу о томъ принца Ольденбургскаго, Государь Императоръ, „соизволивъ на открытіе подписки, повелѣлъ поставить памятникъ въ Царскомъ Селѣ. въ бывшемъ Лицейскомъ саду“.

Сообщая объ этомъ (14-го Декабря 1860 г. за № 165) Астраханскому губернатору, министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской просилъ его пригласить жителей Астраханской губерніи къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ. Но, увы, въ теченіе 1861 года было собрано *всего 7 рублей 53 коп.*, да и то присланныхъ изъ уѣздовъ...

Такъ почтили тогда память великаго поэта Астраханцы. Теперь же, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, дума въ послѣднемъ засѣданіи (10 Марта) постановила. въ ознаменованіе столѣтія со дня его рожденія. открыть начальное женское училище имени Пушкина, раздать всѣмъ учащимся въ городскихъ училищахъ Пушкинскіе сборники и отслужить въ день его рожденія панихиду.

Удивительно, какъ времена мѣняются!

П. Юдинъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ПРАСКОВЬИ ИВАНОВНЫ ОРЛОВОЙ.

(Артистки Императорскаго театра).

Это было 14-го Ноября 1841 года. Потому такъ хорошо помню это время, что слишкомъ много перенесла горя и треволненій въ этотъ день. Моя милая, любимая наставница, утѣшительница и баловница бабушка Ксенія Ивановна, мать отца, была очень больна. Я пріѣзжала къ родителямъ наканунѣ, привезла имъ билетъ на ложу, видѣла, что бабушка слаба; но меня успокоили, и я никакъ не ожидала, что вижу ее въ послѣдній разъ.... Душа сильно болѣла, а въ день спектакля еще прибавилось горе, и вотъ какое: Мочаловъ игралъ Грузинскаго князя влюбленнаго въ *Майко*, *) а она была уже обручена съ бѣднымъ, любимымъ ею Грузиномъ. Его игралъ Самаринъ. Надо сказать, что Мочаловъ очень любилъ П. В. Беклемишева, всегда бывалъ у него и въ упоеніи виномъ повѣрялъ ему свою любовь ко мнѣ. Беклемишевъ жилъ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ внизу былъ винный погребъ, и всѣ посѣщавшіе его офицеры, студенты и актеры въ годъ опустошали сокровище хранимое тамъ десятки лѣтъ. Хотя Беклемишевъ былъ очень богатъ, но подобныя угощенія, да взятый имъ на себя ремонтъ лошадей, чтобъ только жить на свободѣ въ Москвѣ, и въ добавокъ одинъ пріятель офицеръ Колзаковъ, выпросившій у него, на спасеніе имѣнія отъ продажи съ аукціона (что убило бы его родителей) ни болѣе, ни менѣе какъ 60.000 рублей, все это сильно подорвало состояніе Беклемишева, и мой бѣдный другъ долженъ былъ выдти въ отставку и уѣхать въ деревню для поправленія обстоятельствъ. Это было почти одновременно съ моимъ выходомъ изъ театра. Однако вернемся къ бенефису.

Мочаловъ былъ въ восторгѣ отъ своей роли въ *Майко*. Первый страстный монологъ, въ которомъ авторъ излилъ всю свою душу, всю страсть къ любимой имъ женщинѣ, Мочаловъ примѣнилъ къ себѣ и на репетиціяхъ такъ говорилъ его, что всѣ восхищались. Въ день спектакля пріѣзжаю я на репетицію. Меня встрѣчаютъ и говорятъ: «Павелъ Степановичъ не пріѣхалъ; жена его вышла къ каретѣ и сказала кучеру, что онъ запилъ». Что дѣлать? Зная его привычку

*) Героиня драмы того же имени, соч. Ник. Вас. Беклемишева.

Библиотека "Руниверс"

пьянымъ уѣзжать куда-нибудь за городъ, или на кладбище плакать на могилахъ друзей, какъ Кольцовъ и другіе, и писать стихи на все и всѣхъ, я сейчасъ же написала къ Н. В. Беклемишеву: «Спасайте меня, себя и пьесу; другъ запилъ, поѣзжайте и привозите его,—жду обоихъ!»... Черезъ полчаса являются оба.. Мочаловъ мраченъ, зубы подвязаны. Беклемишевъ бѣжитъ ко мнѣ и шепчетъ: «онъ огорченъ, т. е. придрался къ этому, что вы не послали билета его семейству»... а ложи всѣ были проданы .. Я скорѣе посылаю къ родителямъ: «отдайте вашу ложу, и вотъ вамъ взамѣнъ билеты въ галлерею за бенуарами».... Они возвращаютъ и то и другое (имъ не до театра!) Получивъ билетъ, я подхожу къ мрачному Павлу Степановичу, подаю его и говорю: «простите, что съ бенефисными хлопотами я не успѣла ранѣе вручить вамъ билетъ для вашего семейства, а все носила его въ карманѣ». Онъ взялъ и какъ будто повеселѣлъ. Онъ пьяный имѣлъ привычку подвязывать щеку и всегда говорилъ, что поѣдетъ къ дантисту дергать больной зубъ. Насмѣшники давно уже насчитали болѣе сотни зубовъ выдернутыхъ.... Нѣкоторые подходили и спрашивали: «Какъ же вы будете играть при вашемъ нездоровьи?»—«Хоть умру, а играть буду! Какъ же иначе, когда *ея* бенефисъ и *его* пьеса». (Эти *ея* и *его* были любимѣйшіе имъ люди!)

У насъ было обыкновеніе дѣлать на послѣдней репетиціи завтракъ, или хотя небольшое угощеніе.... чай, кофей и бутерброды; но тутъ Ник. Вас. попросилъ у меня и мужа позволеніе распорядиться и сдѣлалъ завтракъ на славу. Но какъ поставить его за кулисами, какъ это всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ? Я сейчасъ придумала и велѣла сервировать завтракъ въ темной директорской ложѣ. Было очень забавно, когда мущины, входя незамѣтно въ ложу изъ-за кулисъ, подавали оттуда разныя закуски и вино дамамъ; а эти послѣднія сидѣли спиной къ бенуару, который почти весь на сценѣ и по приближеніи къ нимъ Павла Степановича вставали съ мѣста, чтобъ загородить соблазнъ. Нѣкоторыя переставали жевать и всѣ, любя меня были къ нему очень почтительны. Послѣ репетиціи я приказала Беклемишеву рѣшительно не отлучаться отъ него и когда онъ предложилъ Мочалову довезти его домой на своихъ лошадяхъ, тотъ сначала воспротивился и хотѣлъ отдѣлаться отъ него громкой фразой: «Неужели ты боишься, что я позволю себѣ что-нибудь, когда *твоя* пьеса и *ея* бенефисъ»? Николай Вас. нашелся и сказалъ: «Я считаю долгомъ поправить ошибку Прасковьи Ивановны и самому предложить билетъ твоей супругѣ..

Дѣло устроилось: Николай Васильевичъ привезъ его домой и довольно долго оставался, но имѣлъ и свои дѣла, почему и рѣшился

Библиотека "Руниверс"

уѣхать и убѣдительно просилъ увѣдомить его, если что̀ случится. И чуть было не случилось: едва тотъ за дверь, а Мочаловъ кричитъ:« Одѣваться! Мнѣ надо ѣхать». Жена умоляетъ его.... и слушать не хочетъ. Тутъ Богъ внушилъ ей мысль, и она сказала: «Хорошо, поѣзжай; я пошлю сказать, что ты не будешь и твою прекрасную, любимую роль сыграетъ Усачевъ. Не онъ ли тебя и подпоилъ вчера вечеромъ какъ это и прежде дѣлалъ, чтобъ только захватить твою роль? Но каково же будетъ имъ, друзьямъ твоимъ, Прасковьѣ Ивановнѣ и Николаю Васильевичу? Если хочешь вина, я тебѣ дамъ: пей сколько хочешь дома».... Къ счастію онъ согласился, а она сейчасъ послала къ Беклемишеву. Тотъ, бѣдный, не успѣлъ и пообѣдать.... бросился къ Мочалову и въ 5 часовъ привезъ его въ театръ. Вскорѣ и я подъѣхала, и первый вопросъ у капельдинера: «Что̀ Павелъ Степановичъ?» — «Здѣсь: Николай Васильевичъ привезли его». Мужъ, взглянувъ на него въ уборной, бѣжитъ ко мнѣ: «Успокойся! Его отпаиваютъ зельцерской водой и мочатъ ему голову».

Начался спектакль. По ходу пьесы Мочаловъ является во второмъ дѣйствіи. При поднятіи занавѣса онъ и другіе лежатъ на коврахъ и пьютъ изъ турьихъ роговъ. Надо сказать, что все было сдѣлано новое, и пьеса монтирована прекрасно. Публика, увидѣвъ своего любимца, зааплодировала..... Мужъ мой, который игралъ его друга, толкаетъ Мочалова чтобы онъ всталъ и раскланялся..... а тотъ едва приподнялся и сидя поклонился публикѣ. Сцена представляла палатку, въ ожиданіи приближенія каравана, идущаго на богомолье, съ которымъ и Майко шла какъ обрученная невѣста.

Влюбленный князь поджидалъ караванъ, чтобы съ товарищами напасть на него и похитить Майко. Прибѣгаютъ сказать, что караванъ близко..... всѣ вскакиваютъ, а Мочалову мужъ мой помогаетъ встать..... Я все это вижу.... и знаю, что сію минуту по перемѣнѣ декораціи онъ долженъ меня, безъ чувствъ, выносить на рукахъ и класть на скамейку..... Тутъ все мнѣ пришло въ голову: и уронитъ-то онъ меня и упадемъ мы вмѣстѣ..... и платье-то онъ неосторожно положитъ, и мнѣ будетъ стыдно..... Я бѣгу къ мужу и говорю: «ради Бога попроси у него позволеніе вынесть меня съ нимъ вмѣстѣ»..... Куда!.... Перемѣна сдѣлана: надо нести меня. Я встала на стулъ..... вижу, Мочаловъ бѣжитъ изъ уборной и со словами: не бойтесь, не бойтесь, мой ангелъ!.. схватилъ меня со стула, вынесъ, положилъ на скамейку и даже платье оправилъ..... Я отдохнула. Сначала онъ любуется ею и что-то шепчетъ; но когда Майко приходитъ въ себя и съ ужасомъ на него смотритъ, онъ начинаетъ говорить страстный монологъ..... да такъ говорить, что публика, артисты и я слушаемъ съ восторгомъ

Библиотека "Руниверс"

этотъ голосъ сердца, а словъ не понимаемъ..... даже я, которая почти наизустъ знала всю сцену; а изъ зрителей многіе рѣшили, что авторъ нарочно написалъ монологъ по-грузински, чтобы показать страстность этого языка. Кончивъ монологъ, онъ убѣгаетъ, а вслѣдъ ему несется восторгъ публики. Къ концу драмы Мочаловъ вполнѣ отрезвился, и пьеса имѣла успѣхъ.

Послѣ драмы шелъ водевиль, не помню его названія, но я представляла 15-ти лѣтняго Французскаго короля Людовика (помнится XVI). Когда я переодѣвалась, то мнѣ пришли сказать что Дм. Тим. Ленскій такъ пьянъ, что едва держится на ногахъ... что Верстовскій *) сердится и боится начинать..... Я поскорѣй переодѣлась, бѣгу на сцену и говорю Верстовскому: «Начинайте, Алексѣй Николаевичъ; ужъ когда драма прошла, а водевиль только смѣшнѣе будетъ». Въ это время идетъ къ Верстовскому Самаринъ, Иванъ Васильевичъ, игравшій въ первой пьесѣ и къ концу ея успѣвшій тоже накатиться Шампанскимъ..... и говоритъ съ сильнымъ негодованіемъ: «Что это, Алексѣй Николаевичъ, и Ленскій осмѣлился напиться, а долженъ выходить на сцену..... компрометировать себя и любимую нашу бенефиціантку»..... а самъ едва языкомъ ворочаетъ..... Тутъ Верстовскій невольно засмѣялся и сказалъ по мочаловски, изъ трагедіи Шекспира: «Ричардъ III» «трехъ Ричмондовъ убилъ, а тутъ еще является четвертый!»

При началѣ водевиля Ленскій стоялъ, держась за кресло..... но когда вошла я, – король,—публика стала аплодировать, а Ленскій, подходя ко мнѣ, сильно пошатнулся... Тогда я подошла къ рампѣ и вслухъ сказала: «Простите! Въ этомъ я не виновата!» Къ счастію его роль была пустая.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ представителей города приходили въ ложу директора и выражали свое негодованіе, что не помѣшало пьесѣ имѣть успѣхъ. Но прошу подумать, каково было мое положеніе?!... Пріѣхавъ домой, я не могла выпить чашки чая..... не могла говорить, не хотѣла слышать о привезенномъ сборѣ денегъ, сидѣла черньше тучи. Въ мысляхъ пробѣгали всѣ эти треволненія; обида, что артисты напились, бо́льшая обида, что любившій меня человѣкъ напоилъ ихъ!.... (Послѣ я узнала, что онъ не былъ виноватъ, что артисты безъ церемоній посылали въ буфетъ и брали на его счетъ Шампанское). Видя меня въ такомъ положеніи, мужъ подошелъ и сказалъ: «вижу и чувствую, что тебѣ очень тяжело; Поплачь, тебѣ легче будетъ: сегодня скончалась бабушка Ксенія Ивановна». Тутъ конечно я разрыдалась и тѣмъ облегчила страшную, душевную тяжесть. . . . . .

*) Директоръ Московскаго театра. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПУШКИНЪ ПО ЗАПИСКАМЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Записки Александры Осиповны Смирновой, появившіяся въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 и 1894 годовъ, содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ самыхъ драгоцѣнныхъ, можно сказать неожиданныхъ, свѣдѣній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, его дворѣ и о лучшихъ представителяхъ тогдашней духовной жизни Россіи. Въ центрѣ всѣхъ событій и разговоровъ, которые передаются съ необыкновенною образностью и съ такими подробностями, что они могли быть сохранены лишь благодаря немедленному занесенію ихъ на бумагу, стоятъ Николай Павловичъ и Пушкинъ. То, что говорится о послѣднемъ въ этихъ Запискахъ, является какимъ-то откровеніемъ. Пушкинъ является конечно не „ничтожнымъ сыномъ міра“, опутаннымъ сѣтью свѣтскихъ условностей и житейскихъ мелочей, тою сѣтью, которой онъ никогда не имѣлъ силы порвать и которая подъ конецъ его задушила; но въ тоже время и не тѣмъ жрецомъ искусства, у котораго

быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ,

а такимъ, какимъ *онъ желалъ быть* и какимъ несомнѣнно былъ по существу своей души. Въ Запискахъ А. О. Смирновой изображены лишь его *лучшія* стороны, тѣ тайники сердца и духа, которые большинству не были доступны и лишь отчасти проглядываютъ въ его самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ. Благодаря этимъ Запискамъ, мы ясно видимъ, что поэтъ былъ выше созидаемаго имъ, что еще необозримое поприще открывалось передъ нимъ и что поэзіей, какъ ни высоко проявляема она была имъ, далеко не исчерпывалось его внутреннее содержаніе. Люди близко знавшіе Пушкина (Нащокинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій) утверждали, что ихъ другъ, за что бы ни принялся, во всемъ былъ бы великъ и геніаленъ. Записки Смирновой служатъ яркимъ тому подтвержденіемъ. Кромѣ того въ нихъ изображены и тѣ стороны его сердца, которыя порождали къ нему безграничную привязанность и горячую любовь людей его близко знавшихъ: искренность, честность, алканіе правды и чисто-дѣтская незлобивость *) соединенная съ тонкою ироніей и полнымъ отсутствіемъ

*) А. С. Хомяковъ говаривалъ, что когда Пушкинъ хохоталъ, звукъ его голоса производилъ столь же чарующее дѣйствіе, какъ и его стихи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

самообожанія. Словомъ все то, что омрачало и оживотнивало душу и сердце поэта, обойдено молчаніемъ, и образъ его представленъ просвѣтленнымъ, одухотвореннымъ.

Умѣть понять такого человѣка какъ Пушкинъ и вызывать въ немъ проявленія лишь возвышенныхъ сторонъ духа—незабвенная заслуга Александры Осиповны Смирновой передъ всѣмъ Русскимъ обществомъ, и ея Записки будутъ настольною книгою всякаго почитателя того поэта, о которомъ Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ, что его,

какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Но по скольку можемъ мы довѣрять этимъ Запискамъ? Сообщаемое А. О. Смирновой не есть ли плодъ ея фантазіи? Если на самомъ дѣлѣ она и бесѣдовала такимъ образомъ съ Пушкинымъ, то какъ она могла запомнить такіе длинные разговоры? Эти сомнѣнія должны зародиться во всякомъ читателѣ, но они разрѣшаются легко. Смирнова при всѣхъ своихъ удивительныхъ способностяхъ не могла сочинить того, что говоритъ въ ея Запискахъ Пушкинъ: для этого ей надо было обладать геніемъ своего друга. На сомнѣніе же въ своей памяти она отвѣчаетъ сама, разсказывая, что Пушкинъ не разъ прочитывалъ ея записи и поправлялъ ихъ.

Труднѣе разрѣшить вопросъ о томъ, по скольку напечатанное Записки дѣйствительно принадлежитъ А. О. Смирновой. Были скептики, утверждавшіе, что Записки совершенно подложны.

Противъ такихъ отрицателей мы можемъ привести слѣдующія соображенія. Извѣстно, что Пушкинъ убѣждалъ Смирнову записывать все, что ей придется увидѣть и услышать замѣчательнаго, и подарилъ ей для этого альбомъ. Достовѣрно, что она вела подробныя записи. Тетради съ подлинными записками были переданы дочерью ея, Ольгою Николаевною, Ивану Сергѣевичу Аксакову. У насъ находится нали цо слѣдующій листокъ: (рукой О. Н. Смирновой) Chère Anna! *) J'avais donnée rendez-vous à И. С. vers 4 hs; je lui laisse 67 cahiers de ma mère et un paquet blanc (feuilles détachées). Рукой И. С. Аксакова: „Получилъ Сентября 16-го 1882 г. Москва. Иванъ Аксаковъ“.

Отрывокъ изъ дневныхъ записей Смирновой, относящійся къ 1845 году, напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“: онъ даетъ понятіе, какъ Записки были ведены.

И. С. Аксаковъ не имѣлъ времени разобраться въ оставленныхъ ему тетрадяхъ: они лежали у него вплоть до его смерти и потомъ были возвращены Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой, которая, поселившись въ Парижѣ, и составила изъ нихъ то, что мы имѣемъ теперь въ печати. Въ какомъ видѣ были подлинники, она сама говоритъ въ своемъ предисловіи, а насколько она придерживалась ихъ, можетъ быть рѣшено лишь тогда, когда отысканы будутъ своеручныя тетради ея матери. Послѣ кончины ея въ Парижѣ бумаги

*) Т. е. Анна Ѳедоровна Аксакова.

Библиотека "Руниверс"

ея, весьма нерѣшливо охраненныя Русскимъ консульствомъ, были отосланы въ Россію къ ея сестрѣ, Надеждѣ Николаевнѣ Соренъ. Среди нихъ до сихъ поръ не удалось отыскать тѣхъ тетрадей Александры Осиповны, по которымъ работала Ольга Николаевна. Гдѣ онѣ? Нѣкоторыя разъясненія по этому поводу могъ бы дать, думается намъ, Александръ Ѳеодоровичъ Онѣгинъ, великій любитель и знатокъ всего того, что къ Пушкину имѣетъ отношеніе. Въ Парижѣ онъ часто посѣщалъ Ольгу Николаевну и, если не ошибаюсь, бывалъ ей не разъ полезенъ своими обширными литературными свѣдѣніями. Можно ожидать указаній и отъ Владимира Сергѣевича Соловьева, который также былъ близокъ къ покойной и, если не ошибаемся, состоялъ однимъ изъ ея душеприкащиковъ.

Допустимъ, что Ольга Николаевна многое измѣняла, сокращала и добавляла; но записки останутся драгоцѣннымъ памятникомъ. Если все, касающееся Пушкина, выдумано (а это рѣшительно невозможно), оно такъ замѣчательно по своему содержанію, что подлежитъ самому широкому оглашенію. А между тѣмъ Записками А. О. Смирновой до сихъ поръ очень мало пользовались.

Извлекая изъ нихъ мѣста относящіяся до Пушкина, мы постараемся сгруппировать по содержанію въ одно цѣлое то, что разбросано въ оригиналѣ, дополняя и поясняя ихъ по возможности словами самого поэта.

«Мы бесѣдовали вчера о вопросахъ религіозныхъ и философскихъ. Александръ Тургеневъ вернулся изъ Парижа и говорилъ намъ о Ламеннэ. Пушкинъ называетъ Тургенева апостоломъ Бенжтетена и Шатобріана въ Россіи. Иногда онъ нѣсколько завирается, особенно послѣ того, какъ повидается съ Парижскими свѣтилами. Совершенно неожиданно онъ объявилъ намъ: «Я искалъ Бога вездѣ! Искалъ Его въ пустыняхъ, въ горахъ, на краю пропасти..» Пушкинъ отъ души расхохотался и сказалъ мнѣ: «Не вѣрьте ему; ничего онъ не искалъ и ничего не нашелъ на краю пропасти. Онъ прочелъ сегодня страницу Шатобріана и позавтракалъ съ Бенжтетеномъ, который живетъ въ Швейцаріи». Насмѣшливый тонъ Пушкина былъ такъ добродушенъ, что не было возможности разсердиться на него; и Тургеневъ, который любитъ его больше, чѣмъ кого-бы то ни было, разсмѣялся вмѣстѣ съ другими, говоря: «Если-бъ я и хотѣлъ разсердиться и поссориться съ тобой, это невозможно. У тебя нѣтъ желчи даже тогда, когда ты жалишь своихъ друзей. А скажи-ка ты, гдѣ ты Его искалъ и гдѣ Его нашелъ?..»

— «Въ моей совѣсти», отвѣчалъ Пушкинъ, «хотя я и пріобрѣлъ репутацію неисправимаго скептика и маловѣра, за то что написалъ скверную эротическую поэму, навѣянную чтеніемъ Грессе, Пирона и Парни, который сводилъ съ ума до меня и дядю моего Василія и Дмитріева, друга Вяземскаго, и даже Батюшкова, что совершенно непонятно, потому что если можно находить удовольствіе въ чтеніи древнихъ пи-

Библиотека "Руниверс"

сателей, наименѣе стыдливыхъ, какъ Луканъ, Проперцій, Петроній, Катуллъ, Тибуллъ, Овидій, Аристофанъ и т. п., это объясняется по крайней мѣрѣ получаемымъ отъ нихъ эстетическимъ наслажденіемъ, котораго не даютъ представители легкой Музы во Франціи. Они не болѣе поэты, чѣмъ ты, Тургеневъ. Ты хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога? Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой нашелъ «Пророка», во имя котораго, кажется, можно-бы и отпустить мнѣ мои грѣхи. Но мои добрые друзья и мои знаменитые критики, забывая о томъ, что я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о глупостяхъ риѳмоплетствовавшаго мальчишки».

Тургеневъ отвѣчалъ Пушкину:

— Помиримся, риѳмоплетъ.

Пушкинъ засмѣялся.

— Мы не воюемъ; это только фехтованіе. Но признайся, что ты все еще немножко относишься ко мнѣ, какъ къ растрепанному лицеисту. Это тебя старитъ, а меня не молодитъ».

Сочиненіемъ «скверной эротической поэмы» Пушкинъ какъ бы завершилъ тотъ періодъ своей жизни, который былъ посвященъ преимущественно безумной тратѣ молодыхъ силъ, необузданному разгулу и размѣниванію своихъ высокихъ способностей на мелочи. Два раза онъ былъ на краю могилы, благодаря тому, что даже и его могучая натура не могла безнаказанно выдерживать непомѣрныхъ кутежей и «безстыднаго бѣшенства желаній». Въ рукописяхъ поэта, относящихся къ его Петербургскому (до изгнанія) періоду жизни, есть любопытный рисунокъ: въ комнатѣ за столомъ, заставленномъ бутылками, одну изъ которыхъ сшибаетъ носкомъ какая-то растерзанная вакханка, сидитъ охмелѣвшій мужчина, другой закуриваетъ трубку, а смерть въ видѣ слуги прислуживаетъ пирующимъ. Недавно обнародованный первый томъ Остафьевскаго Архива, содержащій переписку князя Петра Андреевича Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, даетъ между прочимъ яркую картину той жизни, которую велъ поэтъ въ 1817—1819 годахъ. Но замѣчательно, что въ то время, когда Пушкинъ повидимому окончательно погибалъ въ мутномъ омутѣ безсмысленной жизни, отвращеніе къ ней уже крѣпло въ душѣ его. Къ 1819-му году относится его стихотвореніе «Возрожденіе» («Художникъ варваръ»).

Тоже сожалѣніе о праздно проведенныхъ дняхъ и объ утраченной сердечной чистотѣ выражено имъ въ стихотвореніи, написанномъ 20 Октября 1820 года

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей.

Но хотя заблужденія молодости и были сознаны, Пушкину предстояло еще совершить много грѣховъ, даже и литературныхъ; живая

Библиотека "Руниверс"

воспріимчивость ко всему, что̀ ему ни приходилось испытывать, и необыкновенная легкость, съ какою всякое впечатлѣніе воплощалъ онъ въ формѣ стихотворной, были тому причиной.

«Скверная поэма», упомянутая выше, была написана имъ въ Кишиневѣ 1823 года и долго потомъ мучила совѣсть поэта. Какъ ни возмутительна эта поэма, однако она намъ показываетъ, куда стало обращаться вниманіе Пушкина и какіе вопросы стали его занимать. Немного позже онъ читаетъ Коранъ и, какъ видно изъ писемъ къ брату, усердно занимается Библіей.

Пріѣхавъ въ Одессу, онъ сошелся тамъ съ докторомъ Гучинсономъ. О сношеніяхъ съ этимъ Англичанином онъ писалъ въ Мартѣ 1824 года: «Беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь Англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастью болѣе всего правдоподобная...»

Какъ извѣстно, письмо это было распечатано и послужило однимъ изъ поводовъ къ ссылкѣ Пушкина въ Михайловское. Любопытно, что и самъ учитель аѳеизма впослѣдствіи обратился въ ревностнаго пастора Англиканской церкви.

Много времени спустя видимъ по Запискамъ А. О. Смирновой (тогда еще Россетъ), что Пушкинъ смѣялся надъ фанатиками аѳеизма.

«Я часто задаюсь вопросомъ, замѣчалъ онъ, чего они кипятятся, говоря о Богѣ. Они яростно воюютъ противъ Него и въ тоже время не вѣрятъ въ Него. Мнѣ кажется, что они теряютъ даромъ силы, направляя свои удары противъ того, что̀, по ихъ же мнѣнію, вовсе не существуетъ».

О своихъ же урокахъ аѳеизма онъ, какъ передано въ Запискахъ Смирновой, говорилъ слѣдующее.

«Я тогда написалъ одному изъ моихъ друзей, что беру уроки атеизма и что его положенія представляютъ навѣстную вѣроятность, но что они не утѣшительны. Письмо распечатали, и въ полиціи записали мое имя въ числѣ атеистовъ. А я очень хорошо сдѣлалъ, что бралъ эти уроки: я увидѣлъ, какія вѣроятности представляетъ атеизмъ, взвѣсилъ ихъ, продумалъ и пришелъ къ результату, что сумма этихъ вѣроятностей сводится къ нулю, а нуль только тогда имѣетъ реальное значеніе, когда передъ нимъ стоитъ цифра. Этой-то цифры и не доставало моему профессору атеизма. Онъ давалъ мнѣ читать Гоббса, который опротивѣлъ мнѣ своимъ абсолютизмомъ, безнравственнымъ, какъ всякій абсолютизмъ, и неспособнымъ дать какое либо нравственное удовлетворе-

Библиотека "Руниверс"

ніе... Я прочелъ Локка и увидалъ, что это умъ религіозный, но ограничивающій знаніе только ощущаемымъ, между тѣмъ какъ самъ онъ сказалъ, что относительно вѣры Слово Божіе (Библія) болѣе всего наставляетъ насъ въ истинѣ и что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но *не противорѣчатъ* ему. Юмъ написалъ естественную исторію религіи послѣ своего Опыта о человѣческомъ разумѣ: его-то доводы и убѣдили меня, что религія должна быть присуща человѣку, одаренному умомъ, способностью мыслить, разумомъ, сознаніемъ. И причина этого феномена, заключающагося *въ самомъ человѣкѣ*, состоитъ въ томъ, что онъ есть созданіе Духа Мудрости, Любви, словомъ — Бога. Вообще у Англичанъ со времени реформаціи заговорили о терпимости, о гражданскомъ и религіозномъ освобожденіи и о вопросахъ нравственности столько-же, сколько и о политическихъ вопросахъ .. И я въ концѣ-концовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ нашелъ Бога именно потому, что Онъ существуетъ. Нельзя найти *то, чего нѣтъ*, даже въ пластическихъ формахъ: это мнѣ внушило искусство. Возьмемъ фантастическихъ и символическихъ животныхъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ животныхъ. Если ты возстановишь рисунки летучихъ мышей и уродливыхъ ящерицъ тропическихъ странъ, ты увидишь, откуда взяты драконы, химеры, дикія фантастическія формы. *Выдумать форму нельзя*; ее надо взять изъ того, что существуетъ. Нельзя выдумать и чувствъ, мыслей, идей, которыя не *прирождены* намъ вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнымъ инстинктомъ, который и отличаетъ существо чувствующее и мыслящее отъ существъ только ощущающихъ. И эта дѣйствительность столь же реальна, какъ все, что мы можемъ трогать, видѣть и испытывать. Въ народѣ есть врожденный инстинктъ этой дѣйствительности, т. е. религіозное чувство, которое народъ даже и не анализируетъ. Онъ предпочитаетъ религіозныя книги, не разсуждая о ихъ нравственномъ значеніи: онѣ просто нравятся народу. И его вкусъ становится понятнымъ, когда начинаешь читать Писаніе, потому что въ немъ находишь всю человѣческую жизнь. Религія создала искусство и литературу, все, что было великаго съ самой глубокой древности; все находится въ зависимости отъ этого религіознаго чувства, присущаго человѣку такъ же, какъ и идея красоты вмѣстѣ съ идеей добра, которую мы находимъ даже въ народныхъ сказкахъ, гдѣ злодѣи всегда такъ отвратительны. У всякаго дикаря есть представленіе о красотѣ, хотя и очень грубое, уродливое: и у него есть свои украшенія, онъ хочетъ нравиться; это уже первобытная форма любви. Все это также естественно, какъ вѣрить, надѣяться и любить... Безъ этого не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности ...

Библиотека "Руниверс"

Матеріальная обстановка народа слишкомъ тяжела и дѣлаетъ его матеріалистомъ; это совершенно естественно. Впрочемъ, я думаю, что *мы никогда не дадимъ ему ничего лучше Писанія*. Я убѣжденъ, что народъ болѣе всего склоненъ къ религіи, потому что инстинктъ вѣры присущъ каждому человѣку. Это имѣетъ свою очевидную причину: то, что человѣкъ чувствуетъ, для него существуетъ, и это и есть дѣйствительность. Вѣришь—чувствомъ, надѣешься — врожденной потребностью жить, любишь—сердцемъ. Вѣра, надежда и любовь— естественныя чувства для человѣка; но они сверхъестественнаго порядка, точно также какъ и разсудокъ, совѣсть и память... Хотя и животныя имѣютъ память, или скорѣе, чутье; но я говорю о памяти, которая устанавливаетъ соотношеніе между предметомъ и мыслью или чувствомъ. Все это безусловно сверхъестественно. Я хочу этимъ сказать, что все это стоитъ внѣ опредѣленныхъ и правильныхъ законовъ матеріи и не зависитъ отъ нея, потому что матерія подвергается этимъ законамъ, а сверхъестественное — нѣтъ. Человѣкъ очень непостояненъ, измѣнчивъ, полонъ противорѣчій; но его нравственныя условія постоянно управляются его волей, у него есть выборъ дѣйствій, и онъ рожденъ съ инстинктомъ сверхъестественнаго, которое находится *въ немъ самомъ*; вотъ почему народъ вездѣ склоненъ къ религіи. Я хочу этимъ сказать, что онъ чувствуетъ, что Богъ существуетъ, что Онъ есть высшее существо вселенной, однимъ словомъ, что Богъ *есть*. Этотъ инстинктъ существуетъ и у дикихъ народовъ. Мы слишкомъ мало знаемъ о ихъ происхожденіи; можетъ быть, народы, которыхъ мы считаемъ первобытными, просто выродившіеся и одичавшіе; но это ничего не мѣняетъ въ томъ, что я утверждаю...»

Разъ у Смирновыхъ въ большомъ обществѣ, гдѣ былъ и Барантъ, во время оживленной бесѣды о демократіи (которую мы приведемъ ниже) князь П. А. Вяземскій заявилъ, что христіанство главнымъ образомъ демократическое ученіе.

«Да, знаю, сказалъ Пушкинъ, это политическій ярлыкъ, которымъ его награждаютъ съ тѣхъ поръ, какъ Якобинцы прозвали Іисуса Христа санкюлотомъ-патріотомъ. Это ложь, это даже нелѣпость — переряжинать Его въ якобинца и въ демагога.

Вяземскій: Не станешь же ты меня увѣрять, что Онъ былъ аристократомъ, хотя и повелѣлъ отдавать кесарево кесарю. Да и жилъ Онъ среди бѣдныхъ, среди смиренныхъ.

Пушкинъ: Согласенъ, но Онъ никогда не отталкивалъ другихъ; они его оттолкнули.

Вяземскій. Апостолы были простолюдинами.

Пушкинъ: Это фактъ; то были избранники. Но кто тебѣ сказалъ, что они были избраны потому, что были простолюдины? Замѣть въ то-

Библиотека "Руниверс"

же время, что волхвы (цари) поклонились Ему ранѣе народа, хотя пастухи и были при этомъ. Это и доказываетъ, что *Онъ пришелъ* для царей, для мудрецовъ, для простыхъ людей, *для всего рода человѣческаго*. Когда я читаю Евангеліе, меня всегда поражаютъ нѣкоторые, чрезвычайно знаменательные факты, относящіеся къ тѣмъ, кто исповѣдалъ Его и къ апостоламъ. На этомъ повѣствованіи лежитъ печать такой великой правдивости. Писавшіе Евангеліе не скрыли слабостей апостоловъ, даже ихъ сомнѣній въ началѣ ихъ дѣйствій, и это-то и придаетъ разсказу громадное нравственное значеніе, такъ какъ восхваленіе апостоловъ доказало бы мнѣ только, что разсказъ вымышленный. Эти повѣствованія дышатъ величавой искренностью, а такъ какъ истина не нуждается въ защитѣ, то евангелисты отъ нея и не уклонились.

Баранъ. Не укажите-ли вы намъ на тѣ факты, которые васъ особенно поразили?

Баранъ повидимому, былъ очень удивленъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, и чрезвычайно заинтересованъ отвѣтомъ Пушкина; мы, т. е. Алина*), Мари и я, переглянулись. Пушкинъ обратился ко мнѣ: —«Не находите-ли вы, что я слишкомъ много говорю и все одинъ. Это нескромно».

Я отвѣчала: «Никто здѣсь на это не жалуется; я увѣрена, что всѣ желаютъ васъ слушать».

Всѣ просили его продолжать. Онъ колебался, на минуту задумался и рѣшился.

Прежде всего Благовѣщеніе (послѣ чрезвычайно подробной родословной) и отвѣтъ Богородицы «Се раба Господня»... Уже въ этомъ согласіи она исповѣдуетъ Его; ея родственница Елисавета тоже исповѣдуетъ Его, и пресвятая Дѣва отвѣчаетъ: «Величитъ душа моя Господа». Все это величаніе—самая возвышенная рѣчь, которая когда-либо вылилась изъ души человѣческой. Затѣмъ приходятъ поклониться Ему волхвы, потому что, если пастухи тутъ и были, они еще не «*проникли въ тайну*»; *они видятъ*, но не *знаютъ*. Во храмѣ Его исповѣдуютъ Симеонъ и Анна. Всѣ тѣ, которые исповѣдывали Христа рождшагося, были люди образованные, которые размышляли надъ пророчествами и жили въ храмѣ. Св. Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, исповѣдуетъ Его словами: «Се Агнецъ Божій». Что особенно демократическаго въ этихъ фактахъ и въ этихъ людяхъ, мужчинахъ и женщинахъ? Что Іосифъ былъ плотникомъ? Но онъ изъ рода Давидова, какъ Марія и родственница ея Елисавета. Генеалогія, я полагаю, что-нибудь да доказываетъ. Апостолы, которые за Нимъ послѣдовали, простолюдины; но не

*) Княжна Александра Петровна Волконская (позднѣе Дурново). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

доказано, чтобы всѣ они были низкаго происхожденія. Упоминается лишь о Петрѣ и Андреѣ, ихъ называютъ: «Галилейскіе рыбаки»; о происхожденіи прочихъ не говорится ровно ничего. Іуда его предалъ, Ѳома долженъ былъ осязать, чтобъ видѣть, Филиппъ его не понялъ, Петръ отъ него отрекся, тотъ самый Петръ, который прославилъ Его ранѣе прочихъ, назвавъ Его «Сыномъ Бога живаго». И тотчасъ же Іисусъ Христосъ сказалъ ему, что это только потому, что Отецъ, Духъ Святый вдохновилъ его; Онъ говорилъ устами Петра, а отнюдь не потому, что Симонъ, сынъ Іонинъ, былъ рыбакъ Галилейскій. Іисусъ отрываетъ его и Андрея отъ ихъ промысла, чтобы сдѣлать ихъ «ловцами человѣковъ»; изъ Петра же Онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее: главу священства церкви, Онъ облекаетъ его властью. Петръ — избранный изъ двѣнадцати. Одинъ Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до Голгоѳы, такъ какъ онъ любилъ Его превыше всего; а Іоаннъ, который писалъ по-гречески, великій прозорливецъ Патмосскій, не былъ невѣжественнымъ простолюдиномъ, равно какъ и апостолъ Павелъ, апостолъ Лука и прочіе евангелисты. Апостолъ любви, Св. Іоаннъ, долженъ былъ, преимущественно передъ другими, воплощать въ себѣ типъ пророка, такъ какъ любовь есть *«свѣточъ души»*. Петръ былъ вдохновенъ ранѣе другихъ; не смотря на свои сомнѣнія, на свои паденія, онъ олицетворяетъ собой человѣчество и милосердіе Божіе, коль скоро душа отвроетъ Богу доступъ къ ней. Привыкли какъ-то называть ихъ Галилейскими рыбаками; но что знаемъ мы о ихъ происхожденіи? Если не считать Петра и Андрея, ровно ничего. Коль скоро они получили даръ Святаго Духа, они проповѣдуютъ, обращаютъ въ христіанство и, если мы вѣримъ, это должно имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствія ихъ становятся сверхъестественными лишь по сошествіи Св. Духа. Лишь Петръ въ одномъ случаѣ представляетъ исключеніе. И Іисусъ Христосъ тотчасъ же указалъ на непосредственное внушеніе, ниспосланное Петру; онъ не сказалъ ему, что внушеніе это связано съ его званіемъ бѣднаго рыбака. Эти факты, по моему мнѣнію, достаточно знаменательны; они мнѣ доказываютъ, что Галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ Тарсянинъ, одинъ изъ аристократовъ синагоги, Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, и евангелистъ Іоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, могли въ равной мѣрѣ быть призваны, избраны, безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію. Но это мнѣ не доказываетъ, чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Іисусъ работалъ, какъ и Іосифъ (который изъ рода Давидова), всю жизнь и съ цѣлью *поднять* человѣчество; его стругъ *облагородилъ* трудъ и бѣд-

Библиотека "Руниверс"

ность, но и только. На трудъ тогда смотрѣли какъ на нѣчто унизительное, работникомъ былъ рабъ; надо было поднять его, *возвратить ему его достоинство.* Вотъ, на мой взглядъ, значеніе струга Іисуса Христа. Я не силенъ въ богословіи, я могу ошибаться, я просто дѣлюсь съ вами своими мыслями. Бѣдность также должна была быть выведена изъ своего уничиженія; до нашихъ дней ее унижаетъ общество, которое, однако, почитаетъ себя христіанскимъ».

Вяземскій: И ты изъ этого заключаешь?..

Пушкинъ: Что демократія тутъ не при чемъ. Главнѣйшій фактъ— появленіе волхвовъ, царей, мудрецовъ, которые приходятъ поклониться Ему и принести Ему дары. А при концѣ два богатыхъ человѣка, два аристократа того времени, Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ покупаютъ гробъ и хоронятъ Его. Итакъ, не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатыхъ или бѣдныхъ, какъ не должно говорить, что Онъ одобрялъ Тиверія, когда приказывалъ воздавать кесарево кесарю. *Надо видѣть въ немъ Спасителя всѣхъ человѣковъ; ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ бы Искупителемъ, Богочеловѣкомъ.*

Барантъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ: *этотъ* Пушкинъ былъ ему неизвѣстенъ, онъ не читалъ ни «Пророка», ни другихъ стихотвореній въ томъ же духѣ.

Настало молчаніе. Пушкинъ всталъ и пошелъ разсматривать какую-то картину. Спустя нѣсколько времени, Барантъ сказалъ мнѣ очень тихо:

— Я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ Евангеліемъ; для меня—это чистое откровеніе. А какъ онъ хорошо говоритъ, съ какимъ чувствомъ мѣры! Какой ораторъ бы изъ него вышелъ; онъ увлекалъ бы за собой толпы, онъ краснорѣчивъ отъ природы. Мнѣ говорили, что Государь цѣнитъ его чрезвычайно высоко; я это слышалъ отъ Фикельмона.

Я отвѣчала: Государь сказалъ Блудову въ 1826 году, послѣ своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому тогда было 27 лѣтъ: «Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи».

. . . . . Пушкинъ пришелъ меня навѣстить и спросить моего мнѣнія. Его серьезный видъ заставилъ меня улыбнуться; онъ хотѣлъ знать, не былъ ли онъ нескроменъ тѣмъ, что говорилъ одинъ впродолженіи цѣлаго часа. Я отвѣчала: «Нячуть; часъ этотъ промелькнулъ, какъ одно мгновеніе, и вы всѣхъ привели въ восторгъ, а Баранта болѣе, чѣмъ кого-либо». Я повторила ему все, что̀ послѣдній мнѣ говорилъ. Онъ улыбнулся. «Краснорѣчивъ, ораторъ! Я закончилъ

Библиотека "Руниверс"

богословіемъ, и это была вина Асмодея*); мы спорили объ этомъ вопросѣ нѣсколько дней тому назадъ. Нелѣпо повторять, что Іисусъ Христосъ демократъ; они кончатъ тѣмъ, что перерядятъ Его въ революціонера, въ демагога, въ разрушителя; Онъ станетъ подозрительнымъ въ глазахъ благонамѣренныхъ людей. Люди корчатъ изъ себя одновременно либераловъ и христіанъ; они недостаточно читаютъ Евангеліе, они не нашли бы тамъ, чтобы Іисусъ спрашивалъ, прежде чѣмъ исцѣлить и помочь: богатъ ты или бѣденъ, аристократъ или демократъ? Хоть бы, по крайней мѣрѣ, оставляли политику у входа въ церковь, не впускали ее въ Евангеліе. Только одного еще недостаетъ — это утверждать, что Онъ былъ за парламентаризмъ или за Новгородское вѣче; забываютъ даже, что смерти Его требовалъ народъ». Я отвѣчала: «Напишите-ка это, сочините поэму на Рождество и на волхвовъ». Онъ покачалъ головой. «Евангеліе отъ Луки, которое читается 25-го Марта, лучшая изъ поэмъ. Никогда мнѣ не написать ничего, что̀ хоть сколько-нибудь къ этому приближалось бы». Минуту спустя онъ продолжалъ: «Ваша Мадонна Перуджино меня чаруетъ; она мнѣ представляется такимъ типомъ рабы Господней, той, которая произнесла magnificat. Брюловъ говорилъ мнѣ, что младенецъ написанъ Рафаэлевской манерой». Онъ пошелъ взглянуть на Мадонну и возвратился со словами: «Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите ли, чтобъ я сдѣлалъ вамъ одно признаніе?» — Насчетъ чего? — Моего «Пророка». — Говорите, я не буду нескромной. — Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобъ отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ; гораздо раньше я уже служилъ панихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечитывалъ его Мазепу и остановился на этихъ стихахъ:

«Had pass'd to the triumphant Czar,
I love this sweet name»...

Это эпиграфъ, который я выбралъ для Полтавы, 4 стиха: вамъ я привожу только два. На другой день я былъ въ монастырѣ. Служка попросилъ меня подождать въ кельѣ: на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу: это былъ Исаія. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ «Пророкѣ». Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобъ написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величе-

*) Такъ называли въ Арзамасскомъ обществѣ князя П. А. Вяземскаго.

Библиотека "Руниверс"

ство вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго *Мазепы* заставилъ меня поѣхать служить панихиду по Петрѣ Великомъ? Я часто это дѣлалъ, а въ этотъ день я молился также и за Байрона. Исаію читалъ я раньше; на этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ; я думалъ, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ *съ Священнымъ Писаніемъ*: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ: я открываю книгу наудачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе, какъ всякую другую книгу. Кстати, извѣстно ли вамъ одно древнее гаданіе, которое ведетъ свое начало отъ Латинянъ и тянулось черезъ всѣ средніе вѣка. Его зовутъ sortes Virgilianae. Открываютъ Энеиду и заранѣе рѣшаютъ, съ какой стороны книги и какую строчку прочтутъ, считая сверху внизъ или снизу вверхъ. Я часто пробовалъ это дѣлать съ Энеидой и даже съ Священнымъ Писаніемъ. Въ тотъ вечеръ, возвратясь отъ васъ, я раскрылъ такимъ образомъ Евангеліе и напалъ на текстъ: «возьмите иго Мое, ибо оно благо и бремя Мое легко есть». По славянски тутъ встрѣчается слово *благо,* которое переводится по англійски словомъ *facile.* Я купилъ себѣ Англійскую Библію, чтобы свѣрить текстъ и, читая ее, вижу, насколько Англійскіе поэты изучали Священное Писаніе. Байронъ постоянно читалъ книгу Іова... Прочтя этотъ текстъ, я подумалъ: богатые и бѣдные, счастливые и несчастные во всемъ, аристократы и демократы, великіе и малые, всѣ мы несемъ бремя жизни, иго нашей человѣчности, столь слабой, столь подверженной заблужденію; и это иго, это бремя *уравниваетъ все.* Онъ велитъ намъ взять иго, которое благо, бремя, которое легко,—это Его иго, Его бремя, которое поможетъ намъ нести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Вотъ весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, и здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократа, ни для демократа. Здѣсь только одна, *единственная великая сила*—любовь. Мнѣ все это хотѣлось сказать въ тотъ вечеръ, но я не поддался своему влеченію. Эти вещи не говорятся десяти человѣкамъ; онѣ говорятся лишь съ глазу на глазъ, между друзьями. Я, можетъ быть, даже былъ не правъ, наговоривъ такъ много тогда; мнѣ казалось, что я переступилъ за предѣлы салонной бесѣды и, если я погрѣшилъ противъ такта, прошу васъ извинить меня».

Я повторила ему, что Алина и Мари Элмптъ въ восторгѣ отъ вечера, а Соболевскій и Мятлевъ сказали Николаю,*) что Барантъ ви-

*) Т. е. Николаю Михайловичу Смирнову.

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ такого Пушкина, какого онъ еще не зналъ, и что Вяземскій, какъ кажется, былъ имъ доволенъ. Онъ отвѣчалъ:

— Мы объ этомъ снова съ нимъ говорили, и мнѣ кажется, что онъ сдается на мое мнѣніе. Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, и совѣты его мнѣ драгоцѣнны. Онъ защищалъ меня противъ критики, и этотъ человѣкъ, воспитанный въ XVIII-мъ столѣтіи, вѣрующій, хотя и безмолвно. Въ этомъ отношеніи онъ феноменъ. Я на дняхъ прочелъ очень глубокую мысль по-французски: «*вѣра есть награда борьбы*», и это столько же борьба съ нашими страстями, какъ и съ нашими сомнѣніями. Пестель разъ мнѣ сказалъ: «Разумъ мой этому противится, но сердце мое—матеріалистъ». Это меня отъ него отдалило. Слишкомъ часто думаютъ, что сомнѣніе всегда дѣло разума; сердце сомнѣвается столько же, такъ какъ на немъ отражаются наши печальнѣйшія страсти, наши недостойнѣйшія слабости. Знаете ли, что̀ всего болѣе поразило меня въ первый разъ за обѣдней въ дворцовой церкви, разукрашенной позолотою, болѣе подходящей для убранства бальной залы, чѣмъ церкви. Это, что *Государь молился за этой официальной обѣдней такъ же, какъ и она* *), и всякій разъ, что̀ я видѣлъ его за обѣдней, онъ молился; онъ тогда забываетъ все, что его окружаетъ. Онъ также несетъ свое иго и свое тяжкое бремя, свою страшную отвѣтственность и чувствуетъ ее болѣе, чѣмъ это думаютъ. Я много разъ наблюдалъ за царской семьей, присутствуя на службѣ; мнѣ казалось, что только они и молились».

Въ 1836 году Пушкинъ вмѣстѣ со Смирновымъ ѣздилъ смотрѣть картину Брюлова «Распятіе». Въ залѣ, гдѣ была выставлена картина, были поставлены часовые. Это глубоко возмутило Пушкина; онъ говорилъ: «Это меня оскорбляетъ, это язычество; и убѣжденъ, что это измышленіе діавола». Смирнова поспорила съ мужемъ, что Пушкинъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай, потому что, говорила она, когда что нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе, ему надо излить его въ стихахъ. Нѣсколько времени спустя, Пушкинъ у Смирновыхъ прочелъ свое стихотвореніе: «Когда великое свершалось торжество». Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій сказалъ намъ (пишетъ Смирнова): «Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я». Мы запротестовали. «Да, да, я правъ, продолжалъ Жуковскій. Это результатъ всѣхъ его размышленій это не дѣло одного чувства: его сердце и разумъ вмѣстѣ увѣровали. Впрочемъ онъ еще въ первой молодости написалъ «Пророка».

*) Императрица Александра Ѳеодоровна.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА

къ В. Д. Сухорукову.

Любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ. Пишу къ вамъ въ комнатѣ вашего соотечественника, милаго молодого человѣка *), отъ котораго не рѣдко получаю объ васъ извѣстія. Сейчасъ сказалъ онъ мнѣ, что вы женились. Поздравляю васъ отъ всего сердца; желаю вамъ счастія, которое вы заслуживаете по всѣмъ отношеніямъ. Заочно кланяюсь Ольгѣ Васильевнѣ и жалѣю, что не могу высказать ей все, что̀ про васъ думаю и все, что̀ знаю прекраснаго.

Писалъ ли я вамъ послѣ нашего разлученія въ Арзерумскомъ дворцѣ? Кажется, что не писалъ; простите всегдашнему недосугу и не причисляйте мою лѣность къ чему нибудь иному. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Вы знаете, что я сдѣлался журналистомъ (это напоминаетъ мнѣ, что я не послалъ вамъ Современника; извините—постараюсь загладить мою вину). Итакъ, сдѣлавшись собратомъ Булгарину и Полевому, обращаюсь къ вамъ съ удивительнымъ безстыдствомъ и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите мнѣ что нибудь изъ вашихъ дѣльныхъ и любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бештау и Эльбруса живутъ досугъ и вдохновеніе. Между тѣмъ и о цѣнѣ (денежной) не худо поговорить. За листъ печати я плачу по 200 руб. Не войдемъ ли мы и въ торговыя сношенія? Простите. Весь вашъ А. П.

14 Марта 1836 г.
С. П. Б.

Подлинникъ этого письма, появившагося лѣтъ 30 тому назадъ въ „Донской Газетѣ“, хранится у наслѣдниковъ покойнаго Донского генерала Ѳ. П. Шумкова.

А. Карасевъ.

---

*) Неизвѣстно, кто. Надо, однако, полагать, что тотъ же Шумковъ. А. К.

Библиотека "Руниверс"

О ЗАПИСКАХЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Все что̀ касается Пушкина возбуждаетъ теперь умъ и сердце всякаго образованнаго Русскаго человѣка: перечитываютъ его сочиненія, чтобы вновь восхищаться ими, отыскиваютъ старожиловъ, имѣющихъ хоть что нибудь о немъ сказать; появилось нѣсколько воспоминаній о немъ, но они кратки и малозначущи. Вообще же въ Пушкинѣ видятъ только поэта и великаго художника. Но развѣ онъ былъ только поэтомъ, развѣ это не была мощь въ другихъ отношеніяхъ?

Восхищаясь воспоминаніями матери моей о Пушкинѣ и о той умственно-богатой средѣ, въ которой она вращалась и въ которой Пушкинъ владычествовалъ своимъ геніальнымъ умомъ, я, какъ Русская, помнящая живые разсказы матери о тѣхъ временахъ, возражаю теперь именно на писанное и говоренное о Запискахъ ея и ссылаюсь на письмо, помѣщенное въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (Августа 1893 года) покойной сестры моей О. Н. Смирновой. Именно теперь Записки эти должны быть дороги, какъ характеризующія Пушкина и его геніальный умъ. Преждевременная смерть не дала только совершенно развиться всему тому, что̀ въ Запискахъ вырисовывается такъ ярко. Религія, политика, литература, своя и иностранная, общественныя дѣла, бытъ Россіи, художества, музыка, исторія, чего бы ни касался разговоръ, обо всемъ слово Пушкино было вѣско, блестяще: ибо все его занимало, все было имъ обдумано, понято, его геній проникалъ во все, что̀ должно способствовать къ развитію ума, сердца и души человѣка.

Покойная мать моя при мнѣ передавала одному Англичанину въ Торкѣ (онъ увлекался ея живыми разсказами о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Гоголѣ и др.), что она какъ-то сказала Пушкину: „Poushkine, vous parlez de tout avec connaissance de cause; comme vous devez penser beaucoup à tout! Oui, dit Poushkine, par ce que tout m'intéresse, car tout est complet“.

Странное недовѣріе высказывали у насъ къ Запискамъ А. О. Смирновой, т. е. недовѣріе къ ея памяти. Память была у нея отъ природы удивительная, она развивала ее, именно своимъ дневникомъ. Въ Запискахъ ея упомянуто, что Пушкинъ провѣрялъ ея записи; онъ и Жуковскій поощряли ее записывать всѣ разговоры, все слышанное, могущее развивать ея умственныя способности и познанія. Живя при дворѣ, она продолжали это занятіе. Пушкинъ, цѣнивъ въ черноокой Россетъ не красоту ея облика, но красоту ея ума; онъ цѣнилъ ея желаніе все болѣе и болѣе знать и понимать. Вотъ почему онъ и провѣрялъ записанное ею. Покойная сестра моя, уже больная, начала издавать Записки нашей матери, незадолго до смерти своей, спѣша перебѣлять ихъ съ книжекъ и листковъ и не придерживаясь хронологическаго порядка. Но, да проститъ ей эту спѣшность въ виду цѣнности ея трудной работы: она желала еще при жизни своей поставить этотъ литературный памятникъ. Записки А. О. Смирновой извлечены изъ 60-ти слишкомъ книжекъ и отдѣльныхъ листковъ. Заслуга матери моей (о которой она и не мечтала), именно состоитъ въ томъ, что Записки ея ярче, чѣмъ все другое писанное о Пушкинѣ даютъ намъ возможность понять, кто былъ ребенокъ, родившійся 26 Мая 1799 года.

Надежда Савельева, рожденная Смирнова.

Москва, 10 Апрѣля 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

леніи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и А. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и Н. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лопухина къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна **40** копѣекъ, съ пересылкою 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ **1898**—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"